

# ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТАМБОВСКИХ УЧЁНЫХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ

УДК 94(47):(470.326)  
ББК ТЗ(2)64я43  
П781

**Редакционная коллегия:** профессор В.Б. Безгин (отв. редактор);  
профессор С.А. Есиков;  
профессор П.П. Щербинин

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке ACLS  
(Американского Совета научных обществ:  
American Council of Learned Societies)

П781 Проблемы российской истории в исследованиях тамбовских учёных : сб. статей междунар. науч. конф. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2010. – 108 с. – 200 экз. – ISBN 978-5-8265-0889-3.

Представлены статьи тамбовских историков, обладателей краткосрочных грантов Американского совета научных сообществ (ACLS), ежегодно присуждаемых учёным России, Украины и Беларуси для проведения исследований в области гуманитарных наук. Содержание работ включает в себя различные аспекты российской истории XIX – XX вв: женской повседневности, общественных организаций, политических элит.

Предназначен для специалистов по социальной истории, истории повседневности, гендерным исследованиям, а также всем интересующимся актуальными проблемами истории России.

ISBN 978-5-8265-0889-3

ББК ТЗ(2)64я43

УДК 94(47):(470.326)

© ГОУ ВПО «Тамбовский государственный  
технический университет» (ТГТУ), 2010  
Министерство образования и науки Российской Федерации

ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ  
ИСТОРИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТАМБОВСКИХ УЧЁНЫХ**

(ГРАНТЫ ACLS 2002 – 2009 гг.)

*Сборник статей*



---

Тамбов  
Издательство ТГТУ  
2010

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

**ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ  
ИСТОРИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ  
ТАМБОВСКИХ УЧЁНЫХ**

Сборник статей

Редактор **Е.С. Кузнецова**  
Инженер по компьютерному макетированию **Т.Ю. Зотова**

Подписано в печать 15.01.2010.  
Формат 60 × 84/16. 6,28 усл. печ. л. Тираж 200 экз. Заказ № 21

Издательско-полиграфический центр  
Тамбовского государственного технического университета  
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

**ВОЕННЫЙ ФАКТОР В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ  
РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.:  
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

*Обладатель краткосрочного исследовательского гранта ACLS (2001–2002 гг.) и издательского гранта ACLS (2003–2004 гг.)*

Изучение фундаментальной проблемы влияния военного фактора на повседневную жизнь российского общества через призму женского восприятия позволяет выявить индивидуальный и коллективный опыт личности, семьи, поколений и социальных групп, выяснить обстоятельства, конструировавшие конкретно-исторический контекст повседневности русских женщин в военное и мирное время. Вместе с тем феномен адаптации русских женщин к суровым условиям военного лихолетья, выработки ими стратегии выживания в условиях мощного воздействия военных на гражданское население Российской империи до конца не оценён. Недостаточно изученным остаётся «человеческое измерение» войны, социокультурное восприятие проявлений милитаризма обществом и отдельными людьми, рассмотрение военного опыта с позиций истории повседневности, военно-исторической антропологии и истории частной жизни.

Данная постановка проблемы подразумевает сочетание макро- и микроисторических подходов, использования традиций изучения гендерной и женской истории, реконструкции социальных и правовых коллизий, индивидуальных и коллективных практик выживания «обычных» русских женщин в условиях кризиса повседневной жизни, отягощённого военным фактором, выявление традиционного и уникального, стереотипного и новаторского в развитии российского общества имперского периода Отечественной истории XVIII – начала XX вв.

В данном контексте особое значение приобретает «сплошное», системное исследование широкого комплекса источников. Они включают в себя следующие основные разновидности источников: документы официального (законодательные акты, статистические и делопроизводственные материалы) и личного происхождения (дневники, мемуары, путевые заметки), периодическую печать. Заметим, что значительная часть документов отложилась в федеральных и региональных библиотеках и архивохранилищах: Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Российском государственном архиве военно-морского флота, Российском государственном архиве древних актов, Архиве русского этнографического музея (АРЭМ), Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО) и др.

Архивные источники, которые могут быть подразделены на несколько групп. Первую группу составляют документы государственных учреждений Российской империи, ведавших призывом в армию и осуществлявших надзор за проведением рекрутских наборов, мобилизационных мероприятий, а также формированием военного сословия. Именно в этих центральных и местных учреждениях отложились многочисленные прошения солдатских жён, а также результаты проведённых по ним расследований.

Для исследования текущей практической деятельности по военно-административным и мобилизационным вопросам наиболее информативными являются источники, сосредоточенные в фондах центральных (МВД, Военного и ряда других министерств) и местных (канцелярий губернаторов, губернским по воинской повинности присутствия) учреждений, осуществлявших весь комплекс рекрутских мероприятий, социальной защиты семей военнослужащих, надзор за ними и карательные функции. В этом комплексе можно найти поступающие с мест сведения о настроениях населения, деятельности общественных, прежде всего женских, организаций, а также отчёты учреждений о сборе пожертвований на военные нужды, помощи семьям призванных на войну нижних чинов и другим аспектам проблемы.

Сочетание документов из архивов федерального значения с документами, выявленными автором в архивах Тамбова, позволяет оценить региональную (губернскую и городскую) специфику воздействия военного фактора на повседневные реалии россиянок, выявить особенности региональных тенденций в жизни русских женщин военной поры на фоне общероссийских процессов. Так, военно-статистические описания губерний, имеющие подробную отчётность в фондах канцелярии губернаторов, дают ценный материал о численности военного сословия, занятиях и быте населения, что позволяет сопоставить их с повседневностью солдатки и выявить нагрузку военного фактора на жизнь россиянок в мирные годы.

Весьма ценные информационные пласты о повседневности россиянок военных лет содержат церковные источники, отложившиеся как в фонде канцелярии Синода (РГИА), так и в фондах духовных консисторий региональных архивов. Это ведомости с отчётами священников о нравственном состоянии приходов, религиозных настроениях паствы, деятельности приходских попечительских комитетов по оказанию помощи семьям солдаток и др.

Примечательно, что законодательные акты, составлявшие правовую базу военно-мобилизационной деятельности государства, которая воздействовала на повседневные реалии российского социума, отражены в правилах и уставах, сборниках постановлений, циркуляров и инструкций различных министерств и ведомств.<sup>1</sup> Именно документы этого типа дают возможность изучить правовой статус представительниц военного сословия, формы поддержки семей военнослужащих, исследовать тенденции развития законодательства в области военно-мобилизационной политики и социальной адаптации россиянок, на судьбы которых мощное воздействие оказывал военный фактор. Изучение же частной жизни женщин также невозможно без привлечения законов, регламентировавших семейные отношения.<sup>2</sup>

Весьма полезными являются статистические сведения, в том числе сведения о призыве рекрутов, материалы обследований солдатских семей и детей-кантонистов, данные земских переписей семей призванных на войну нижних чинов.<sup>3</sup> Статистический материал содержится в отчётах центральных и региональных организаций, дамских кружков и земских учреждений,

<sup>1</sup> Законодательные акты, регламентирующие призывы в армию, признание семей призванных на войну, помощь военным инвалидам и членам их семей и др., разбросаны по всему Своду законов, поэтому при написании диссертации широко использовались: ПСЗ. Собр. III. Т. 1 – 23. СПб., 1881 – 1913, а также многочисленные сборники законов: Положение об увольнении нижних чинов военно-сухопутного ведомства в бессрочный отпуск. СПб., 1834; Свод постановлений о солдатских детях. СПб., 1848; Сборник циркуляров МВД по вопросам воинской, военно-конской и военно-повозной повинности. 1874 – 1913. СПб., 1913 и др.

<sup>2</sup> Свод законов гражданских. Гражданские законы с разъяснением их по решениям Правительствующего Сената. Изд. 14. СПб., 1880; Законы о женщинах: Сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола. СПб., 1899.

<sup>3</sup> Статистические таблицы Российской империи, изданные по распоряжению МВД, Центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 г. СПб., 1863; Протокол заседания Тамбовского губернского статистического комитета. 22 мая 1867 г. Тамбов, 1867 и др.

занимавшихся призрением семей призванных на войну солдат, сбором пожертвований на военные нужды и помощь раненым.<sup>4</sup> Данные этих источников, свидетельствуя о численности военного сословия, призыве рекрутов и характеристике их семейного положения, позволяют выявить основные способы поддержки солдаток и членов их семей, оценить возможности частной инициативы в деятельности женских объединений военной поры, проследить процессы межсословных трансформаций (изменения количества солдаток, военных вдов, отпускных и бессрочно-запасных солдат и членов их семей, кантонистов и солдатских девок).

Земские обследования нуждаемости солдаток и собственно прошения солдаток отражают формы апелляции солдатских жён к законодательству, региональным и местным властям (исправникам, губернаторам, земским начальникам и т.п.). Они включают в себя подробное описание состава семьи, степени родства (муж, сын, отец, брат, дядя и т.п.), имущества (дом, наделы земли, постройки, инвентарь и др.), сведения о нуждаемости в пособии и его размере.

Новые возможности реконструкции социально-экономического облика, менталитета, особенностей повседневной жизни россиянок военной поры дают использование информационных технологий, создание электронных баз данных (далее – БД), введение в научный оборот массивов первичного материала региональных архивов, (подлинные рекрутские переписные листы, справки об освидетельствовании, материалы земских обследований и др.).

Отметим, что данные периодической печати оперативно освещали изменения в повседневной жизни русской женщины в военные годы, настроения и социокультурный облик российского социума в целом (центральные газеты: «Новое время», «Биржевые ведомости», «Утро России», «Русское слово», провинциальные: «Борисоглебский листок», «Воронежские епархиальные ведомости», «Моршанский телеграф», «Орловский вестник» и др.; материалы «толстых» журналов («Военный сборник», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Русский вестник», «Исторический вестник», «Нива»), печатавших воспоминания и путевые очерки, дневники сестёр милосердия и других участников и участниц войн. Весьма полезны при проведении исследования и «женские» издания начала XX в. («Женская жизнь», «Женский вестник», «Мир женщины» и др.), в которых помещались отклики женщин на военные события. Материалы периодической печати позволяют составить представление об отношении властей, социального окружения и самих женщин к изменениям в социальном статусе, общественном положении, настроениях россиянок в связи с темой войн или подготовки к ним.

В кругу источников существенная роль принадлежит документам личного происхождения – дневникам, воспоминаниям, путевым заметкам россиянок, принимавших непосредственное участие в боевых действиях<sup>5</sup> или оказывавших помощь больным и раненым воинам в качестве сестёр милосердия<sup>6</sup>. Эти источники отразили опыт войны, повседневные реалии русских женщин, их настроения и отношение к ним мужского военного сообщества. Особый интерес представили дневниковые наблюдения мужчин, отразившие их понимание роли женщины на войне, оценки фронтовой повседневности.<sup>7</sup> Самобытные характеристики повседневной культуры русской провинции, судеб солдаток содержатся в описаниях губерний, письмах с мест, опубликованных в газетах и журналах в военные и мирные годы.<sup>8</sup>

Необычайно яркими являются и этнографические источники: рекрутские плачи, пословицы и поговорки. Образы солдаток нашли своё отражение и в лирических народных и рекрутских песнях.<sup>9</sup>

Таким образом, привлечение данных типов и видов источников позволяет провести комплексное междисциплинарное исследование по данному направлению гендерных аспектов Отечественной истории.

<sup>4</sup> См., например: Отчет Винницкого дамского кружка попечения о больных и раненых воинах. Киев, 1878; Отчёт Тамбовского дамского комитета, состоящего под покровительством его императорского величества общества попечения о больных и раненых воинах за 1877 г. Тамбов, 1878.

<sup>5</sup> Бочкарева М. Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи Исаака Дон Левина. М., 2001; Бочарникова М. В женском батальоне смерти (1917–1918) // Добровольцы. Сб. воспоминаний. М., 2002; Дурова Н. Русская амазонка. Записки. М., 2002.

<sup>6</sup> Гривцева. Извлечение из дневника и писем сестры милосердия в кампанию 1877–1878 гг. // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. Т. VI. СПб., 1879; Духонина Е. Мирная деятельность на войне // Русский вестник. 1882. № 6; Бакунина Е. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854 – 1860 гг.) // Вестник Европы. 1898. № 3 – 5 и др.

<sup>7</sup> Драценфельс Ф. Воспоминания // Сборник рукописей, представленных Его императорскому Высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Т. 2. СПб., 1872; Записки лейб-гвардии казачьего офицера // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. Т. VI. СПб., 1879 и др.

<sup>8</sup> Урсова В. Деревенские картинки // Русская мысль. 1915. № 12; Фаресов А.И. Народ без водки (Путевые очерки). Пг., 1916.

<sup>9</sup> См.: Ульянов И.И. Воин и русская женщина в обрядовых причитаниях наших северных губерний // Живая старина. Пг., 1914. Вып. 3–4; Причитания северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. 2. Рекрутские и солдатские причитания. М., 1997; Сборник великорусских частушек. М., 1914; Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 6 – 10. М., 1860 – 1874; Соболевский А.И. Великорусские народные песни. Т. 6. СПб., 1900; Лазутин С.Г. Русские народные песни. М., 1965 и др.

## БАБЬЯ ДОЛЯ (ЖИЗНЕННЫЙ УДЕЛ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ)

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке American Council of Learned Societies (ACLS), Short-term Grant 2009*

При всей значимости роли мужчины в крестьянском быту сельская повседневность – это в большей мере мир женщины. Её особое положение в семейном быту, самобытность мировосприятия, значение в воспроизводстве традиций – всё это послужило основанием для того, чтобы рассмотреть судьбу крестьянки отдельно.

Сельский мир, будучи по своей сути миром мужским, сформировал по отношению к женщине стереотипы, которые сам же и культивировал в повседневной жизни. Мужик воспринимал бабу как существо низшее по положению, и поэтому она должна находиться у него в подчинении. В деревне считали, что женщину надлежало держать в строгости, пресекая присущие ей пороки, а при необходимости применять и силу для её вразумления. Невысоко оценивали и умственные способности женщины. «У бабы волос долог, да ум короток», – говорили в селе. Женщине считалось предосудительным высказывать своё мнение при обсуждении мирских дел («не бабское это дело»). Порицалась женская склонность к многословию («язык, что помело»), пересудам и склокам. Вмешательство женщин в «мужские» дела вызывало раздражение. Нередко мужики тяготились присутствием женщин, а их уход воспринимался с облегчением. Может, в этих случаях они и произносили ту самую фразу: «Баба с воза – кобыле легче». Всё сказанное не означает, что в повседневном общении, вне посторонних глаз, мужчина не был ласков, внимателен и заботлив по отношению к супруге. Но выказывать нежные чувства к жене на людях в русском селе считалось зазорным.

Судьба женщины в русской деревне изначально была отлична от мужской. Появление на свет девочки принималось как истинное несчастье. Ведь её рождение не сулило семье земельной прирезки, и единственное, что могло утешить, – это пара новых рабочих рук в хозяйстве. Всё семейное воспитание было подчинено одной цели: подготовить к выполнению главного предназначения женщины – быть матерью и женой. В отличие от сыновей родители не стремились обучить дочерей грамоте («не в солдаты идти – прять надо»). Даже в зажиточных семьях дочерям редко давали возможность закончить школу. В лучшем случае дочь могли отдать черничкам на выучку Псалтыри, Часослову. Такое положение определялось традиционным взглядом крестьян на женское образование. Они говорили, что «бабе грамота не нужна, её дело родить и нянчить ребят»<sup>10</sup>. В глазах родителей дочь от рождения была отрезанным ломтём, ведь её удел – замужество. «Этот товар, – говорил курский крестьянин о дочерях, – не следует долго держать, чем скорее сбыл, тем лучше».<sup>11</sup>

Социализация девочек определялась традиционными представлениями о месте и роли женщины в семье. Мать стремилась прежде всего передать дочери умение и навыки по ведению домашнего хозяйства. С детства крестьянская девочка была включена в напряжённый трудовой ритм, а по мере взросления менялись и её производственные функции. Девочек лет с пяти-шести отправляли в няньки или поручали полоть огород. Крестьянские бабы часто использовали дочерей в качестве помощниц в своих работах. Весной девочки занимались белением холстов, а с осени до весны они пряли.<sup>12</sup> Родители всегда давали детям только ту работу, которая им была по силам. Трудовое обучение в селе осуществлялось, выражаясь современным языком, с учётом возрастных особенностей детей. Так, крестьянскую девочку лет в одиннадцать сажали за прялку, на тринадцатом году обучали шитью и вышивке, в четырнадцать – вымачивать холсты. Одновременно учили доить коров, печь хлеб, грести сено.<sup>13</sup> Одним словом, обучали всему тому, что было необходимо уметь в крестьянском быту. Трудолюбие высоко ценилось общественным мнением деревни. Оценка односельчанами девушки как работницы непременно учитывалась при выборе невесты.

Брак являлся важнейшим этапом в жизни крестьян. Посредством него достигалась полноценность сельского бытия. В глазах сельских жителей женитьба выступала непременным условием обретения статуса полноправного члена общины. Холостого мужчину, даже зрелого возраста, в селе называли «малым» и к его голосу не прислушивались. Супружеский союз являлся основой материального благосостояния хозяйства. В деревне говорили: «В нашем быту без бабы невозможно: хозяйство порядком не заведешь, дом пойдёт прахом»<sup>14</sup>. Нормальное функционирование двора не могло быть достигнуто по причине упомянутого выше семейного разделения труда. Поэтому при выборе невесты внимание в первую очередь обращали на её физические качества, а уже потом на всё остальное. Брак для крестьян был необходим с хозяйственной точки зрения. В средней полосе России, в чернозёмных губерниях экономические возможности семьи во многом зависели от величины её земельного надела, полагавшегося лишь женатым мужчинам. Такой порядок побуждал родителей стремиться к скорейшей женитьбе сына, чтобы расширить семейный надел и приобрести в дом дополнительную работницу. Родители невесты спешили «спихнуть девку с хлеба».

При выборе невесты учитывали её репутацию («Не баловалась, а то слушок пойдёт»), особенно ценилось трудолюбие и умение работать.<sup>15</sup> Если брали невесту из другого села, то значение имело не только оценка семьи, но и деревни в целом. Так, жители тамбовского с. Носины предпочитали не брать пару из соседнего барского с. Новотомниково. По воспоминаниям Л.Ф. Маркиной (1910 года рождения), отец не разрешил сыну взять невесту из этого села, сказав: «Она из легкобрюшников, они на работу не спешат, их граф избаловал»<sup>16</sup>.

После того как потенциальная невеста была определена и по сведениям сельской свахи препятствий для заключения брака не было, родители жениха засылали сватов. Приход сватов сопровождался обрядовыми действиями, традиционным словесным набором и символическим торгом. Согласие завершалось молитвой и обильной трапезой. В крестьянском быту заключение условий сделки сопровождалось взаимным ударением правых рук: оттого законченное сватовство называлось «рукобитье»<sup>17</sup>. После совершения взаимного целования сватов с обеих сторон давались торжественные обещания. Это

<sup>10</sup> Краснощёпов И.М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 1. С. 269–270.

<sup>11</sup> Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7. Оп. 2. Д. 686. Л. 22.

<sup>12</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 15.

<sup>13</sup> Кузнецов С.В. Культура русской деревни // Очерки русской культуры. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 234.

<sup>14</sup> Цит. по: Миронов Б. Вокруг свадьбы // Знание – сила. 1976. № 10. С. 43.

<sup>15</sup> АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 121. Л. 12.

<sup>16</sup> Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчёт Т.А. Листовой. Л. 2, 3.

<sup>17</sup> Тютрюмов И. Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 7. С. 135.

означало, что стороны пришли к соглашению о сроке свадьбы и о величине предстоящих расходов.<sup>18</sup> Нарушение данного слова влекло за собой, на основе норм обычного права, юридические последствия. Оскорблённая сторона могла потребовать возмещение понесённых затрат и компенсацию за «бесчестье», поскольку отказ жениха от заключения брака оскорблял девичью честь и бросал тень на её репутацию.<sup>19</sup>

Выбор невесты был уделом родителей, а точнее, решением главы семейства. Мнение жениха спрашивали редко, личные симпатии не имели решающего значения, а брак являлся прежде всего хозяйственной сделкой. По мере ослабления патриархальных устоев, роста самостоятельности сельской молодёжи положение в этом вопросе постепенно менялось, и брачный выбор перестал быть исключительной прерогативой родителей. Увеличилось число браков, заключённых без родительского благословения.

Браки в русском селе традиционно были ранними. Этнограф Г. Звонков на примере Елатомского уезда Тамбовской губернии отмечал их заключение в возрасте 13 – 16 лет, упоминая о случаях женитьбы 12–13-летних парней на 16–17-летних девушках.<sup>20</sup> По данным статистики, на конец 60-х гг. XIX в. в Европейской России возраст 57 % невест и около 38 % женихов не превышал 20 лет.<sup>21</sup>

В работе Ф. Ильинского «Русская свадьба в Белгородском уезде Курской губернии», выполненной по программе исследования Русского географического общества, указывалось, что «молодые люди женятся в 18–19 лет, девушки выходят замуж в 16–17 лет. Двадцатилетний неженатый парень уже редкое явление среди крестьян. А 20-летняя девушка считается засидевшейся невестой, и выходит замуж за парней, отбывших воинскую службу»<sup>22</sup>. К аналогичным выводам пришли современные тамбовские исследователи, изучавшие брачное поведение крестьян на основе метрических книг сельских приходов. Наиболее распространённым возрастом вступления в брак мужчин в Алексеевском приходе (Моршанский уезд Тамбовской губернии) был промежуток 18–19 лет (59 % всех брачных пар), а возрастная группа 17 – 20 лет вообще составляла 73 %.<sup>23</sup>

Сельские невесты спешили к венцу от страха «засидеться в девках». Женитьба на девушке возрастом более 20 лет считалась для деревенских парней делом малопривлекательным. Для девушек, не вышедших замуж в срок, возникала угроза остаться «вековухей». Следует помнить и о том, что без мужа женщина в селе не имела самостоятельного значения, поэтому девичеству она предпочитала самую плохую партию. Положение замужних женщин, согласно нормам обычного права, было выше, чем иных, в браке не состоящих.<sup>24</sup>

Идеальная, с точки зрения крестьян, разница в возрасте новобрачных составляла 2–3 года в пользу жениха. Для невесты считалось бесчестьем выйти замуж за «старика», т.е. мужчину старше её более чем на 3 года. Исходя из демографической ситуации, это было вполне оправданно. Средняя продолжительность жизни мужчин в селе была на 2–3 года меньше, чем у женщин. С увеличением возрастной разницы брачующихся для крестьянки возрастала вероятность раннего вдовства.<sup>25</sup>

Браки в русской деревне были не только ранними, но и всеобщими. По данным демографической статистики конца XIX в., вне брака оставалось не более 4 % жителей села.<sup>26</sup> Оправданием безбрачия в глазах крестьян служили только физические или умственные недостатки. С пониманием относились сельские жители к монашествующим, тем, кто решил посвятить свою жизнь Богу и давал обет безбрачия. Существовала в деревне и категория женщин, которые не вступили в брак по тем или иным причинам, их называли «черничками». К мужчинам и женщинам брачного возраста, не создавшим семью, общественное мнение села относилось крайне неодобрительно. В глазах крестьян такое поведение воспринималось как неисполнение заповедей Божьих и поругание народных традиций.

В крестьянской среде конца XIX – начала XX вв. сохранялось понятие святости венца. Жители села осуждали незаконное сожитие, считая это преступлением, поруганием религии и чистоты брачного очага. Невенчаный брак в деревне был явлением редким. Крестьяне с подозрением относились к таким гражданским бракам. Больше презрение в таких случаях падало на женщину-полюбовницу. Её ставили в один ряд с гулящими девками и подвергали всяческому оскорблению. Осуждая женщину за незаконную связь, общество обращало внимание на хозяйственную способность крестьянки. Умелое ведение хозяйства в данном случае выступало важным условием, смягчавшем оценку её нравственного облика.<sup>27</sup>

Осень традиционно являлась временем крестьянских свадеб – это объяснялось окончанием сельскохозяйственных работ, появлением у крестьян денежных средств, для того чтобы «сыграть свадьбу». На осень – зиму в селе приходилось большинство престольных праздников, к которым крестьяне стремились, с целью экономии, приурочить свадебные торжества. По данным А.И. Шингарева, в сёлах Ново-Животинном и Моховатке Подгоренской волости Воронежского уезда 81,7 % от всего годового количества свадеб приходилось на период с октября по февраль.<sup>28</sup> В Тамбовском уезде (1885 г.) только на октябрь – ноябрь падало 64 % всех браков за год.<sup>29</sup> Браки отсутствовали в марте (Великий пост) и декабре (Рождественский пост) по причине того, что в эти периоды венчание воспрещалось. На период Великого поста, по подсчётам Никольского, приходилось и минимальное количество зачатий, что составляло 5,5 %.<sup>30</sup> Если принять, что в среднем в месяц

<sup>18</sup> См.: Всеволожский Е. Очерки крестьянского быта // Этнографическое обозрение. 1895. № 1. С. 5.

<sup>19</sup> Спасский И. Обычаи, приметы и поверья в приходе с. Александровки-на-Свале Тамбовского уезда // Тамбовские епархиальные ведомости. 1880. № 17. С. 452.

<sup>20</sup> Звонков А.П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1889. Вып. 1. С. 115.

<sup>21</sup> Данные по: Комарова О.Д. Демографические аспекты изучения семьи // Семья: традиции и современность. М. 1990. С. 245.

<sup>22</sup> Архив Русского географического общества (АРГО). Разр. 19. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1.

<sup>23</sup> См.: Канищев В.В., Мизис Ю.А. Брачное поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем: материалы VII рег. конф. по ист. демографии и ист. географии. Воронеж, 2000. С. 29.

<sup>24</sup> См.: Краснопёров И.М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 1. С. 273.

<sup>25</sup> См.: Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. С. 164.

<sup>26</sup> Там же. С. 172.

<sup>27</sup> Милогорова И.Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. 1998. № 2. С. 19.

<sup>28</sup> Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежской губернии. СПб., 1907. С. 188.

<sup>29</sup> Никольский В.И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885. С. 98–99.

<sup>30</sup> Там же.

приходилось 8,3 % от годового числа зачатий, то следует признать, что даже в такой трудно поддающейся контролю сфере, как половые отношения, крестьяне в большинстве своём придерживались установлений Православной церкви.

Другой максимум деревенских свадеб приходился на зиму, январь – февраль. Традиция заключать в этот период браки была глубоко оправданной: по наблюдениям врачей и священников, зимние свадьбы давали самых здоровых детей осеннего рождения. По расчётам исследователя Б.Н. Миронова, доля зимних свадеб среди населения Европейской России в период 1906 – 1910 гг. составляла 42,2 %.<sup>31</sup> Сезонность сельских браков являлась результатом взаимодействия церковных установлений и особенностей аграрного труда.

С замужеством для русской крестьянки начинался новый этап в её жизни. Изменение общественного статуса влекло за собой обретение ею новых функций, обусловленных традициями семейного быта.

По народным представлениям, главное предназначение женщины заключалось в продолжении рода. Само соитие между мужчиной и женщиной по православным канонам было оправданно лишь как средство зачатия детей. Рождение ребёнка воспринималось как милость Божья, а отсутствие детей у супругов воспринималось как наказание за грехи.

У русской крестьянки на рубеже XIX – XX вв. половая зрелость наступала в 15 – 17 лет. По расчётам доктора В.С. Гроздева (1894 г.), средний возраст появления первой менструации для крестьянок средней полосы России составлял 16,1 лет. У крестьянок Тамбовской губернии, по данным врача Н.М. Какушкина, он был меньшим – 15,3 лет.<sup>32</sup> Первый ребёнок у тамбовских крестьянок в среднем рождался в 18 лет и 4 месяца.<sup>33</sup> Наступление физической стерильности наступало к 40 годам, т.е. за 5 – 7 лет до наступления менопаузы. К этому времени детородная функция крестьянской женщины, как правило, прекращалась: тяжёлые условия труда и быта вкупе с огромными физическими нагрузками преждевременно лишали женщину способности к деторождению.<sup>34</sup> Таким образом, фертильный период у сельской женщины конца XIX в. составлял 20 – 22 года. По подсчётам демографов, русская крестьянка этого периода рожала в среднем 7 – 9 раз. Среднее число родов у крестьянок в Тамбовской губернии составляло 6,8 раза, а максимум – 17.<sup>35</sup> Приведём отдельные выписки, сделанные из отчёта гинекологического отделения тамбовской губернской земской больницы за 1897, 1901 гг.: «Евдокия Мошакова, крестьянка, 40 лет, замужем 27 лет, рожала 14 раз»; «Акулина Манухина, крестьянка, 45 лет, замужем 25 лет, рожала 16 раз»<sup>36</sup>. В условиях отсутствия искусственного регулирования рождаемости количество детей в семье зависело исключительно от репродуктивных возможностей женщины.

Высокая младенческая смертность играла роль стихийного регулятора воспроизводства сельского населения. По данным обследований (1887 – 1896 гг.), удельный вес умерших детей до пяти лет в среднем по России составлял 43,2 %, а в ряде губерний – свыше 50 %.<sup>37</sup> Наибольшее число младенцев, примерно каждый четвёртый, умирало в летние месяцы. Причиной тому служили кишечные инфекции, характерные для этого времени года. По данным врача Г.И. Попова, от поноса в 1890-е гг. гибло от 17 до 30 % грудных детей.<sup>38</sup> Мало ситуация изменилась и в начале XX в. По данным «Врачебно-санитарных хроник», за 1908–1909 гг. младенческая смертность в этот период составляла в Тамбовской губернии от 16 до 27,3 %.<sup>39</sup>

К смерти младенцев в деревне относились спокойно, говоря «Бог дал – Бог взял». «Если ртов много, а хлебушка мало, то поневоле скажешь: "Лучше бы не родился, а если умрёт, то и слава Богу, что прибрал, а то все равно голодать пришлось бы"»<sup>40</sup>. Появление лишнего рта, особенно в маломощных семьях, воспринималось с плохо скрываемым раздражением со стороны домочадцев. При появлении очередного ребёнка свекровь в сердцах упрекала сноху: «Ишь ты, плодливая, облакалась детьми, как зайчиха. Хоть бы подошли твои щенки»<sup>41</sup>. В воронежских сёлах бабы о смерти младенцев говорили так: «Да если бы дети не мерли, что с ними и делать, так и самим есть нечего, скоро и избы новой негде будет поставить»<sup>42</sup>. Осуждая аборт, рассматривая его как преступление перед Богом, деревенские бабы не считали большим грехом молиться о смерти нежеланного ребёнка.

Детородные функции и состояние здоровья крестьянки в целом зависели прежде всего от условий труда и быта. В деревне говорили: «Борода кажет мужа, а женщину нужа». Непосильные повседневные работы, плохое питание изнашивали женский организм, вели к раннему старению. Большинство работ, выполняемых крестьянкой по дому или в поле, было связано с поднятием тяжестей. «Немало женских заболеваний – изгибов и загибов матки, её воспаление с последующим бесплодием или рождение "истомленных детей" – обязаны происхождением своим непосильным работам», – констатировал саратовский земский врач С.П. Миронов.<sup>43</sup> В результате такой «надрывной» работы у крестьянок часто случались выкидыши. Из 1059 опрошенных врачом П. Богдановым рожавших женщин у 195 в общей сложности было 294 выкидыша. В Тамбовском уезде в 1897 – 1899 гг. на 2164 родовспоможений, произведённых и учтённых медиками, приходилось 267 мертворождённых, 142 мнимоумерших и 187 выкидышей, что составляло 35 % от числа детей, родившихся живыми.<sup>44</sup>

Земский врач В.И. Никольский, обследовавший состояния половой сферы крестьянок Тамбовского уезда в 1885 г., писал: «У нас женщина несёт тяжёлую полевую работу, она вредна для неё, так как связана с усиленной механической работой. Особенно вредна прополка, когда целый день приходится ходить, согнувшись в тазобедренных сочленениях под острым углом». По данным автора, изменения формы и положения матки давали 16,6 % всех заболеваний половой сферы у

<sup>31</sup> Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 170.

<sup>32</sup> Данные по: Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

<sup>33</sup> Никольский В.И. Указ. соч. С. 112.

<sup>34</sup> Морозов С.Д. Брачность и рождаемость крестьян Европейской России (конец XIX – начало XX в.) // Крестьяноведение. Вып. 3. М., 1999. С. 104.

<sup>35</sup> ГАТО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

<sup>36</sup> Отчёт гинекологического и родильного отделения тамбовской губернской земской больницы за 1897 г. Тамбов. 1899. С. 40; То же за 1901 г. Тамбов. 1902. С. 28.

<sup>37</sup> Данные по: Фёдоров В.А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) // Вестник МГУ. 1994. № 4. С. 19.

<sup>38</sup> Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб. 1907. С. 210.

<sup>39</sup> Подсчитано по: Врачебно-санитарная хроника Тамбовской губернии за 1908–1909 гг. Тамбов, 1909.

<sup>40</sup> Цит. по.: Фёдоров В.А. Указ. соч. С. 16.

<sup>41</sup> Семенова-Тянь-Шанская О.П. Жизнь Ивана. Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 8.

<sup>42</sup> Шингарев А.И. Указ. соч. С. 139.

<sup>43</sup> Цит. по: Фёдоров В.А. Указ. соч. С. 8.

<sup>44</sup> Дьячков В.Л. Труд, хлеб, любовь и космос, или о факторах формирования крестьянской семьи во второй половине XIX – начале XX в.



сельских женщин.<sup>45</sup> Для предупреждения выпадения матки бабки засовывали больным во влагалище картофелины, свёклу, репу, иногда деревянные шары.<sup>46</sup> На состояние женского здоровья влияла и демографическая ситуация в деревне, когда нарушалось традиционное соотношение мужского и женского труда. Доктор В.Ф. Вамберский проследил в Тамбовской губернии динамику числа больных с опущением и выпадением матки за период с 1903 по 1927 г. При среднем значении за каждое пятилетие в 6,54 % больных в период 1913 – 1917 г. доля таких больных составила 7,8 %.<sup>47</sup> В период Первой мировой войны, по причине мобилизации мужского населения, во многих крестьянских семьях женщины были вынуждены выполнять мужские работы.

В объяснении того, почему женщина «скинула» ребёнка, жители села были далеки от выяснения объективных причин. По народным поверьям, выкидыши приписывались таким прегрешениям матери, как несоблюдение постов, нерадивость в молитве, неверность мужу, совокупление с ним под праздник. Деревне не хватало элементарных медицинских знаний. Жители села упорно придерживались взглядов, далёких от научной трактовки. И такие взгляды отличались устойчивостью. В 1924 г. читательница журнала «Крестьянка» сообщала в редакцию: «В то время, когда мать почувствовала ребёнка, в деревне считают, что «выкинуть» женщина уже не может. Поэтому её не щадят в работе, злоупотребляют её трудом, Во время жатвы случаются от этого кровотечения, а иногда и смерть»<sup>48</sup>.

Нелёгким был труд крестьянки. Помимо полевых работ, на её плечах лежали обязанности по уходу и содержанию скота, приготовление пищи, уборка избы и стирка одежды. В тех местах, где имелись конопляники или посеы льна, в её обязанности входили уборка, вымочка, сушка и другие операции, необходимые для производства пеньки и сукна.<sup>49</sup> Каждая баба в селе должна была не только держать огород, но и по окончании уборки овощей произвести рубку капусты, выборку картофеля. Сельские женщины производили все необходимые для семьи заготовки на зиму: солили огурцы, квасили капусту, сушили грибы и пр. В период с поздней осени до ранней весны деревенские бабы были заняты прядением льна, шерсти, конопли. В сёлах Павловского уезда Воронежской губернии в зимнюю пору женщины вязали шерстяные чулки, ткали кушаки, которые потом сбывали на ярмарках Войска Донского по цене от 80 к. до 2 р.<sup>50</sup> Вплоть до начала XX в. крестьянская одежда в большинстве своём изготавливалась из домотканого сукна. Хозяйка следила за тем, чтобы все домочадцы имели необходимую одежду, а в случае необходимости занималась её починкой. В круг обязанностей женщины входило также приготовление пищи для всей семьи.

В селе существовало чёткое разделение работ на «мужскую» и «женскую». Выполнять мужчине, даже мальчику, работу по дому считалось зазорным. Жители села в повседневной жизни старались придерживаться этих неписаных правил из-за боязни осуждения и насмешек со стороны односельчан. Нарушение этих правил допускалось для холостяков, вдовцов. Женщине подчас приходилось выполнять мужские работы в силу объективной необходимости. В случаях, если муж (сыновья) находился в отхожем промысле, был призван на действительную службу или мобилизован на войну, все хозяйственные работы были исполняемы женщиной.

Традиционно женским занятием в селе считалась вымочка конопли. Во время этих работ, обычно начало – середина октября, крестьянки часами простаивали по колону в студёной воде. Следствием простуды ног и живота был эндометрит, или, как говорили в деревне, «застудилась». Определённую роль в возникновении гинекологических заболеваний играли венерические болезни. Триппер, приносимый в деревню мужьями-отходниками, нередко становился причиной вульвита и эндометрита. Большинство заболеваний половой сферы являлось следствием несоблюдения женщинами гигиены половых органов. По наблюдениям земских врачей, количество гинекологических больных в селе резко возрастало в жаркую летнюю погоду.<sup>51</sup> Причина тому – отсутствие гигиены в страдную пору по причине постоянного присутствия мужчин. Необходимой чистоплотности не было и зимой. В тесных избах мужчины и женщины проводили большую часть времени вместе, и бабы опять же не имели возможности приводить себя в надлежащий порядок. Да и само состояние крестьянского жилища создавало благоприятную атмосферу для развития различных патогенных микробов.

Современного исследователя не может не поражать то безразличие, с которым сельские бабы относились к своему здоровью. Женские хвори обнаруживали, как правило, на стадии обострения или в хронической форме. Крестьянки порой просто не замечали выделений (белей) по причине грязного платья. Свою роль играло и невежество селянки. Некоторые бабы в Орловской губернии лечиться у докторов от женских болезней считали за великий конфуз: «бабе свое нутро перед людьми выворачивать зазорно». Когда такой пациентке доктор предлагал осмотреть её, та стремительно убегала из больницы и старалась скрыть от всех слова доктора, чтобы потом не заслужить упрёка от баб: «тебя давно все оглядели»<sup>52</sup>. По мере развития сети земской медицины, роста образованности жителей села и санитарного просвещения крестьянского населения эти взгляды постепенно уходили в прошлое.

Выяснение сути «бабьей доли» невозможно без характеристики положения замужней женщины. Горькие причитания невесты накануне свадьбы были не только данью традиции. Это слёзы прощания с «девичьей волюшкой» и страха перед грядущим замужеством. Её уделом становился повседневный изнурительный труд и безропотное подчинение супругу. Власть мужа, его отношение к жене определялись традиционными взглядами и стереотипами поведения. В селе существовали неписанные правила, регламентирующие поведение замужней бабы. Предосудительным считалось ходить на посиделки, разговаривать на улице с холостым мужчиной и т.п. В с. Раеве Моршанского уезда Тамбовской губернии считалось позором ходить супругам парой. По местному обычаю жена должна была идти позади мужа саженей в пяти.<sup>53</sup> Бабы не имели права вмешиваться в мужицкие разговоры, высказывать своё мнение по вопросам, их не касающимся.

<sup>45</sup> ГАТО. Ф. 182. Оп.1. Д. 1. Л. 42 об, 43.

<sup>46</sup> Богданов П. Указ. соч. С. 8 – 10.

<sup>47</sup> ГАТО. Ф. 182. Оп.1. Д. 1. Л. 47.

<sup>48</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 396. Оп. 2. Д. 29. Л. 1.

<sup>49</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1088. Л. 12.

<sup>50</sup> Там же. Д. 451. Л. 3.

<sup>51</sup> Богданов П. Указ. соч. С. 8, 9, 19.

<sup>52</sup> Попов Г. Указ. соч. С. 107.

<sup>53</sup> Покровский И. Указ. соч. С. 1361.

Патриархальные традиции требовали безусловного подчинения жены мужу. Эта зависимость сложилась исторически и была обусловлена причинами религиозного, социального и экономического порядка. Характер аграрного производства, общинный уклад и подушное обложение фактически исключали самостоятельное значение женщины. Объективно крестьянское бытие не предполагало равноправия полов, отводя женщине второстепенную, а следовательно, подчинённую роль. Современники, представители образованного общества, много и не без основания писали о семейном гнёте. Они возмущались, и справедливо, грубостью нравов, царивших в крестьянской семье. Но так ли оценивали своё положение сами крестьянки? Есть основания утверждать, что всевластие мужа воспринималось ими как должное. С детства девушка видела обращение отца к матери, помнила её неоднократные наставления о покорности в грядущем замужестве, была свидетелем, возможно не единожды, сцен публичной расправы над строптивыми жёнами. Сельская баба воспринимала свой удел как жизненный крест, который должна была смиренно нести.

Безотчётная власть мужа над своей женой отразилась в народных поговорках: «Бью не чужую, а свою»; «хоть верёвки из неё выю»; «жалей, как шубу, а бей, как душу»<sup>54</sup>. Этот варварский обычай, шокировавший просвещённую публику, в деревне являлся делом обыденным. С точки зрения норм обычного права, побои жены не считались преступлением в отличие от официального права. Рукоприкладство в деревне было чуть ли не нормой семейных отношений. «Бить их надо – бабу да не бить, да это и жить будет нельзя». Мужик бил свою жену беспощадно, с большей жестокостью, чем собаку или лошадь. Били обычно в пьяном виде за то, что жена скажет поперёк, или били из-за ревности. Били палкой, и рогачом, и сапогами, ведром и чем попало.<sup>55</sup> Порой такие расправы заканчивались трагически. В местных газетах того времени периодически появлялись сообщения о скорбном финале семейных расправ. Приведём лишь одно из них. «Тамбовские губернские ведомости» в номере 22 за 1884 г. писали, что в д. Александровке Моршанского уезда 21 февраля крестьянка, 30 лет от роду, умерла от побоев, нанесённых ей мужем.

В сельской повседневности поводов для семейного рукоприкладства всегда было более чем достаточно. «Горе той бабе, которая не очень ловко прядет, не успела мужу изготовить портянки. Да и ловкую бабу бьют, надо же её учить».<sup>56</sup> Такая «учёба» в селе воспринималась не только как право, но и как обязанность мужа. Крестьяне говорили, что если «бабу не учить – толку не видать». О живучести таких взглядов в селе свидетельствуют данные по Больше-Верейской волости Воронежской губернии, собранные краеведом Ф. Железновым. В своём исследовании за 1926 г. он приводил результаты ответа крестьян на вопрос «Надо ли бить жену?». Около 60 % опрошенных крестьян ответили утвердительно, считая это «учёбой». И только 40 % сельских мужчин считали, что делать этого не следует.<sup>57</sup>

Насилие порождало насилие, создавало примеры для подражания. И то, что шокировало стороннего наблюдателя, воспринималось в деревне как обыденное явление. Интересное суждение о сельских нравах приводил в своих мемуарах А. Новиков, прослуживший семь лет в должности участкового земского начальника Козловского уезда Тамбовской губернии. Он писал: «В крестьянской семье более чем где-либо, проявляется победа грубой физической силы; уже молодой муж начинает бить свою жену; подрастают дети, отец и мать берутся их пороть; старится мужик, вырастает сын, и он начинает бить старика. Впрочем, «бить» на крестьянском языке называется «учить»: муж учит жену, родители учат детей, да и сын учит старика-отца, потому что тот выжил из ума. Нигде вы не увидите такого царства насилия, как в крестьянской семье»<sup>58</sup>.

Проблема, на мой взгляд, заключалась не в особой жестокости русского мужа, а в необходимости следовать традиции, соответствовать образу «грозного мужа». «Крестьянин сознаёт, что он глава жены, что жена должна бояться своего мужа, вот он и выражает свое превосходство перед нею, внушает ей боязнь, уважение к себе кулаком, да вожжами», – делился своими наблюдениями о деревенских нравах священник из Курской губернии.<sup>59</sup> Корреспондент В. Перьков из Болховского уезда Орловской губернии сообщал: «Власть мужа состояла в том, что он мог от неё требовать работы и полнейшего повиновения во всём. Он мог её бить, и соседи относятся к этому хладнокровно. «Сама себе раба, коль не чисто жнёт», – говорят они».<sup>60</sup> Общественное мнение села в таких ситуациях всегда было на стороне мужа. Соседи, не говоря уже о посторонних людях, в семейные ссоры не вмешивались. «Свои собаки дерутся – чужая не приставай», – утверждали в селе. Иногда крестьяне колотили своих жён до полусмерти, особенно в пьяном виде, но жаловались бабы посторонним очень редко. «Муж больно бьёт, зато потом медом отольется».<sup>61</sup> То есть и сама женщина относилась к побоям как к чему-то неизбежному, явлению обыденному, своеобразному проявлению мужниной любви. Не отсюда ли поговорка: «Бьёт – значит любит!»?

Русская баба, являясь объектом насилия, репродуцировала его. Сама, терпя побои, воспринимая их как должное, она репродуцировала эту «традицию» у подрастающего поколения. Приведу описание сцены семейной расправы, произошедшей в с. Александровке. Этот документ обнаружен нами в архиве редакции «Красный пахарь» и датирован 1920 г. «На расправу сбежалась вся деревня и любовалась избиением, как бесплатным зрелищем. Кто-то послал за милиционером, тот не спешил, говоря: «Ничего, бабы живучи!». «Марья Трифионовна, – обратилась одна из баб к свекрови, – за что вы человека убиваете?». Та ответила: «За дело. Нас ещё не так били». Другая баба, глядя на это избиение, сказала своему сыну: «Сашка, ты что ж не поучишь жену?». И Сашка, совсем парнишка, даёт тычок своей жене, на что мать замечает: «Разве так бьют?». По её мнению, так бить нельзя – надо бить сильнее, чтобы искалечить женщину. Неудивительно, что маленькие дети, привыкнув к таким расправам, кричат избиваемой отцом матери: «Дура ты, дура, мало ещё тебе!»<sup>62</sup>.

В объяснении этого явления есть и психологический фактор. Побои жены выступали для мужика компенсатором за унижение, которое он испытывал в повседневной жизни со стороны помещика, чиновника, земского начальника, урядника. Сталкиваясь с произволом «сильных мира сего», ощущая состояние зависимости, крестьянин искал выход негативным

<sup>54</sup> Бунаков Н. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906. С. 50–51; Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской области // Сборник для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2. М., 1890. С. 54.

<sup>55</sup> Семёнова-Тянь-Шанская О.П. Указ. соч. С. 5.

<sup>56</sup> Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 16.

<sup>57</sup> См.: Железнов Ф. Воронежская деревня. Больше-Верейская волость. Вып. 2. Воронеж, 1926. С. 28.

<sup>58</sup> Новиков А. Указ. соч. С. 9–10.

<sup>59</sup> См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 686. Л. 23.

<sup>60</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л.2, 3.

<sup>61</sup> Там же. Д. 1215. Л. 3.

<sup>62</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 5. Д. 254. Л. 113.

эмоциям. Это рождало желание продемонстрировать свою власть, пусть даже в пределах семейного круга. Такое стремление к самоутверждению принимало порой самые неожиданные формы. Информатор из Орловской губернии в своём сообщении в адрес Этнографического бюро приводил следующий случай: «Муж поспорил, что жена его не посмеет отказаться при всех лечь с ним. Была призвана жена и беспрекословно исполнила требуемое, муж выиграл пари, а мужики даже поднесли и бабе водки «за храбрость».<sup>63</sup>

Была ли у сельской женщины возможность оградить себя от рукоприкладства мужа-самодура, защитить свою честь и достоинство? Некоторые женщины пытались найти управу на мужей в волостных судах. Исследователи конца XIX в. расходились в оценке эффективности таких обращений крестьянок. Юрист И.М. Красноперов считал, что волостные суды не спешили встать на защиту чести и достоинства женщин, считая это дело семейным. Из 118 случаев побоев мужьями своих жён, зарегистрированных в волостных книгах, суды приговорили к наказаниям только четырёх виновных, да и то не столько за побои, сколько за дебоширство и пьянство.<sup>64</sup>

По мнению специалиста в области обычного права С.В. Пахмана, волостные суды не только не уклонялись от разбора дела о личных обидах между супругами, но весьма энергично защищали жён от деспотизма мужей.<sup>65</sup> На основе изученных материалов волостных судов аналогичное суждение высказывает современный исследователь Л.И. Земцов. Он считает, что «крестьянки активно пытались найти защиту в волостном суде», и «абсолютное большинство проступков по отношению к женщине волостным судом наказано»<sup>66</sup>. Волостные суды, в отличие от общинных судов, не оставались безучастными к искам потерпевших женщин. Так, Горельский волостной суд 5 марта 1872 г. рассматривал жалобу крестьянки. В ней говорилось о том, что её муж Сергей Антонов Бетин ни за что избил её, изорвал на ней рубаху и юбку и вырвал много волос. А затем, связав ей руки, вёз по селу. Суд приговорил виновного к аресту на 7 дней.<sup>67</sup> Иногда инициатором обращения в волостной суд с жалобой на жестокое обращение с женой выступали должностные лица села. Исследователь дореволюционной поры П. Березанский в своей работе, посвящённой обычному праву крестьян Тамбовской губернии, приводил в качестве примера решение Стрельниковского волостного суда. В этом суде слушали жалобу сельского старосты на крестьянина Ф., который часто бил свою жену до полусмерти. Суд определил наказать семейного дебошира 20 ударами розгами и объявил ему, чтобы тот оставил все свои дурные поступки и жил в своём семействе смиренно.<sup>68</sup>

Другой формой женского протеста против семейной тирании являлось бегство. К концу XIX в. выросло количество обращений крестьянок с просьбой выдать им паспорт. Для того чтобы его получить, требовалось согласие мужа, а он, как правило, такого согласия не давал. Те женщины, которые находили прибежище в родительском доме, возвращались мужьями насильно. Иные покинутые мужья обращались в волостной суд. Тот предписывал женщине вернуться к мужу, так как надо работать в поле, а в целях предотвращения издевательств в будущем грозил привлечь мужа к суровому наказанию. Теоретически у крестьянки был ещё один выход из положения – развод.

Развод в русской деревне был явлением крайне редким. В своих воспоминаниях о детстве в тамбовской деревне митрополит Вениамин (Федченков) писал, что на пятьдесят вёрст кругом он не слышал ни об одном случае развода<sup>69</sup>. В 1912 г. почти на 115 млн. человек православных всех возрастов было расторгнуто всего 3532 брака, в 1913 г. на 98,5 млн. человек – 3791 брак, причём подавляющая часть разводов приходилась на город.<sup>70</sup> Народные традиции и нормы церковного права делали добровольное расторжение брака практически невозможным. Исследователь С.С. Крюкова на основе изучения брачных традиций второй половины XIX в. установила причины разводов у крестьян в повседневной жизни. Это несогласие в семейной жизни; уход одного из супругов в секту; неспособность мужа выполнять супружеские обязанности; бесплодие жены; длительная отлучка одного из супругов.<sup>71</sup> К этим причинам следует добавить и неспособность одного из супругов выполнять хозяйственные работы. Жёсткие требования к разводу были продиктованы не только церковным уставом, но и экономическими условиями жизни крестьянской семьи. Ведь при разводе или смерти супруги в крестьянском хозяйстве нарушалось традиционное соотношение мужских и женских рук, необходимое для нормальной производственной деятельности. Нередко на другой день после похорон мужик толковал о новой бабе. «Без бабы в доме никак невозможно, – говорил он, – надо невесту искать»<sup>72</sup>.

В этом не было ни жестокосердия, ни пренебрежения к умершей супруге, а только суровые реалии крестьянского быта.

Прелюбодеяние в обычном праве не признавалось основанием для расторжения брака. В этом случае от обманутого мужа ожидали вразумления неверной жены, а не развода. Жён, уличённых в измене, жестоко избивали. На такие расправы в селе смотрели как на полезное дело: по понятиям крестьян, с женой всегда нужно обращаться строго, чтобы она не забаловалась. «Жену не бить – толку не быть!»<sup>73</sup>

Для официального расторжения брака, церковного развода, требовалось решение правящего архиерея, поэтому в русской деревне второй половины XIX – начала XX вв. существовали «самовольные разводы». Дать количественную оценку этому явлению невозможно по причине того, что такие «расходки» нигде не регистрировались. Этнографические источники свидетельствуют о том, что иногда в селе супруги расходились добровольно, т.е. прекращали совместное проживание, но к формальному расторжению брака не прибегали. По наблюдениям Ф. Костина из Орловского уезда, «рассорившиеся супруги часто расходятся. Большой частью со двора уходит жена, а муж остаётся дома. Иногда муж заявляет в волости, чтобы жене не давали паспорт. И тогда жена обыкновенно живёт у кого-либо из родственников. Супруги иногда расходятся добровольно и живут врозь, но только те, у кого нет детей»<sup>74</sup>. Отсутствие детей в семье после нескольких лет совместной жизни в глазах

<sup>63</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 2, 3.

<sup>64</sup> См.: Красноперов И.М. Указ. соч. С. 279.

<sup>65</sup> Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. СПб., 1877. Т. 1. С. 249.

<sup>66</sup> Земцов Л.И. Крестьянки в волостном суде // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв.: материалы междунар. конф. Тамбов, 2002. С. 328.

<sup>67</sup> Березанский П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев. 1880. С. 217.

<sup>68</sup> Там же. С. 218.

<sup>69</sup> Митрополит Вениамин (Федченков). На грани веков. М., 1994. С. 70.

<sup>70</sup> Данные по: Морозов С.Д. Указ. соч. С. 103.

<sup>71</sup> См.: Крюкова С.С. Брачные традиции южнорусских губерний во II пол. XIX в. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 48.

<sup>72</sup> Бунаков Н. Указ. соч. С. 51.

<sup>73</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 13.

<sup>74</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1245. Л. 7.

крестьян являлось веской причиной для прекращения супружества. «У кого детей нет – во грехе живёт», – гласила народная пословица.

Гражданский развод в селе санкционировался негласно общиной и общественным мнением. Упомянутый корреспондент из Орловского уезда по этому поводу писал следующее: «В нашей местности разводы бывают при вмешательстве сельского схода и народного суда. При таких разводах вторично жениться супругам, конечно, нельзя, но они имеют полное право, по народному мнению, жить раздельно, не притесняя один другого. Когда желают разойтись и просят об этом общество, то должны указать причины. Когда есть дети, то их оставляют с отцом, будь они девочка или мальчик. Но если мать пожелает взять с собой девочку, то это ей позволено. Если муж и жена разводятся, не имея детей, то ей разрешается взять свое имущество и приданое. Если разводятся супруги, имея детей, то жене не всё выдаётся, а часть холстов, детских рубашек оставляется. После развода муж не обязан выдавать жене ни месячины, ни других пособий и она должна жить, как хочет. Когда после развода у крестьян от любовниц рождаются дети, то они были обязаны кормить их до совершеннолетия, и если девочка, то выдать замуж, если мальчик, определить его куда-то в зятя или в усыновление. Но большей частью таких детей определяют в воспитательные дома или подкидывают»<sup>75</sup>.

Наиболее частой из причин разводов являлась смерть одного из супругов. Вдовство, в народных представлениях, воспринималось как Божье наказание. Второй брак в деревне не осуждался, но вызывал определённый суеверный страх из-за боязни того, что он будет недолговечным и несчастным. Третий брак по народным понятиям считался недопустимым. Крестьяне считали, что такой мужик берёт на себя страшный грех, идя против Божественной воли. В деревне говорили: «Первая жена от Бога, вторая – от человека, третья – от чёрта». Второй брак был необходим, по мнению крестьян, только в том случае, если у вдовца были малолетние дети, а в семье не было женщины, способной к уходу за ними. В этом случае вдова – самая подходящая невеста для вдовца, как опытная женщина. К бракам вдовцов на девушках относились неодобрительно. И поэтому чаще всего вдовые супруги вступали в новый брак друг с другом. Из 100 браков вдовцов (1875 – 1886 гг.) в Тамбовской губернии 56 приходилось на браки вдовцов на вдовах.<sup>76</sup> Для совместного проживания порой сходились пожилые (мужчины старше 60 лет, женщины – 50 лет), одинокие крестьяне. Такой союз в селе считали неприличным, памятуя о том, что Бог создал брак «для умножения рода человеческого»<sup>77</sup>.

В семейном хозяйстве женщина занимала вполне определённое традициями сельского быта место. Исследователи русской деревни конца века сходились в утверждении о том, что бабы имели мало влияния на хозяйственные дела. Это вполне согласуется с воззрениями самих крестьян. «Баба только и может, что за домом глядеть, да чего скажут, сделает, а распоряд вести – не её ума дело»<sup>78</sup>. Место и роль женщины в крестьянском хозяйстве под влиянием объективных условий существенно менялись. Причины тому как развитие товарно-денежных отношений в деревне, так и возросшая социальная мобильность сельского населения. В связи с широким распространением отхожего промысла бабе часто приходилось в отсутствие мужа выполнять обязанности главы семьи и самостоятельно вести хозяйство. По справедливому замечанию исследователя И.Н. Милоголова, женщины в областях развитого промыслового отхода были более независимы и уверены в себе, знали цену своей работе.<sup>79</sup> Женщина могла встать во главе хозяйства в том случае, если действия её супруга вели к разорению имущества двора. Мир считал возможным, если муж расточителен и пьяница, возложить ответственность за платёжеспособность двора на бабу. Она становилась во главе двора со всеми вытекающими отсюда последствиями по распоряжению общесемейной собственностью. При признании мужа недееспособным «большинство» также передавалось жене. Примером может служить решение Пичаевского волостного суда Тамбовской губернии, который признал крестьянку полной хозяйкой в связи с тем, что её супруг находился на излечении в лечебнице для душевнобольных.<sup>80</sup>

В силу своего общественного и семейного статуса крестьянка выступала носителем традиций сельской повседневности. Её семейная обыденность – это следование череде привычных жизненных ролей (жены, матери, хозяйки и т.п.) Всякое отклонение от поведенческих стереотипов было практически невозможно по причине жёсткого контроля со стороны общественного мнения.

Положение крестьянки в семейном быту определялось традициями русского села, а особенности экономики крестьянского двора обуславливали её производственные функции. Поведение бабы в семье и в общине в целом регулировалось нормами обычного права. Роль женщины менялась в результате объективных процессов, сопровождавшихся разрушением патриархального устоев деревни. Ломка привычных связей, модернизация сельского быта, переход к малой семье – всё это сопровождалось эмансипацией крестьянки, ростом её девиантного поведения.

<sup>75</sup> Там же. Л. 11, 12.

<sup>76</sup> Якушкин Е.И. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // Этнографическое обозрение. Кн. IX. М., 1891. № 2. С. 6.

<sup>77</sup> Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 165.

<sup>78</sup> Тихонов В.П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарapulьского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 3. М., 1891. С. 64.

<sup>79</sup> Милогорова И.Н. Указ. соч. С. 73.

<sup>80</sup> ГАТО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 111. Л. 5–6.

**ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕСТЁР МИЛОСЕРДИЯ В ПЕРИОД ВОЙН РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.**

*Обладатель краткосрочного исследовательского гранта ACLS (2001–2002 гг.) и издательского гранта ACLS (2003–2004 гг.)*

Деятельность сестёр милосердия в период войн России XVIII – начала XX вв. отражала не только их патриотические порывы, но и служила важным свидетельством женской общественной инициативы и самореализации. Однако, рассматривая проблему женского участия в военно-медицинской деятельности, необходимо ответить на следующие вопросы: Каким образом регламентировалось «проникновение» женщин в российскую армию в период войн в качестве сестёр милосердия? Насколько эффективным и результативным было это участие россиянок в помощи армии и Отечеству? Отразилось ли женское участие в военно-медицинской сфере в годы войны на изменении их правового положения и отношении к ним в мирные годы?

Примечательно, что ещё в начале XVIII в. предпринимались попытки привлечения женщин к уходу за ранеными в госпиталях и лазаретах. В 1716 г. в «Уставе воинском» законодательно регламентировались организация медицинской помощи раненым и участие женщины в уходе за ними: «Потребно всегда при десяти больных быть для услужения одному здоровому солдату и нескольким женщинам, которые оным больным служить имеют и платье на них мыть...»<sup>81</sup>. Однако это начинание не получило широкого развития. Возможными причинами отказа от женского труда в военных медицинских учреждениях было как отсутствие средств на их содержание, так и сложности взаимоотношений полов в воинских подразделениях. Не случайно в госпитальном регламенте оговаривалось, что женщины-вдовы или «добрые замужние жёны», которым предстояло ухаживать за больными и стирать их бельё, должны содержаться в «крепком призрении, чтоб ни единая из них не могла... и разговаривать с молодыми холостыми лекарями и учениками, тако ж и с больными или с караульными солдатами, или с надзирателями и нарешко смотреть, чтоб кроме упомянутых, другие женщины, какого б звания ни были, в госпиталь не входили»<sup>82</sup>. При привлечении женщин для работы в госпиталях предпочтение традиционно отдавалось вдовам. В уставе о непременных военных госпиталях одним из главных требований при назначении кастелянши и её помощницы был вдовый статус женщин: «из штаб- или обер-офицерских вдов, а в меньших госпиталях из унтер-офицерских вдов, известных по поведению и благонадёжности»<sup>83</sup>.

Кроме того, предпринимались и попытки привлечения для ухода за больными и ранеными воинами монахинь и послушниц монастырей. В 1722 г. Пётр I издал указ о назначении монахинь в госпитали. В Санкт-Петербурге, Котлине и Ревеле предписывалось иметь по одной «старнице» и её помощнице для надзора за работницами и бельём.<sup>84</sup> Подобный женский уход в госпиталях был рассчитан на обеспечение больных чистой одеждой и постельным бельём. Проще говоря, первые сёстры были в первую очередь прачками, сиделками, а потом уже сёстрами милосердия.

Нередко в военные госпитали нанимали и солдатских жён, которые проживали с мужьями-солдатами при воинской части. Для солдаток это была едва ли не единственная возможность найти работу и дополнительные источники существования. Однако из-за низкого жалования и множества обязанностей, а также нежелания мужей «отлучать» жён на тяжёлую низкооплачиваемую работу многие солдатки отказывались работать в госпиталях. Так, в середине XVIII в. в лазарет Семёновского полка «для ухода за больными пробовали нанимать и солдатских жён, и других женщин, но это продолжалось недолго за отказом их»<sup>85</sup>.

Очевидно, что попытки создать женскую службу в госпиталях в XVIII в. не получили устойчивого развития. И хотя понятие «женская служба в военных госпиталях» продолжало существовать в указах и госпитальных регламентах, на практике оно было почти забыто. После смерти Петра I сократились возможности женского ухода за больными солдатами, а старицы были возвращены в монастыри.<sup>86</sup> Обычно в XVIII в. в госпитали назначались отставные солдаты или вдовы больничных солдат, что вполне соответствовало традициям русской армии и общественным настроениям рассматриваемого периода. Для военной коллегии было удобнее всего, чтобы именно эти категории населения обслуживали и помогали больным и раненым воинам, так как это позволяло экономить средства и находить применение труду бывших военнотружеников и членов их семей.

Кроме того, солдатские жёны в этот период привлекались и для ухода за больными в гражданских больницах. В 1763 г. в Москве была открыта Павловская больница на 25 коек, в которой для ухода за больными по штату полагалось «иметь баб – сиделок из жён и вдов больничных солдат». В 1776 г. в Москве была создана Екатерининская больница на 150 коек. В больничный штат входили главный доктор, лекарь, два подлекаря и 24 сиделки мужского и женского пола. В отчётах ревизоров отмечалось, что «для приготовления пищи, для мытья белья и содержания в чистоте постелей имеется при госпитале довольно число женщин из солдаток (солдатских жён), и им пристойная плата производится. Оные женщины употребляются к услужению больным, для которых по роду болезней их присмотр причлен»<sup>87</sup>. И всё же привлечение женщин к работе в медицинских учреждениях носило в XVIII в. ограниченный характер. Главным сдерживающим фактором являлось недоверчивое отношение властей и военного начальства, а также самих россиянок к возможности применения женского труда в гражданских и военных медицинских учреждениях.

В период Отечественной войны 1812 г. женщины помогали больным и раненым в тыловых госпиталях, собирали необходимые для перевязок и лечения принадлежности. Некоторые дворянки, трудившиеся в период войны в лазаретах и оказывавшие помощь больным и раненым воинам, были позже награждены медалью «В память Отечественной войны 1812 года». Однако о привлечении женщин к работе в лечебных учреждениях действующей армии и речи не было.

В первой четверти XIX в. власти вновь реанимируют идею о введении женской службы по уходу за больными и ранеными в военных госпиталях. Указ 1819 г. предписывал «нанимать в госпитали военных поселений с числом более 150 больных 20 женщин по уходу за больными, 5 служительниц и 1 надзирательницу». Однако эти инициативы не получили достаточного развития в первой половине XIX в., и основной формой участия женщин в помощи больным и раненым воинам стало развитие общин сестёр милосердия.<sup>88</sup> Это было одно из замечательных явлений подвижничества, общественной инициативы и благотворительности, охвативших русское общество в середине XIX в. В сестринском движении нашло выражение и стремление россиянок бороться за социальное равноправие, а общины сестёр милосердия являлись одной из форм общественной самоорганизации женщин. Заметим, что в рассматриваемый период правления

<sup>81</sup> Шибков А.А. Первые женщины-медики России. Л., 1961. С. 7.

<sup>82</sup> Быт русской армии XVIII – начала XX века / Авт.-сост. С.В. Карпушенко. М., 1999. С. 34.

<sup>83</sup> Цит. по кн.: Шибков А.А. Указ. соч. С. 8.

<sup>84</sup> Горелова Л., Кудря Д. Очерки по истории подготовки среднего медицинского персонала в России // Медицинская сестра. 1987. № 1. С. 44.

<sup>85</sup> Энциклопедический медицинский справочник для военных фельдшеров. М., 1953. С. 1279.

<sup>86</sup> Мирский М.Б. Медицина России XVI – XIX веков. М., 1996. С. 75.

<sup>87</sup> Горелова Л., Кудря Д. Очерки по истории подготовки среднего медицинского персонала в России // Медицинская сестра. 1987. № 1. С. 44–45.

<sup>88</sup> Медицинская сестра до 1917 г. именовалась сестрой милосердия.

Николая I сама идея общественной инициативы россиянок, даже для благотворительных и патриотических целей, была необычной и непривычной, встречая сопротивление властей и пересуды в обществе.<sup>89</sup>

Начало общинному сестринскому движению в России было положено в 1844 г., когда в Петербурге по инициативе великой княжны Александры Николаевны и принцессы Т. Ольденбургской была организована первая в России община, названная Свято-Троицкой.<sup>90</sup> Возникали общины сестёр милосердия и в других городах, и очевидно, что сестринское движение в России получило достаточно широкое распространение, а работа сестрой милосердия становилась одной из важнейших форм медицинской и общественной деятельности женщин. Заметим, что сёстры милосердия участвовали во всех войнах России второй половины XIX – начала XX вв. Деятельность общин сестёр милосердия и их участие в помощи больным и раненым воинам завершились в России после прихода к власти большевиков в 1917 г.

Важно заметить, что российские общины сестёр милосердия не были ограничены монашескими обетами и не носили жёсткой религиозной направленности.<sup>91</sup> Движение сестёр милосердия имело светский характер. Сёстры милосердия могли наследовать имущество и владеть им. Но следует признать, что суровый режим и ограничения в личной жизни были весьма обременительны для сестёр милосердия. Лишь отдельные из них служили в общине пожизненно, а большинство сестёр отдавали служению милосердию не более 5 – 10 лет.<sup>92</sup> Руководство общинами, как правило, осуществлялось дамскими комитетами, в которые входили женщины-дворянки и старшая сестра общины.

Жизнь сестёр милосердия была строго регламентирована. Они не получали ни зарплаты, ни пенсии, не имели выходных и отпусков, получая в общине лишь пищу и одежду.<sup>93</sup> Настоятельницы общин тщательно следили за нравственностью сестёр милосердия и их человеколюбием. Подготовленная сестра милосердия должна была уметь выполнять некоторые лечебные процедуры, знать правила санитарно-гигиенического ухода за больными, способы перевязки ран, фармацию и рецептуру.

Религиозная символика всё же оказывала влияние на развитие сестринского движения. Названия некоторых общин были связаны со святыми символами. Так, Свято-Троицкая община была названа в честь Святой Троицы, Крестовоздвиженская – в честь воздвижения Креста Господня. Некоторые сестринские общины были названы в честь членов императорской семьи – Никольская, Мариинская. Общины сестёр милосердия имели своего священника-духовника. Несомненно, что и некоторые термины – настоятельница, община – были заимствованы из монастырских уставов.<sup>94</sup>

Заметим, что в России впервые в мире сложилась собственная традиция женской помощи больным и раненым воинам в военные годы, которая позволила сохранить жизни и облегчить страдания сотням тысяч солдат и офицеров российской армии. Не менее важным был и нравственный опыт женщин – сестёр милосердия и возможность реализовать себя в тяжёлых условиях военного быта. Да и самостоятельное участие женщин в работе медицинских учреждений было невиданным для России явлением, вызывая толки в обществе, раскрывая новые грани применения женского труда и общественной деятельности в годы войны. Кроме того, женский труд в госпиталях фактически доказывал как самим женщинам, так и многим мужчинам, что равноправие полов в период защиты Отечества – явление не только удивительное, но и полезное, вносящее новые веяния в социальные, общественные и межличностные отношения. Таким образом, общины сестёр милосердия стали первыми женскими общественными медицинскими организациями, созданными по частной инициативе, и являлись неотъемлемой частью женского движения в России, свидетельствовали о процессах женской эмансипации.

Работа сестёр милосердия на театре военных действий в период Крымской войны привела к серьёзным переменам во взглядах общества на положение и роль женщины. Во-первых, сами сёстры милосердия преодолели внутренние сомнения, реализовав свои намерения по оказанию помощи защитникам Отечества в условиях фронтовой повседневности. Для многих современников стало очевидно, что без участия сестёр милосердия в спасении больных и раненых военнослужащих многие из них были бы обречены на гибель и мучения. Помощь пострадавшим от военных действий военнослужащим и гражданскому населению, оказывавшаяся сёстрами милосердия в период Крымской войны 1853 – 1856 гг., явилась прообразом деятельности будущего общества Красного Креста, первым шагом к Женевской конвенции 1864 г. и становлению международного гуманитарного права.

Во-вторых, сёстры милосердия наглядно продемонстрировали обществу и власти модель организованной помощи раненым и больным на театре войны и сформировали основы военного сестринского дела. Героическое участие сестёр милосердия в Крымской войне привело к рождению, по словам известного учёного-хирурга И.А. Вельяминова, «типа медицинской сестры»<sup>95</sup>. В 1871 г. военное министерство издало «Правила для сестёр милосердия, назначаемых для ухода за больными и ранеными в военных госпиталях». На сестёр возлагались преимущественно функции контроля за фельдшерами, правильным соблюдением предписаний врача, раздачей и приготовлением пищи и т.д. А с 1873 г. сёстры, состоявшие в штатах госпиталей, приказами по военному ведомству приравнивались к офицерскому составу в пользовании помещением, питанием, бытовыми услугами. Штаты сестёр милосердия в госпиталях определялись из расчёта 1 сестра на 100 больных.<sup>96</sup> Как видим, законом предоставлялась возможность женщинам служить в системе военного и морского ведомств (пока лишь в области медицины), что по сравнению с предшествующими годами было прогрессивным шагом, поскольку труд женщин внедрялся на государственном уровне в систему военного ведомства с вытекающими отсюда обязанностями и правами. В 1875 г. министром внутренних дел были утверждены «Правила для сестёр милосердия», после чего их стали включать в штат военных и гражданских лечебных заведений. Кроме того, сёстры милосердия могли поступать и в частные дома.<sup>97</sup>

Всё это, несомненно, стало важным событием в борьбе за женское равноправие в России. Кроме того, указанные выше приказы и распоряжения ставили сестёр милосердия в независимое положение от общин, к которым они принадлежали. Это способствовало развитию личной инициативы и самостоятельности, большей свободы и личного выбора россиянок, посвятивших свою жизнь уходу за больными воинами. Опыт применения женского труда в военно-полевой медицине использовался позже во всех войнах России XX в.

<sup>89</sup> Чернуха В.Г. Великая княгиня Елена Павловна на государственной арене // О благородстве и преимуществе женского пола. Из истории женского вопроса в России: сб. науч. тр. СПб., 1997. С. 89.

<sup>90</sup> Подробнее о ней см.: Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 403.

<sup>91</sup> Хотя некоторые авторы считают движение сестёр милосердия близким к монашескому, называя сестёр светскими монашенками. См., к примеру: Прокофьева Е. Светские монашенки // Будь здоров. 2001. № 7. С. 93 – 96; Бураков Ю.Н. Утоли моя печали // Наука и религия. 1991. № 10. С. 46 – 51 и др.

<sup>92</sup> Шибков А.А. Указ. соч. С. 14.

<sup>93</sup> Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. С. 411–412.

<sup>94</sup> Некоторые исследовательницы деятельности общин сестёр милосердия рассматриваемого периода относят их к своеобразным женским монастырям. См., к примеру: Черкасова А.Е., Давыдова Л.П. Общины сестёр милосердия: прошлое, настоящее, будущее // Медицинская сестра. 2000. № 1. С. 44.

<sup>95</sup> Кацнельбоген А.Г. Героиня трёх войн // Клиническая медицина. 1990. № 2. С. 140.

<sup>96</sup> Шибков А.А. Указ. соч. С. 48.

<sup>97</sup> Кузина Л.Г. Сестры милосердия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Медицинская помощь. 1999. № 4. С. 53.

Сложилась система ухода за больными и ранеными солдатами и офицерами, которая позволяла снижать смертность и способствовала совершенствованию военной медицинской службы.

В-третьих, самостоятельное участие женщин в работе медицинских учреждений было невиданным для России явлением, раскрыло новые возможности женского труда и общественной деятельности в годы войны. Кроме того, женский труд в госпиталях фактически доказывал как самим женщинам, так и многим мужчинам, что равноправие полов в период защиты Отечества – явление вполне обычное. Таким образом, общины сестёр милосердия стали первыми женскими общественными медицинскими организациями, созданными по частной инициативе, являлись неотъемлемой частью женского движения в России и свидетельствовали о процессах женской эмансипации.

Опыт участия сестёр милосердия в Крымской войне 1853 – 1856 гг. способствовал дальнейшему развитию сестринского движения и появлению новых организаций, бравших на себя заботу о больных и раненых воинах. В 1867 г. по инициативе фрейлины М.С. Сабининой, баронессы М.П. Фредерикс и лейб-медиков Ф.Я. Карелля и П.А. Нарановича было учреждено Общество попечения о раненых и больных воинах.<sup>98</sup> Согласно своему уставу оно должно было содействовать во время войны военной администрации в уходе за больными воинами. В том же году Общество вошло в состав Международного Красного Креста. С 1876 г. Общество попечения о раненых и больных воинах стало называться Российским обществом Красного Креста. Одной из важнейших задач этого общества была подготовка младшего медицинского персонала, наилучшей школой для которого стали общины сестёр милосердия. Значительные изменения в развитии движения сестёр милосердия были связаны именно со становлением общества Красного Креста в России.

В наибольшей степени проявить свои медицинские умения и человеческие качества сёстры милосердия смогли в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. И всё же настроения женщин и мотивация их стремления на театр военных действий в условиях новой войны были достаточно разными. Необходимо учитывать изменение общественной атмосферы и процессы эмансипации эпохи Великих реформ в России в 60 – 70-х гг. XIX в. В этот период изменялись социально-правовые отношения, осуществлялись глубокие перемены в системе местного самоуправления, реформировались судебное и военное ведомства. Однако важнее всего были перемены в умонастроениях россиян и россиянок, попытки осмысления прошлого и будущего не только меняющейся страны, но и собственных судеб и перспектив в трудовой, социальной, общественной деятельности. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. вновь дала шанс россиянкам проявить себя, заявить о своих проблемах, попытаться решить наиболее важные вопросы развития женской личности, женского образования и профессиональной деятельности. По уже сложившейся в России традиции именно кризисные военные годы позволяли россиянкам привлечь внимание власти и общества к наиболее важным проблемам женской самореализации и положения в обществе.

Правовое положение сестёр милосердия в период войны было определено изданными в 1875 г. «Правилами о сёстрах Красного Креста» и правилами, составленными для желающих стать сёстрами Красного Креста только на период войны. Таким образом, изначально разграничивались статусы женщин, работавших в общинах, и тех, кто хотел стать сестрой милосердия временно, в народе прозванных «вольнонаёмными», или «волонтёрками». Возраст женщин определялся в границах от 20 до 45 лет, и в отличие от времён Крымской войны, когда многие сёстры Крестовоздвиженской общины по истечении года, на который давали обет, возвращались домой, эти женщины были обязаны трудиться неопределённый срок – пока не закончится война.<sup>99</sup>

Вольнонаёмные сёстры находились на обеспечении Красного Креста. Из административных функций на них возлагался только контроль за госпитальными служителями, а из профессиональных – составление элементарных лекарств. Женщины-добровольцы получили возможность в течение нескольких месяцев учиться на специальных курсах, создававшихся в разных городах. Впрочем, в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. уже появляются настоящие женщины-профессионалы – фельдшерицы и врачи, – но их было крайне мало, поскольку систематическое медицинское образование для женщин в России ещё отсутствовало.

Выдающуюся роль в подготовке сестёр милосердия сыграло Главное управление общества Красного Креста, которое в период военных действий подчинялось военному командованию.<sup>100</sup> Существовавшие к 1877 г. общины сестёр милосердия – самостоятельные или входившие в состав Красного Креста – могли отправить на фронт к началу боевых действий только 250 – 300 сестёр. Было очевидно, что этого количества младшего медицинского персонала явно недостаточно, поэтому весной 1877 г. началась ускоренная подготовка новых сестёр милосердия Красного Креста. Для огромного числа желающих посвятить себя уходу за больными и ранеными были организованы срочные шестинедельные курсы подготовки сестёр милосердия при Георгиевской, Покровской и Троицкой общинах в Петербурге, а также в крупных губернских городах.

Каждая сестра милосердия общества Красного Креста, отправлявшаяся на фронт, получала офицерский паёк, выдаваемый натурой или деньгами, 30 р. ежемесячного содержания и 100-рублёвое единовременное пособие для приобретения обязательного костюма. Причём деньги, за исключением небольшой суммы для личных расходов, не выдавались женщинам на руки, а передавались в распоряжение заведующего санитарным поездом или госпиталем.

Большая часть сестёр Красного Креста прослужила на войне (на Балканах или на Кавказе) от 10 до 24 месяцев. В августе – сентябре 1878 г. почти все они вернулись на Родину. Лишь небольшая группа сестёр продолжала службу в госпиталях и на санитарном транспорте на Балканах почти до конца 1878 г.

Многие женщины, бывшие сёстрами милосердия в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., по окончании её оказались материально необеспеченными и безработными. Месячного содержания, которое по распоряжению Главного управления Красного Креста выдавалось сёстрам по возвращении в Россию, было недостаточно даже для приобретения обуви и необходимой одежды вместо запрещённой для уволенных сестёр формы Красного Креста. Скопить денег за время службы в госпиталях большинству женщин не удалось, так как почти все они переболели тифом и потратили немало средств на поправку здоровья. Кроме того, большинство этих женщин пережили тяжелейшие стрессовые ситуации на войне, огромное физическое напряжение, и для возвращения к мирной жизни им требовался некоторый период реабилитации.

Некоторые из сестёр полюбили приобретённую ими в годы войны профессию и желали и дальше продолжать службу в лечебных учреждениях. Однако получить должность медицинской сестры в госпитале или больнице в мирное время было довольно трудно. Перед многими женщинами, вернувшимися с войны, возникала мрачная перспектива безработицы, поисков заработка, бытового неустройства.

В ином положении оказались общинные сёстры, которые по возвращении с войны приступили к своим прежним довоенным занятиям. Хотя и трудна подчас была жизнь в общинах, но всё же многие сёстры крепко держались за них, так как это был источник их существования.

В общине они имели жилище, питание и возможность заниматься профессией, умения и знания которой они закрепили на войне.

Бурные дискуссии о судьбах оставшихся за штатом сестёр милосердия развернулись в Госпитальном комитете, Главном штабе, Военном министерстве. 23 января 1879 г. по военному ведомству последовал приказ № 11, по которому был вдвое увеличен штат сестёр в

<sup>98</sup> Красный Крест // Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XVI а. С. 558.

<sup>99</sup> Постернак А.В. Очерки по истории общин сестёр милосердия. С. 59.

<sup>100</sup> См.: Горелова Л. Роль Красного Креста в подготовке сестёр милосердия // Медицинская сестра. 1987. № 12. С. 55.

госпиталях. Сёстрам было назначено месячное содержание от казны в размере 15 р., не считая столового и квартирного довольствия. Старшим сёстрам полагался оклад 25 р. Всем сёстрам милосердия предоставлялось право на государственную пенсию.<sup>101</sup>

Результатом этого приказа стало улучшение материального положения сестёр, вернувшихся с войны. Более 500 должностей в военных госпиталях и лазаретах мирного времени было заполнено женским средним медицинским персоналом. В некоторых городах России были открыты новые общины сестёр милосердия, в которые тоже было принято некоторое количество сестёр, отличившихся на войне. Однако часть сестёр – участниц русско-турецкой войны, имевших низшее образование – была лишена возможности получить должность сестры в госпитале или больнице. Эти женщины работали там санитарками (сиделками) или искали себе иное трудовое поприще, на котором можно было бы заработать средства для существования.

Начавшаяся война с Японией вновь выявила неготовность военно-медицинской службы российской армии к массовому приёму больных и раненых воинов. За прошедшие после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. два с половиной десятилетия Российский Красный Крест задачу подготовки сестёр милосердия не выполнил. В результате в стране отсутствовал необходимый для военного времени резерв сестёр милосердия, врачей и санитаров. Профессиональных же сестёр милосердия, работавших в лечебных военных и гражданских учреждениях, было немного.

После начала военных действий с Японией в России была проведена мобилизация на войну медицинского персонала (врачей, фельдшеров, сестёр милосердия) из запаса. Однако военные госпитали были скомплектованы подготовленными сёстрами лишь частично, а основной контингент прибывавших на театр военных действий женщин в форме сестёр милосердия представляли волонтерки, которые часто были недостаточно подготовлены. Таким образом, большая часть сестёр милосердия получила медицинские знания и навыки лишь накануне или в ходе войны и отправлялась на Дальний Восток добровольно, по собственной инициативе.

В первые недели начавшейся войны повсеместно, в столицах и крупных губернских центрах, стали открываться курсы сестёр милосердия, но они в силу своей краткосрочности (от полутора до трёх месяцев) не могли дать основательной профессиональной медицинской подготовки, которая требовалась от медицинского персонала в условиях кровопролитных сражений на Дальнем Востоке.<sup>102</sup> Не будет преувеличением в связи с этим сказать, что профессионально подготовленные сёстры милосердия, женщины-врачи, фельдшерицы оказывали на войне неоценимую помощь раненым и больным воинам. Не случайно высокую оценку своей деятельности в госпиталях Дальнего Востока получали именно те женщины, которые и в мирные годы работали в военных или гражданских медицинских учреждениях, имели многолетнюю практику и медицинский опыт. Многие больные и раненые военнослужащие отмечали, что своей жизнью они обязаны заботам и вниманию сестёр милосердия военных госпиталей.

Конечно, для многих россиянок патриотические мотивы имели важное, порой решающее, значение при принятии решения отправиться на войну в качестве сестры милосердия. Однако труд сестры милосердия в период русско-японской войны 1904–1905 гг. оплачивался и уже не был тем бескорыстным служением, как деятельность сестёр милосердия в период войн XIX в. Таким образом, очевидно, что сёстры милосердия отправлялись на театр военных действий не только под воздействием общественного подъёма и патриотических настроений, но и из-за возможности обрести заработок, новый профессиональный и общественный статус.

Нередко сёстры милосердия возвращались с театра военных действий с подорванным здоровьем и нуждались в медицинском уходе. Для обсуждения судеб таких сестёр в Петербурге была сформирована комиссия, которая занималась организацией их лечения.<sup>103</sup> Однако большинство сестёр милосердия, возвратившись домой, могли рассчитывать лишь на собственные силы и средства. Правительство и военное министерство не считали себя обязанными оказывать помощь в трудоустройстве и поддержке сестёр-волонтерок, предоставляя возможность им самим заботиться о своём будущем.

По возвращении сестёр милосердия с войны в некоторых провинциальных городах были организованы бюро для их записи и размещения. Изредка сёстрам оказывалась и материальная помощь.<sup>104</sup> Заметим, что всё же материальная поддержка сестёр милосердия носила единичный характер. Так, в 1905 г. Главное управление Красного Креста выдало сёстрам милосердия лишь три пособия: Е. Пономарёвой, А. Созиной – по 50 р., а получившей ранения Яковенко-Яковлевой – 700 р. единовременно.<sup>105</sup>

Рассмотрение деятельности и повседневной жизни сестёр милосердия в период Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. затруднено из-за незначительного количества источников личного происхождения: воспоминаний, записок, отчётов и т.п. Обычно спустя некоторое время после окончания войны сёстры милосердия и врачи начинали рассказывать об увиденном и пережитом на фронте, но революционные потрясения 1917 г. и последующая затем Гражданская война раскололи движение сестёр милосердия, искалечили тысячи из них, сломали судьбы и жизненные планы большинства россиянок в этот трагический период отечественной истории.

По мнению П. Гетрелла, исследования по истории российских женщин периода Первой мировой войны, в том числе сестёр милосердия, позволяют размышлять о военном опыте России в общеевропейском контексте. Первая мировая война 1914 – 1918 гг. серьёзно повлияла на распределение социальных ролей полов. Если история предшествующих войн чётко делилась на чисто мужской опыт на поле брани и опыт женщин, дождавшихся мужчин в тылу, то тотальная Первая мировая война разрушила эту бинарную оппозицию. В 1914 – 1918 гг. женщины служили на фронте сёстрами милосердия и санитарками, выхаживали раненых, помогали им преодолевать физические и психические увечья.<sup>106</sup>

Как и в период прежних военных кампаний, в годы Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. мотивы участия россиянок в помощи больным и раненым воинам, стремления попасть на фронт были различными. Несомненно, что большинство женщин искренне стремились прийти на помощь Отечеству в трудные для него дни.<sup>107</sup> В армиях других воюющих держав патриотические мотивы женщин, прибывавших в армию, имели также весьма важное значение.<sup>108</sup> По мнению Р. Стайтса, эйфория первой волны патриотизма,

<sup>101</sup> Шибков А.А. Указ. соч. С. 97–98.

<sup>102</sup> Кауфман П. Красный Крест в тылу армии в японскую кампанию 1904–1905 гг. СПб., 1909. Т. 1. Ч.1. С. 101–102.

<sup>103</sup> Хроника Красного Креста // Летопись войны с Японией. 1905. № 62. С. 1244.

<sup>104</sup> Летопись войны с Японией. 1905. № 70. С. 1389.

<sup>105</sup> Доклад исполнительного комитета Главного управления Российского общества Красного Креста по оказанию помощи больным и раненым на Дальнем Востоке за 1904 г. СПб., 1905. С. 97.

<sup>106</sup> Гетрелл П. Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 113.

<sup>107</sup> О сёстрах милосердия во время войны см.: Meyer A.G. The Impact of World War on Russian Women's Lives // *Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation* / Eds. B.E. Clements, B.A. Engel, Christine D. Worobec. Berkeley, 1991. P. 220.

<sup>108</sup> Schoenberger B. Mutterliche Heldinnen und abenteuerlustige Maedchen. Rotkreuz-Schwester und Etappenhelferinnen im Ersten Weltkrieg // Hagemann K. Schueler-Springorum (Hg.) *Heimat-Front. Militaer und Geschlechterverhaeltnisse im Zeitalter der Weltkriege*. Wrankfurt/New York, 2002. S. 108 – 127; Susan R. Grayzel (1997), «The Outward and Visible Sign of her Patriotism». *Women, Uniforms, and National Service during the First World War* // *Twentieth Century British History*, 8/2. P. 145 – 164; Krisztina Robert (1997), *Gender, Class and Patriotism. Women's Paramilitary Units in First World War Britain*, *International History Review*, 19/1. P. 52 – 65; Janet K. Watson (1997), *Khaki Girls, VADs, and Tommy's Sister. Gender and Class in First World War Britain*, *International History Review*, 19/1. P. 32 – 57; Margaret H. Darrow (2000).



захлестнувшая Россию после начала войны, захватила русских интеллигенток. Медицинское, сестринское дело стало для них символом гражданственности. Знатные дамы, аристократки оставляли бридж, сплетни и флирт и отправлялись работать в госпитали.<sup>109</sup>

Сёстры милосердия в годы войны получали «подъёмные» деньги от 50 до 150 р. в зависимости от удалённости госпиталя от театра военных действий. Ежемесячно им выплачивалось 60 – 75 р., а также бесплатно предоставлялось помещение для жилья и пищевое довольствие.<sup>110</sup> В случае, если сестра милосердия не получала довольствия, ей выплачивались суточные в размере 2 р.<sup>111</sup> При существовавших расценках оплаты женского труда в России это было приличное жалование.

Подобная материальная заинтересованность была вполне оправдана в условиях Российской империи начала XX в. и роли женщины на рынке труда. Получить стабильную, достаточно оплачиваемую работу в России женщине и в мирные годы было очень сложно. Конечно, в период Первой мировой войны 1914 – 1916 гг. сфера применения женского труда значительно расширилась, и женщины стали активно устраиваться на работу по «мужским» специальностям: строители, приказчики, кондукторы и т.п. Профессия сестры милосердия также была привлекательной для многих россиянок, так как она позволяла им находить работу не только в военные, но и в мирные годы.

---

<sup>109</sup> Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860 – 1930 / Пер. с англ. М., 2004. С. 382.

<sup>110</sup> Никольский А. Женщины и дети на войне // Русская мысль. 1916. № 2. С. 100.

<sup>111</sup> Постернак А.В. Очерки по истории общин сестёр милосердия. С. 203.

**ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ И БЛУД В ЖИЗНИ РУССКОГО СЕЛА  
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке American Council of Learned Societies (ACLS), Short-term Grant 2009*

Тема интимной жизни русских крестьян в современной исторической науке остаётся малоизученной и не часто становится объектом научных исследований. Однако такое игнорирование существенно обедняет процесс изучения повседневной жизни русского села, не позволяет достичь полноты исторической реконструкции крестьянской обыденности. Сексуальное поведение сельских жителей определялось исторически сложившимся образом жизни русской деревни, регулировалось установлениями православной веры и бытовавшими в крестьянской среде стереотипами.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать формы и мотивы внебрачных отношений русской крестьянки, реакцию общественного мнения села на факты добрачных половых отношений и семейного адюльтера.

Определим содержание используемых терминов. На наш взгляд, логично использовать понятия в том смысле, который в них вкладывали сами крестьяне. В «блуде» женщины жители русского села усматривали всякое половое распутство, сексуальные отношения вне установленных рамок. «Прелюбодеянием» в деревне считали нарушение супружеской верности.

Критерием оценки добропорядочности женщины в русском селе являлись её целомудрие, как до брака, так и верность в семейных отношениях. Соблюдение этих традиционных установок достигалось страхом Божиим, т.е. боязнью совершить смертный грех, и силой общественного мнения села, которое в условиях «прозрачности» деревенских отношений выступало действенным фактором контроля.

Высоко ли ценилась девичья честь в русской деревне конца XIX в.? В оценке специалистов нет единства, что, наверное, вполне закономерно. М.М. Громыко с излишней категоричностью утверждает, что девушки, как правило, строго воздерживались от половых отношений до брака.<sup>112</sup> Напротив, на вольное отношение между полами в своей работе обращает внимание исследователь Т.А. Бернштам, которая использовала материалы губерний с развитым отхожим промыслом.<sup>113</sup> Этнограф С.С. Крюкова на основе изучения брачных традиций второй половины XIX в. пришла к выводу о том, что потеря девственности в деревне считалась позором. Подобное требование не распространялось на молодых людей<sup>114</sup>. В этом проявлялся двойной стандарт в оценке добрачного поведения представителей разного пола. Таким образом, при наличии в русском селе общепринятого запрета на половые отношения до брака в ряде мест на его соблюдение смотрели не столь строго.

По свидетельству сельского корреспондента бюро из Вологодской губернии «потеря девственности в деревне считалась грехом, нецеломудренных девушек в селе осуждали, их избегали брать в жёны»<sup>115</sup>. В большинстве деревень чернозёмных губерний, где ещё были сильны патриархальные устои, преобладал традиционный взгляд на эту проблему, половые отношения крестьянки до замужества расценивались как большой грех. Если факт грехопадения девушки становился достоянием сельской гласности, то ослушница ощущала на себе всю силу общественного мнения жителей деревни. Вот как описывал эти последствия корреспондент Этнографического бюро из Орловской губернии: «Подруги относятся к ней с насмешками, и не принимают её более в хороводы и игры, считая за большой срам водиться с ней, сторонятся от нее, как от зачумленной. Парни и молодые мужики насмеваются и позволяют себе разные вольности, все остальные относятся с негодованием, называя распутной, греховодницей и блудницей, которая осрамила всю деревню. Отец и мать её бьют, проклинают, остальные члены семьи с ней не разговаривают»<sup>116</sup>. Именно боязнь осуждения заставляла деревенских влюблённых заглушать голос плоти. Некоторые из них, правда, действовали по принципу «кто грешит в тиши, тот греха не совершает». Житель села Костино-Отдельце Борисоглебского уезда Тамбовской губернии П. Каверин сообщал: «Между молодёжью часто доходит до половой связи. Связи эти чисто минутные. Открытые связи считаются большим позором. Девичья честь ставится невысоко, потерявшая её почти ничего не теряет при выходе замуж»<sup>117</sup>.

Сближение полов в деревне происходило в рамках традиционных форм сельского досуга. В летнюю пору сельская молодёжь собиралась на «улице», где парни и девушки пели любовные песни и вели разговоры, полные недвусмысленных намёков и непристойных шуток. На праздники уходили за околицу, подальше от родительского ока, и там устраивали игры, сопровождавшиеся элементами чувственности (погоней, вознёй). С наступлением сумерек водили хоровод, во время которого парни брали из круга своих возлюбленных и отводили их в сторону. В Белгородской губернии такое интимное общение называлось «стоганием»<sup>118</sup>.

После Покрова основным местом встреч деревенских женихов и невест становились посиделки. Девушки в складчину снимали избу, в которой собирались по вечерам якобы для совместной работы. Но прихваченная из дому прялка была всё же более для родителей, а сама девушка спешила на вечерку совсем для иного. Вот как описывал А.П. Звонков поведение сельской молодёжи на посиделках в деревнях Елатомского уезда Тамбовской губернии. «Тихо собираются парни кругом избы и разом врываются потом через двери и окна, тушат свечи и бросаются, кто на кого попало. Писк девушек заглушается хохотом ребят; всё заканчивается миром; обиженный пол награждается скудными гостинцами. Девушки садятся за донца, но постоянные объятия и прижимания мешают работе. Завязывается ссора, в результате которой ребята-победители утаскивают

<sup>112</sup> Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 96.

<sup>113</sup> Бернштам Т.А. Молодёжь в обрядовой жизни русской общины. Л., 1988. С. 2, 43, 258.

<sup>114</sup> Крюкова С.С. Брачные традиции южнорусских губерний II половины XIX в. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 44.

<sup>115</sup> Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». СПб., 2005. Т. 5. Ч. 4. С. 218.

<sup>116</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 1.

<sup>117</sup> Там же. Д. 2024. Л. 4.

<sup>118</sup> АРГО. Разр. 19. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1–2.

девушек кто на полати, кто на двор, кто в сенцы. Игры носят дикий характер, в основе которых лежит половое чувство»<sup>119</sup>. В северных уездах Ярославской губернии практиковались «гаски». Огонь на беседах гасился, и молодёжь вступала очень часто при этом в свальный грех.<sup>120</sup> О вольном поведении сельской молодёжи на посиделках и половых сношениях после них сообщалось в информации из Кадниковского уезда Вологодчины.<sup>121</sup> Между крестьянами малороссийских губерний существовал аналогичный вид разврата, известный под именем «вечерниц», который заключался в том, что по окончании сельских работ, осенью, молодёжь, парни и девушки, каждый вечер собирались в какую-нибудь хату к бессемейной вдове, принося ей кто деньги, кто разные угощенья, водку, брагу и пр. Затем устраивалась пирушка, по окончании которой её участники попарно ложились спать.<sup>122</sup> Знаток обычного права Е.И. Якушкин сообщал, что «во многих местах на посиделках, беседах и вечеринках по окончании пирушки девушки и парни ложатся спать попарно. Родители смотрят на вечеринки как на дело обыкновенное и выказывают недовольство, только если девушка забеременеет»<sup>123</sup>.

Добропорядочное поведение до брака достигалось посредством обрядовых традиций. До середины XIX в. в русской деревне существовал обычай публичного освидетельствования невинности невесты. После первой брачной ночи с молодой жены снимали рубаху и тщательно её обследовали. Затем её со следами дефлорации вывешивали в избе на видное место, а над крышей поднимали красный флаг.<sup>124</sup> В Воронежской губернии ещё в 80-е гг. XIX в. существовал обычай поднимать молодых. Новобрачная в одной рубахе вставала с постели и встречала свекровь и родню жениха. Такая демонстрация, восходящая своими корнями к языческим верованиям, имела цель публично удостоверить невинность невесты.<sup>125</sup> Тяжёлыми были последствия для «нечестной» невесты. Её отцу на второй день свадьбы подносили вина в дырявой посуде<sup>126</sup>, родню с бранью выгоняли, саму избивали до полусмерти и заставляли трёхкратно ползать на коленях вокруг церкви<sup>127</sup>.

Соблюдения добрачного целомудрия в русском селе добивались как родительским контролем, так и силой общественного мнения. Родители строго следили за тем, чтобы девушка до срока не забаловалась. А «прозрачность» отношений в деревне всегда позволяла оперативно реагировать на случаи недозволительного, с точки зрения народной морали, поведения сельских невест. По народным понятиям разврат являлся грехом, так как он задевал честь семьи (отца, матери, мужа). С целью публичного порицания за блуд в русском селе прибегали к символическим действиям позорящего характера. Гулящим девкам отрезали косу, мазали ворота дёгтем, завязывали рубаху на голове и по пояс голыми гнали по селу.<sup>128</sup> В орловских сёлах парни, преимущественно из тех, кто побывал на стороне, для унижения девушек плохого поведения обливают им платя купоросом и острой водкой.<sup>129</sup> Ещё строже наказывали замужних женщин, уличённых в прелюбодеянии. Их жестоко избивали, затем нагими запрягали в оглоблю или привязывали к телеге, водили по улице, щёлкая по спине кнутом.<sup>130</sup>

Деформация нравственных устоев русского села стала особенно заметна в начале XX в. Благочинные округов Тамбовской епархии, характеризуя состояние деревенской паствы, в своих рапортах отмечали: «непристойные песни и пляски», «нравственную распущенность», «разгул и большие вольности», «нарушение уз брачных и девственных»<sup>131</sup>. В отчёте в Святейший Синод за 1905 г. курский владыка признавал, что в деревне происходит «ослабление семейных уз, незаконное сожителство, как следствие увеличение числа внебрачных детей»<sup>132</sup>.

Много ли было в селе рождений вне брака? Очевидно одно, что незаконнорождённые дети в городе появлялись чаще, чем в деревне. По сведениям за 1898 г., в Воронежской губернии родилось детей – 145 007, из них в уездах – 139 801, в городах – 5126, в том числе незаконнорождённых в уездах – 902 (0,7 %), в городах – 477 (9 %).<sup>133</sup> В этом же году в Тамбовской губернии в уездах зарегистрировано 796 незаконнорождённых (0,6 %) на 128 482 рождений, в то время как в городах рождённых вне брака было 598 (6,3 %) из 9455 рождённых детей.<sup>134</sup> Приведёнными цифрами следует оперировать осторожно, так как некоторые крестьянки, с целью скрыть грех, предпочитали рожать в городах. Также можно предположить, что часть детей, родившихся вне брака в городе, приходилась на сельских женщин, находившихся там в качестве прислуги, кухарки и т.п.

Под влиянием модернизации, возросшей социальной мобильности сельского населения, ломки патриархального уклада деревни на добрачные связи стали смотреть спокойнее. Отец и мать легче соглашались с выбором сына, если он говорил, что между ним и избранницей уже был грех. Чаще стало встречаться вступление в половую связь после сговора, когда «вино выпито». После «запоя» в деревнях Моршанского уезда Тамбовской губернии жених не только навещал невесту, но и оставался у неё ночевать. По обычаю это не должно было приводить к интимным отношениям, но как говорили старые женщины: «Нельзя-то нельзя, да не всегда ведь удержишь мужика»<sup>135</sup>. Зов плоти порой заглушал голос разума. И этой слабости крестьяне тоже находили оправдание. В оценке подобных ситуаций логика крестьянских рассуждений была

<sup>119</sup> Цит. по: Семёнов Ю.И. Пережитки первобытных форм отношения полов в обычаях русских крестьян XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 45.

<sup>120</sup> Русские крестьяне ... 2006. Т. 2. Ч. 1. С. 324.

<sup>121</sup> Русские крестьяне ... 2007. Т. 5. Ч. 2. С. 672.

<sup>122</sup> Приклонский И. Проституция и ее организация. Исторический очерк. М., 1903. С. 10.

<sup>123</sup> Якушкин Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. М., 1910. Вып. 1. С. 32.

<sup>124</sup> Кистяков А.Ф. К вопросу о цензуре нравов у народа // Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. Б. м. Б. г. С. 164.

<sup>125</sup> Селиванов А.И. Этнографические очерки Воронежского края // Воронежский юбилейный сборник. Воронеж, 1886. Т. 2. С. 86.

<sup>126</sup> См.: Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877. С. 17; Русские крестьяне ... 2007. Т. 5. Ч. 4. С. 198, С. 530; То же. Ч. 1. С. 573; То же Ч. 2. С. 95, 726.

<sup>127</sup> Кистяков А.Ф. Указ. соч. С. 167.

<sup>128</sup> Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа // Вопросы истории. 2005. № 3 С. 154.

<sup>129</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1215. Л. 4.

<sup>130</sup> Безгин В.Б. Указ. соч. С. 154.

<sup>131</sup> ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 2 об, 9, 25 об.

<sup>132</sup> Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2095. Л. 17.

<sup>133</sup> Никольский П. Интересы и нужды епархиальной жизни. Воронеж, 1901. С. 70.

<sup>134</sup> Обзор Тамбовской губернии за 1898 г. Тамбов, 1899. С. 52.

<sup>135</sup> Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчёт Т.А. Листовой. Л. 8.

примерно такой: «Царь не может реку остановить, а молодой человек не может свою кровь унять, когда она разлютуется» или «Царь не волен в ветрах, а человек в своей плоти»<sup>136</sup>.

К распутству замужних женщин в селе относились строже, чем к девушкам, что вполне объяснимо патриархальными взглядами деревенских жителей. «Такие бабы вдвойне грешат, – говорили крестьяне, – и чистоту нарушают, и закон развращают». Таких женщин в селе называли «растасщиками дома», «несоблюдихами»<sup>137</sup>. Большинство крестьян расценивали супружескую неверность как тяжкий грех. Жители сёл Ярославской губернии, например, говорили, что «лучше пусть будет жена воровкой, пьяницей, чем блудницей!»<sup>138</sup>. По свидетельству этнографических источников, «нарушения супружеской верности очень редки в сёлах»<sup>139</sup>.

По традиции на внебрачное сожитие русский народ смотрел строго и считал его большим грехом.<sup>140</sup> В крестьянской среде конца XIX – начала XX вв. сохранялось понятие святости венца. Жители села осуждали незаконное сожитие, считая это преступлением, поруганием религии и чистоты брачного очага. Невенчаный брак в деревне был явлением редким. Крестьяне с подозрением относились к таким гражданским бракам. Большое презрение в таких случаях падало на женщину-полюбовницу. Её ставили в один ряд с гулящими девками и подвергали всяческому оскорблению.<sup>141</sup>

Профессиональной проституции в деревне не существовало, в этом солидарны практически все исследователи. По наблюдению информаторов Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева, проституцией в селе промышляли преимущественно солдатки. Про них в деревне говорили, что они «наволочки затылком стирают»<sup>142</sup>. По сведениям из Нижегородской губернии, «вдовы и солдатки составляют главный контингент местных сельских проституток»<sup>143</sup>.

Длительное отсутствие мужа-солдата становилось тяжёлым испытанием для полной плотского желания деревенской молодухи. Один из корреспондентов этнографического бюро писал: «...выходя замуж в большинстве случаев, лет в 17–18, к 21 году солдатки-крестьянки остаются без мужей. Крестьяне вообще не стесняются в отправлении своей естественной потребности, а у себя дома ещё меньше. Не от пения соловья, восхода и захода солнца разгорается страсть у солдатки, а оттого, что она является невольной свидетельницей супружеских отношений старшей своей невестки и её мужа»<sup>144</sup>.

Крестьянки ярославского села, оправдывая поведение своих товарок, рассуждали так: «Муж не терпит, а она и подавно не будет терпеть, – он раззадорил её, да и ушёл, не женился бы коли до солдатчины ...»<sup>145</sup>. В некоторых деревнях Воронежской губернии «на связь солдаток с посторонними мало обращали внимания, и она не преследовалась обществом, а дети, прижитые солдатками незаконно, пользовались такими же правами, как и законные»<sup>146</sup>. По свидетельству из Мещёвского уезда Калужской губернии «довольно часты случаи ухода от жён-солдаток, так как последние редко выдерживают 4–5-летнее отсутствие мужа, поддаются соблазну и иногда без мужа рожают детей»<sup>147</sup>.

Другой причиной измены крестьянских жён своим мужьям могла быть их неспособность к плотскому соитию. Мужскую импотенцию в деревне называли «нестоиха». «Какой это муж! И на человека не похож; никогда не пожалеет»<sup>148</sup>. В приведённой фразе калужской крестьянки слово «жалеет» означает половую страсть. Неспособность мужа к супружеской жизни выступала серьёзным аргументом в оправдании внебрачных связей. «Что ж с больным лежать – только себя мучить», – говорили в таких случаях деревенские бабы.<sup>149</sup>

Сторонние заработки крестьянок, к которым были вынуждены прибегать сельские семьи, также выступали благодатной почвой для адюльтера. По наблюдениям П. Каверина, информатора из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, «главной причиной потери девственности и падения нравов вообще нужно считать отхожие промыслы. Уже с ранней весны девушки идут к купцу, так у нас называют всех землевладельцев, на работу. А там полный простор для беспутства»<sup>150</sup>. Близость помещичьих усадеб с прислугой – лакеями, кучерами и т.д. – всегда значительно влияла на деревенскую нравственность, понижая её.<sup>151</sup> По свидетельству псковских крестьян, помещики в прошлом нередко заводили у себя целые гаремы.<sup>152</sup>

Негативное влияние на нравственную атмосферу села оказывали отхожие промыслы. В уездах Ярославской губернии бедные семьи посылали лишних женщин и девушек на зиму в прислуги в города, где они в большинстве случаев быстро теряли невинность.<sup>153</sup> Рост числа крестьян-отходников способствовал падению нравственности в деревне. Как сообщал писатель В. Михневич, крестьяне, «которые в своем примитивном состоянии всегда твердо придерживались принципов крепкого семейного начала и которые по своей натуре никогда не были расположены к разврату, теперь сильно деморализуются и без стеснения нарушают «седьмую заповедь», когда они пребывали в городах в поисках работ»<sup>154</sup>. Попадая в городской вертеп, знакомясь с доступными женщинами, крестьяне быстро усваивали вкус свободной любви. Крестьянка Орловского уезда А. Михеева, сетуя на падение нравов в селе, признавала, что «мужики как поживут на стороне,

<sup>136</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 9.

<sup>137</sup> Русские крестьяне ... 2006. Т. 2. Ч. 2. С. 378.

<sup>138</sup> Русские крестьяне ... 2006. Т. 2. Ч. 2. С. 365.

<sup>139</sup> Там же. С. 434.

<sup>140</sup> Русские крестьяне ... 2007. Т. 5. Ч. 4. С. 213.

<sup>141</sup> Милогорова И.Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. 1998. № 2. С. 19.

<sup>142</sup> Быт великорусских крестьян-землепашцев ... С. 276.

<sup>143</sup> Русские крестьяне ... 2006. Т. 4. С. 161.

<sup>144</sup> Цит. По: Щербинин П.П. Незаконнорожденные дети в семьях солдаток в XVIII – XIX вв. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XIX вв.: материалы междунар. конф. (май 2002 г.), Тамбов, 2002. С. 142.

<sup>145</sup> Русские крестьяне ... 2006. Т. 2. Ч. 2. С. 379–380.

<sup>146</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 428. Л. 5.

<sup>147</sup> Русские крестьяне ... 2005. Т. 3. С. 552.

<sup>148</sup> Там же.

<sup>149</sup> Там же.

<sup>150</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 15.

<sup>151</sup> Русские крестьяне ... 2006. Т. 2. Ч. 1. С. 503.

<sup>152</sup> Русские крестьяне ... 2008. Т. 6. С. 246.

<sup>153</sup> Русские крестьяне ... 2006. Т. 2. Ч. 2. С. 199.

<sup>154</sup> Михневич В. Язвы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования. СПб., 1886. С. 332.

то по возвращению заводят любовниц. В разврат пускались часто вдовы и замужние женщины, если муж много старше или в долгой отлучке»<sup>155</sup>.

Проявления сельской проституции отмечались обычно в больших фабричных и торгово-промышленных сёлах, «в селениях, лежащих близ значительных железнодорожных станций или на тракте, к которому приходят партии рабочих, в селениях, служащих рынками найма»<sup>156</sup>. Излюбленным местом сельских жриц любви являлся трактир. Здесь они находили клиентов, а свидания происходили в окрестном лесу, который к вечеру был буквально наводнён любовными парами.<sup>157</sup> Спрос на сексуальные услуги закономерно возрастал в тех сёлах, где были размещены воинские команды. По утверждению информатора из Вологодской губернии, разврат в с. Вознесенском появился со времени расквартирования в нём отряда солдат в 60 человек, осуществлявших конвоирование арестантов из одного острога в другой.<sup>158</sup> В сёлах и деревнях с незначительным пришлым населением, жители которых занимались главным образом земледелием или кустарными промыслами, профессиональная проституция практически отсутствовала.<sup>159</sup>

По суждениям извне, принадлежащим представителям просвещённого общества, складывалось впечатление о доступности русской бабы. Так, этнограф О.П. Семёнова-Тянь-Шанская считала, что любую бабу можно было легко купить деньгами или подарком. Одна крестьянка наивно признавалась: «Прижила себе на горе сына и всего за пустяк, за десяток яблок»<sup>160</sup>. Писатель А.Н. Энгельгардт утверждал, что «нравы деревенских баб и девок до невероятности просты: деньги, какой-нибудь платок, при известных обстоятельствах, лишь бы никто не знал, лишь бы все было шито-крыто, так делают все»<sup>161</sup>. «Случайная» проституция практиковалась не только женщинами, пожившими в городах, но и бабами, которые долго проработали в помещичьих усадьбах.<sup>162</sup>

Изученный материал даёт основание утверждать, что в отдельных сёлах страны существовала так называемая гостеприимная проституция. По наблюдениям публициста С. Шашкова, «на севере России хозяйин, отдавая в наём квартиру, предлагает жильцу свою супругу или дочь, увеличивая, разумеется, при этом квартирную плату»<sup>163</sup>. В ряде сёл Болховского уезда Орловской губернии существовал обычай почётным гостям (старшине, волостному писарю, судьям, заезжим купцам) предлагать для плотских утех своих жён или невесток, если находился сын в отлучке. При этом прагматичные крестьяне не забывали брать плату за оказанные услуги. В сёлах Мешкове и Коневке того же уезда бедные крестьяне без смущения посылали своих жён к приказчику или к какому-либо состоятельному лицу за деньгами на табак или на хлеб, заставляя их расплачиваться своим телом.<sup>164</sup>

Крестьянки являлись основным контингентом городских домов терпимости, который формировался из числа бывших селянок, приехавших в город на заработки. По мнению А.И. Фёдорова, «самая большая часть домов терпимости принадлежит к крестьянскому сословию, меньшая – мещанскому»<sup>165</sup>. Создание разветвлённой сети железных дорог, соединившей многие крупные города империи, поддерживало постоянный приток в город сельских в поисках работы. Большая часть молодого женского населения из разорённой деревни не могла найти сносную работу или устраивалась без достаточного денежного довольствия, что автоматически толкала на рынок сексуальных услуг.<sup>166</sup> Если в начале 90-х гг. XIX в. крестьянки составляли 47,6 %<sup>167</sup> от общего числа проституток Петербурга, то в 1910 г. их доля выросла до 70 %<sup>168</sup>. И это явление можно назвать вполне закономерным. Соблазн большого города сильнее всего действовал на людей, впервые с ним столкнувшихся. И чем мощнее становились миграционные потоки, тем больше усложнялся процесс адаптации приезжих к новым условиям жизни в городе.<sup>169</sup>

Девиантность в сексуальных отношениях русских крестьян конца XIX – начала XX вв. была обусловлена трансформацией традиционного уклада жизни русского села. Возросшая социальная мобильность сельского населения, при ослаблении регламентирующей роли семьи, прихода, общины, вела к подрыву нравственных устоев деревни, а следовательно, к большей свободе в сфере половых отношений. Участвовавшие связи крестьян с городом, а порой и перемена их социального статуса разрушали прочность семейных уз, меняли традиционные представления о девичьей чести и супружеской верности.

<sup>155</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1320. Л. 3.

<sup>156</sup> Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. С. 505.

<sup>157</sup> Русские крестьяне ... 2007. Т. 5. Ч. 3. С. 306.

<sup>158</sup> Там же.

<sup>159</sup> [Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. Пособие для студентов. СПб., 1903 // URL: http://www.allpravo.ru/library/doc76p0/instrum3732/item3908.html](http://www.allpravo.ru/library/doc76p0/instrum3732/item3908.html) (дата обращения: 24.08.2009).

<sup>160</sup> Семёнова-Тянь-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 39.

<sup>161</sup> Энгельгардт А.Н. Из деревни. Письмо седьмое // Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX в. М., 1987. С. 185.

<sup>162</sup> Русские крестьяне ... 2006. Т. 2. Ч. 2. С. 199.

<sup>163</sup> Шашков С.С. Очерк русской женщины. СПб., 1871. С. 253.

<sup>164</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 4; Д. 1011. Л. 10, 12.

<sup>165</sup> Фёдоров А.И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в Санкт-Петербурге. СПб., 1897. С. 20.

<sup>166</sup> Голосенко И. Русская дореволюционная социология о феномене проституции. URL: <http://socnet.narod.ru/Rubez/10-11/golosenko.htm> (дата обращения: 24.08.2009).

<sup>167</sup> Бентович Б. Торговые телом. Очерки современной проституции. СПб., 1909. С. 40.

<sup>168</sup> Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Гетеры, авлетриды и тайные проститутки. Милость к падшим // Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994. URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/lebir-1.htm> (дата обращения: 14.07.2009).

<sup>169</sup> Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 53.

**ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОСЛОВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА  
И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ВОЕННЫХ ВЕТЕРАНОВ  
РУССКОЙ АРМИИ XIX В.**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке American Council of Learned Societies (ACLS), Short-term Grant 2009*

Анализ научной литературы свидетельствует об отсутствии специальных исследований о социально-правовом статусе и адаптации в гражданском сообществе отставных и бессрочноотпускных солдат русской армии. В разработке темы можно выделить три основных периода: дореволюционный (XIX в. – 1917 г.), советский (1917 – 1991 гг.), современный (с 1992 г. по настоящее время).

Дореволюционная историография представлена прежде всего официальными работами по истории русской армии, которые издавались военным министерством, а также серией исторических очерков и статей, которые публиковались в «Военном вестнике», «Историческом вестнике» и других «толстых» журналах второй половины XIX в. Их авторы не были профессиональными историками, а, как правило, брались за перо после отставки со службы в армии, и их исследования носили на себе печать воспоминаний о собственном военном опыте.<sup>170</sup> Необходимо учитывать, что военное министерство жёстко контролировало упоминания о представителях военного сословия и подвергало цензуре публикации о вооружённых силах Российской империи.<sup>171</sup> Не случайно две первые исследовательские работы о признании отставных военных чинов в XIV – начале XIX вв. были изданы без указания имени автора.<sup>172</sup>

Заметим, что об отставных и бессрочноотпускных солдатах современники вспомнили и в связи с отменой крепостного права.<sup>173</sup> Иногда об отставных и бессрочноотпускных солдатах упоминалось в сборниках отдельных ведомств<sup>174</sup> или в статистических обзорах населения России<sup>175</sup>. Так, в историческом очерке о министерстве государственных имуществ была подробно охарактеризована система социального признания отставных солдат в государственной деревне.<sup>176</sup>

В работе Р. Фадеева «Вооружённые силы России» уточнено положение отставных солдат после возвращения со службы в армии.<sup>177</sup> Отдельные стороны признания представителей военного сословия раскрыты в книге П.О. Бобровского<sup>178</sup>. Историко-правовые аспекты выхода солдат в отпуск и в отставку проанализированы в работе П.Н. Заусцинского<sup>179</sup>.

В начале XX в. значительно интенсифицировался интерес к проблемам комплектования вооружённых сил России и признания отставных солдат русской армии в XIX в. В работе П.А. Зайончковского отмечалось значение введения бессрочных отпусков в войсках.<sup>180</sup> Детальное исследование комплектования вооружённых сил в николаевскую эпоху было предпринято В.В. Щепетильниковым<sup>181</sup>. Добротное изучение правительственной политики по признанию отставных военнослужащих было проведено А.Н. Каверзным<sup>182</sup>.

С 1902 г. по 1914 г. издавалась многотомная история военного министерства<sup>183</sup>, в которой было проанализировано развитие системы социальной защиты военнослужащих, в том числе и деятельность Александровского комитета о раненых. Таким образом, в дореволюционной историографии были поставлены важные вопросы правового положения отпускных и отставных солдат, а также выявлены тенденции формирования в России в XIX в. системы социальной защиты представителей военного сословия.

В советской историографии внимание традиционно уделялось проблемам военной истории, комплектованию русской армии рядовым и офицерским составами, участию нижних чинов в революционном движении в XIX в. Первое упоминание в советской историографии о бессрочноотпускных солдатах появилось в 1949 г. в монографии А.С. Нифонтова, который указал на брожение этой категории военнослужащих в столичном гарнизоне.<sup>184</sup> Изучение положения отставных и бессрочноотпускных солдат в государственной деревне провёл Н.М. Дружинин, который детально рассмотрел социально-

<sup>170</sup> Эвальд А. Повесть о том, как я командовал ротой // Отечественные записки. 1862. Март. С. 1 – 57.

<sup>171</sup> Брандт П. Женатые нижние чины // Военный сборник. 1860. № 12. С. 357 – 378; Фёдор Энский. Отставные солдаты. СПб., 1873; Мироньч А. Пользование военнослужащих в гражданских больницах и меры для уменьшения расходов военного министерства на этот предмет // Военный сборник. 1877. № 11. С. 53 – 57; Лебедев А. Отставные военные на монастырских порциях в монастырях. М., 1881.

<sup>172</sup> Капитан Россов. Исторический очерк признания в России отставных военных чинов в прошлом веке и в начале нынешнего столетия // Военный сборник. 1863. № 4. С. 240 – 256; Исторический очерк признания отставных военных чинов в России с XIV по XVII вв. // Военный сборник. 1863. № 12. С. 315 – 390.

<sup>173</sup> Дубенский Н. Устройство крестьян, вышедших из крепостной зависимости // Экономист. 1862. № 8. С. 20.

<sup>174</sup> Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. 3. Кн. 2. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855 – 1880 гг.). СПб., 1879. Т. 2.

<sup>175</sup> Бунге Н.Х. Об изменении сословного состава населения России в промежутках времени между 7, 8 и 9 ревизиями // Экономический указатель. 1867. № 44. С. 1021 – 1030.

<sup>176</sup> Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства Государственных имуществ 1837 – 1887. Ч. 2. Попечительство. Поземельное устройство. СПб., 1888.

<sup>177</sup> Фадеев Р. Вооружённые силы России. М., 1868.

<sup>178</sup> Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. СПб., 1885.

<sup>179</sup> Заусцинский П. Кодификация русского военного законодательства в связи с историей развития русского войска до реформ XIX в. СПб., 1909.

<sup>180</sup> Зайончковский А. Восточная война 1853 – 1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908. Т. 1.

<sup>181</sup> Щепетильников В.В. Комплектование войск в царствование Императора Николая I. СПб., 1907.

<sup>182</sup> Каверзнев А.Н. Краткое историческое обозрение правительственных мероприятий в России по обеспечению отставных служащих и их семейств. СПб., 1909.

<sup>183</sup> Столетие военного министерства 1802 – 1902 гг. СПб., 1902, 1907, 1914. Т. IV. Ч. 1 – 3.

<sup>184</sup> Нифонтов А.С. Россия в 1848 г. М., 1949.

экономические и правовые механизмы адаптации отставных военнослужащих в крестьянском сообществе.<sup>185</sup> Тогда же, в 50-е гг. XX в., советские историки активно изучали революционное движение XIX в. и нередко упоминали в своих работах об участии отставных и бессрочноотпускных солдат в социальном протесте в России.<sup>186</sup> Заметим, что в работах историков 60 – 70-х гг. XX в. было продолжено исследование роли отставных военных в проявлениях неповиновения властям и организации беспорядков.<sup>187</sup> В работе А.В. Фёдорова<sup>188</sup> был сделан вывод о том, что бессрочноотпускные солдаты принимали участие в противостоянии местной административно-полицейской власти.

В 40 – 50-е гг. XX столетия появились добротные монографические исследования советских военных историков П.А. Зайончковского<sup>189</sup> и Л.Г. Бескровного<sup>190</sup> по истории русской армии, однако в них практически не рассматривалось положение отставных и бессрочноотпускных солдат. Данные категории представителей военного сословия не стали предметом специального изучения и в других работах советских историков.<sup>191</sup> Нельзя не упомянуть о фундаментальном труде В.А. Александрова о крестьянской общине, в котором была дана характеристика положения семей отставных и бессрочноотпускных солдат в русской деревне.<sup>192</sup>

Современный период историографии (с 1992 г. до наших дней) характеризуется возрастанием внимания историков к военной проблематике, ликвидацией идеологических стереотипов, обращением исследователей к истории военной повседневности и мелочам военного быта. Прежде всего необходимо отметить значительное число диссертационных исследований по истории комплектования и состава русской армии.<sup>193</sup>

В последнее десятилетие вышли серьёзные монографические исследования о военной политике России в XIX в.<sup>194</sup>, проблемах взаимоотношений армии, общества и государства<sup>195</sup>, повседневной жизни солдат и офицеров в XVIII – XIX вв.<sup>196</sup> В докторской диссертации П.П. Щербинина изучена семейная жизнь отставных солдат<sup>197</sup>. Квалифицированная оценка состояния историографии по вопросам повседневной жизни солдат русской армии дана в статье Н.Г. Рогулина<sup>198</sup>.

Необходимо отметить, что современная отечественная историография отражает недостаточное внимание историков к изучению социальной защиты военнослужащих в Российской империи.<sup>199</sup> Лишь в последнее десятилетие появилась серия статей о пенсионном обеспечении военнослужащих, однако большинство авторов описывают социальную защиту офицеров и членов их семей. Ярёмко В.А. в своём очерке «Социальная защищённость военных чинов в России до 1917 года» пишет исключительно об офицерских пенсиях.<sup>200</sup> Аналогичный подход содержится и в работе С.А. Чинённого<sup>201</sup>. В качестве добротного исследования развития системы социальной защиты нижних чинов русской армии можно назвать статью Ю.М. Попова<sup>202</sup>.

В последние годы в российской исторической науке наметился поворот к изучению «человеческого измерения» войн и армии (военно-антропологические исследования). Его инициатором является Е.С. Сенявская, в работах которой проблема «человек и война» рассматривается как междисциплинарная отрасль исторической науки.<sup>203</sup> Уже вышли три выпуска ежегодника «Военно-историческая антропология», в которых получили освещение новые подходы и интерпретации социальной и военной истории. Военно-антропологические исследования отражают общую тенденцию антропологизации исторического знания, вбирают в себя новейшие достижения социальной истории, истории повседневности и военной истории.

Ценный вклад в разработку военно-исторической проблематики внесло её обсуждение на научных конференциях последних лет: «Армия в истории России» (г. Курск, 1997 г.), «Война и общество» (г. Тамбов, 1999 г.), «Армия и общество»

<sup>185</sup> Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформы П.Д. Киселёва. М., 1958. Т. 2.

<sup>186</sup> Герасимова Ю.И. Крестьянское движение в России в 1844 – 1849 гг. // Исторические записки. М., 1955. Т. 50. С. 230; Найдёнов М. Класовая борьба в пореформенной деревне (1861 – 1863 гг.). М., 1955. С. 98–99.

<sup>187</sup> Фёдоров В.А. Крестьянское трезвенное движение 1858 – 1860 гг. // Революционная ситуация в России в 1859 – 1861 гг. М., 1962. С. 107 – 126; Вержбицкий В.Г. Революционное движение в русской армии (с 1826 по 1859 гг.). М., 1964. Дьяков, В.А. Солдатское движение в 1856 – 1865 гг. // Революционная ситуация в России в 1859 – 1861 гг. М., 1970 и др.

<sup>188</sup> Фёдоров А.В. Русская армия в 50 – 70-е гг. XIX в. Очерки. Л., 1959.

<sup>189</sup> Зайончковский П.А. Военные реформы 1860 – 70-х гг. в России. М., 1952.

<sup>190</sup> Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.

<sup>191</sup> Отдельные стороны комплектования вооружённых сил России в XIX в. рассмотрены в статье С.О. Кляцкина О системе комплектования старой армии // Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 17 – 26.

<sup>192</sup> Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.

<sup>193</sup> Прудников Ю.Ф. Комплектование русской армии (1794 – 1804 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. М., 1972; Богданов Л.Г. Русская армия в канун XVIII – первой половины XIX в. (организация, управление, комплектование, вооружение): дис. ... докт. ист. наук. 07.00.02. М., 1981; Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях николаевской России (1825 – 1855): дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. М., 1999; Горячев В.Б. Комплектование русской армии рядовым составом в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. М., 2006 и др.

<sup>194</sup> Бесов А.Г. Военная политика России в XIX в. Монография. М., 2001.

<sup>195</sup> Волкова И. Русская армия в русской истории. М., 2005.

<sup>196</sup> Быт русской армии XVIII – начала XX века / Авт.-сост. С.В. Карпущенко. М., 1999; Охлябин С. Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн. М., 2004 и др.

<sup>197</sup> Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. 07.00.02. М., 2005.

<sup>198</sup> Рогулин Н. Г. Вопросы повседневной жизни нижних чинов русской армии в новейших отечественных исследованиях // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. статей. СПб., 2005. С. 99 – 106.

<sup>199</sup> Из специальных работ отметим лишь статью Форсовой В.В. Общественное призвание военных и их семей в дооктябрьской России // Вестник РАН. 1996. Т. 66. № 8. С. 750 – 758.

<sup>200</sup> Ярёмко В.А. Социальная защищённость военных чинов в России до 1917 г. // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 177 – 183.

<sup>201</sup> Чинённый С.А. Пенсия не милость, а долг государства // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 59 – 67.

<sup>202</sup> Попов Ю.М. Зарождение системы социальной защиты военнослужащих (XVIII в.) // Воронежский вестник архивиста. Вып. 2. Воронеж, 2004. С. 133 – 152.

<sup>203</sup> Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; Её же. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002 и др.

(г. Тамбов, 2003), «Noblesse Oblige: военные в традиционной культуре Старого Света. Жизнь. Окружение. Нравы» (г. Орёл, 2004) и др. На них были поставлены такие вопросы, как демографическое поведение солдат русской армии, признание военных инвалидов, социальная защита отставных солдат.

Заметный вклад в изучение отдельных аспектов влияния военного фактора на российский социум внесли западные учёные, которые, в отличие от российских авторов, на протяжении не одного десятка лет демонстрируют устойчивый интерес к истории функционирования армии как социального учреждения, быта и семейного положения солдат русской армии.<sup>204</sup> Наиболее комплексно социальная стратификация солдат в период службы или после отставки изучена в работах американского историка Э.К. Виртшафтер<sup>205</sup>. В её статье «Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia»<sup>206</sup> исследована адаптация отставных солдат и их социальная защита. Необходимо отметить, что этим проблемам посвящены и другие публикации Э.К. Виртшафтер<sup>207</sup>.

В работе английского историка Джона Кипа «Солдаты царской армии и общество в России, 1462 – 1874 гг.»<sup>208</sup> внимание обращено на комплектование и социальный состав нижних чинов русской армии.

Подводя итоги обзору российской и зарубежной историографии по заявленной проблеме, можно прийти к выводу о том, что воздействие военного фактора на повседневную жизнь российского социума в XIX в. всё чаще привлекает внимание исследователей. Однако специальных обобщающих трудов по истории отдельных категорий отставных и бессрочноотпускных так и не появилось. Практически не исследуется проблема воздействия армии на социокультурную среду русской провинции, девиантное поведение военных ветеранов, их участие в выполнении полицейских функций. Состояние историографии актуализирует тематику изучения проблем социальной адаптации и признания представителей военного сословия в российском государстве в XIX в.

---

<sup>204</sup> Beyrau, D. *Militar und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland*. Gologne, 1984; David Moon, *Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825 – 1855*. London, 1992; Eric Lohr and Marshall Poe. *The Military and Society in Russia 1450 – 1917*. Boston, 2002; Bruce W. Menning, *Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861 – 1914*. Bloomington, 1992 и др.

<sup>205</sup> Wirtschafter E.K. *From Serf to Russian Soldier*. Princeton, 1990; Она же. *Legal Identity and the Possession of Serfs in Imperial Russia // The Journal of Modern History*. 1998. September. № 70. P. 578–579; Она же. *Социальные структуры: разночинцы в Российской империи: пер. с англ.* Т.П. Вечериной / Под ред. А.Б. Каменского. М., 2002.

<sup>206</sup> Wirtschafter E.K. *Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // The Journal of Military History*. 1995. April. № 59. P. 215 – 236.

<sup>207</sup> Wirtschafter E.K. *Legal Identity and the Possession of Serfs in Imperial Russia // The Journal of Modern History* 70. September 1998. P. 578–579; Она же. *Soldiers Children, 1719 – 1856: A Study of Social Engineering in Imperial Russia // Forschungen zur osteuropäische Geschichte*. 1982. № 30. P. 61 – 136; *Military Justice and Social Relations in the Pre-reform Army, 1796 to 1855*, *Slavic Review* 44. 1985. April. № 1. P. 67 – 82.

<sup>208</sup> John L.N. *Keep. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462 – 1874*. Oxford, 1985.



## СОСЛОВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ВОЕННЫХ ВЕТЕРАНОВ (ОТСТАВНЫХ СОЛДАТ) В РОССИИ В XIX В.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке American Council  
of Learned Societies (ACLS), Short-term Grant 2009*

Наличие у России мощной армии, проводимые регулярно очередные и внеочередные рекрутские наборы, внешнеполитическая активность способствовали формированию в стране военного сословия, которое представляло собой особый социально-сословный феномен, специфическую группу населения Российской империи. Оно начало формироваться со времени создания русской регулярной армии в первой четверти XVIII в. Так, при введении рекрутской повинности было установлено, что вновь призванные рекруты освобождались от крепостной зависимости и переходили в «солдатское сословие», которое включало также солдатских жён и детей. Нижние чины регулярной армии вплоть до 1874 г. набирались на службу из податных сословий. Нормы рекрутского набора изменялись по годам, но в среднем ежегодно набирали по 1 человеку с 200 ревизских душ. Поскольку действительная служба была сначала пожизненной, с 1793 г. ограничивалась 25 годами, с 1834 г. – 20 годами, с 1855 г. – 12 годами, то люди, попавшие в солдаты, утрачивали связь со своим прежним состоянием, переходили в состав военного сословия и свой новый статус передавали жене и детям. Военная служба для этого сословия являлась наследственной обязанностью, освобождавшей его от платежа всех государственных податей и выполнения казённых повинностей.<sup>209</sup> Это сословие являлось важной составной частью российского общества, но имело собственное правовое и социальное положение, характерное поведение и образ жизни, вызывало неоднозначное отношение в обществе.<sup>210</sup>

По мнению И. Волковой, армия по линиям призывной системы вбирала в себя массы гражданских лиц и по истечении определённого срока возвращала обществу преобразованный ею «человеческий материал», который обогащал социально-бытовой уклад в рамках своей популяции новыми знаниями и навыками. Несмотря на то что в условиях действия рекрутской повинности с её сверхдлительными сроками службы взятый в армию воин навсегда оставался «отрезанным ломтём» и в исключительно редких случаях возвращался после демобилизации на свою малую родину, поле, на котором происходило взаимное оплодотворение военного и гражданского социумов, было весьма широким.<sup>211</sup> По оценкам немецкого историка Д. Байрау, военные институты серьёзно воздействовали на аграрно-традиционное российское общество.<sup>212</sup> Совершенно справедливо мнение Д. Кипа о том, что военное сословие играло выдающуюся роль.<sup>213</sup> Очевидно, что изменения в юридическом статусе и социальном положении рекрутов после отставки позволяют говорить о возникновении отдельного «военного общества», понятие которого было впервые введено в научный оборот французским историком А. Корвизье<sup>214</sup>. Американский историк Э. К. Виртшафтер, развивая параметры «военного общества», указывает на то, что крепостничество и обязательный характер несения военной службы создали в России особые социальные условия, сильно отличающиеся от условий европейских стран: Англии, Франции, Австрии или Германии.<sup>215</sup> Таким образом, в оценках российской и зарубежной историографии военное сословие, включая отставных солдат, являлось особым социальным институтом, с присущими только ему групповыми интересами, настроениями, правовым статусом и социальным поведением.

В целом в Российской империи в силу действующего законодательства к военному сословию принадлежали, кроме регулярных войск, находящихся на действительной службе, все бессрочноотпускные и отставные нижние чины и их семьи, а также всё население казачьих войск.<sup>216</sup> Социально-статистический парадокс заключался в том, что хотя представители военного сословия и не входили в число законодательно закреплённых сословных групп (дворянство, крестьянство, духовенство, купечество и др.), но существовали на деле и подлежали обязательной переписи.

При подсчёте военного сословия встречались сложности, связанные с запутанностью сословных границ и семейных связей, а также недостатками организации статистического учёта. Это приводило к серьёзным расхождениям при уточнении перечня лиц, относящихся к военному ведомству. Местные власти доносили, что отчёты полицейских управлений, статистических комитетов о количестве лиц военного сословия часто наполнялись цифрами произвольными, решительно ни на чём не основанными. Правительство также вынуждено было признать, что численность многих представителей военного сословия в России, в том числе отставных солдат, было «трудно определить».<sup>217</sup>

Интересно, что более подробные сведения об уволенных в отставку солдатах содержатся в статистических источниках периода правления Николая I. Этот император стремился регламентировать все стороны жизни своих подданных, в том числе и правовое положение и сословно-правовой статус отставных солдат. Примечательно, что в николаевскую эпоху постоянно возрастало число солдат, отправляемых в отставку. Так, если в 1826 г. было уволено 4399 нижних чинов<sup>218</sup>, то уже

<sup>209</sup> Подробнее см.: Щербинин П.П. Военное сословие в социальной структуре российского общества в середине XIX в. (на материалах Тамбовской губернии) // *Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем*. С. 40 – 42.

<sup>210</sup> Бесов А. Сословия России в конце XIX – начале XX в. М., 1993. С. 15; Wirtschafter E.K. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // *The Journal of Military History*. 1995 April. № 59. P. 215 – 235.

<sup>211</sup> Волкова И. Русская армия в русской истории. М., 2005. С. 6.

<sup>212</sup> Beyrau D. Militaer und Gesellschaft im Vorrevolutionaeren Russland. Gologne, 1984. S. 76.

<sup>213</sup> John L.H. Keep. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462 – 1874. Oxford, 1985. P. 1–2.

<sup>214</sup> Corvisier A. Armies and societies in Europe, 1497 – 1789. Trans. Abigail T. Siddall. Bloomington: Indiana University Press, 1979.

<sup>215</sup> Wirtschafter E.K. From Serf to Russian Soldier. Princeton, 1990. P. 151.

<sup>216</sup> Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 129.

<sup>217</sup> Предположения о новом устройстве быта нижних чинов, оканчивающих обязательный срок службы. СПб., 1864. С. 17; Кеппен П. Девятая ревизия. Исследования о числе жителей в России в 1851 г. СПб., 1857. С. 137, 213.

<sup>218</sup> Столетие военного министерства. Главный Штаб. СПб., 1907. Часть II. Кн. 1. Отдел 2. С. 5.

в 1830 г. Николай I разрешил уволить в отставку (за выслугу лет в гвардии 20, а в армии 22 лет) 18 098 человек<sup>219</sup>. Всего с 1825 по 1850 гг. со службы уволилось свыше 450 000 человек. Конечно, в период войн России и напряжённости международных отношений отставки прекращались. Так, не было отставок солдат в 1828–1829 гг., когда шла война с Турцией.

Необходимо заметить, что достаточно часто отставные солдаты добровольно возвращались в армию. Многие из них так и не смогли найти для себя достаточных средств к пропитанию, обзавестись семьёй и считали для себя основной профессией службу в рядах армии. Например, в 1849 г. в войска добровольно поступило из отставки 172 солдата.<sup>220</sup>

Во время восстания в Польше в 1863 г., так же как и в годы войн, было приостановлено увольнение нижних чинов в отставку.<sup>221</sup> Причём с 1 декабря того же года всем этим нижним чинам, чья отставка была приостановлена, была дана в награду серебряная медаль «за усердие» для ношения на груди на Анненской ленте.<sup>222</sup> Уже 4 мая 1864 г. последовал приказ военного министра о возобновлении отставок.<sup>223</sup> Таким образом, в обычные «невоенные» годы власти никогда не задерживали отставок, считая необходимым соблюдать права военных ветеранов на отставку.

Между тем современники пытались выяснить представительство данной категории населения страны в российском социуме. В статье Н.Г. Бунге «Об изменении сословного состава населения России в промежутках времени между 7, 8 и 9 ревизиями», опубликованной в «Экономическом указателе» за 1867 г., специально рассмотрено представительство в социальной структуре общества отставных солдат. Автор исследования отмечает, что на протяжении XIX в. отставные солдаты получали всё большее значение и их численность в 1836 г. составляла 312 999 человек, а в 1851 г. уже определялась в 567 056 человек.<sup>224</sup> Таким образом, численность отставных солдат в данном промежутке времени увеличилась на две трети и составила 1 % от общего числа населения империи.

Заметим, что отставные солдаты русской армии являлись одним из ключевых механизмов освобождения населения от крепостной зависимости. Так, ещё в XVIII в. из армии было демобилизовано в преклонном возрасте около 300 тыс. человек, из которых не менее половины приходилось на долю бывших помещичьих крестьян.<sup>225</sup> С начала XIX в. стало резко увеличиваться количество бывших крепостных, освободившихся от феодальной зависимости после призыва в армию и демобилизованных в связи с окончанием службы в её рядах. К тому же в предреформенные годы уровень смертности в армии стал снижаться, что также способствовало росту незакрепощённого люда. По данным В.М. Кабузана, в 1835 – 1858 гг. в армию было взято 2101,4 тыс. человек, из них умерло 992,6 тыс. человек, а демобилизовалось 1113,8 тыс., или 53 %.

Всего с 1796 по 1858 гг. через каналы военной службы было выпущено 2034,1 тыс. человек, среди которых крепостных оказалось менее половины, или примерно 1017,1 тыс. человек. В годы VII ревизии (1816 – 1834 гг.) число освобождённых от крепостной неволи после выхода в отставку превысило количество получивших свободу иными путями.<sup>226</sup> Таким образом, армия являлась важнейшим элементом развития социальной мобильности российского общества, способствуя формированию свободных от крепостничества людей, не платящих налоги и имевших право свободного выбора места жительства и занятий.

Многие отставные солдаты так и не смогли вернуться к своим прежним занятиям в деревне и становились, по замечанию барона А. Гакстаузена, «зародышем пролетариата» в России. Даже те из них, кто всё же селился в деревне, получая участки земли, так и не делались крестьянами.<sup>227</sup> Не случайно отставные солдаты и их семьи охотно селились в городах, где они рассчитывали найти себе средства для жизни. По оценкам А.Г. Рашина, нередко отставные нижние чины селились в городах, так как их охотно брали на должности сторожей, дворников, надзирателей и других служащих.<sup>228</sup> По наблюдениям статистиков первой четверти XIX в., отставные солдаты действительно предпочитали селиться в городах Центральной России, где они надеялись получить служительские должности и средства к пропитанию.<sup>229</sup> Необходимо учитывать, что служба в армии способствовала развитию грамотности населения. Именно в армии солдат нередко становился человеком грамотным, поэтому в городе отставной солдат часто шёл в услужение – швейцаром, смотрителем в музеи или университеты, «дядькой» к барчукам, а в деревне, как правило, становился лично свободным писарем сельской общины.

В середине XIX в., 24 декабря 1851 г., вышел указ императора Николая I о том, что в паспортах, форма которых была приложена к приказу по Военному ведомству от 7 мая 1847 г., после слов: «отпущен, по его желанию, на собственное пропитание, где жить пожелает, во всяком городе, уезде или на прежнем жилище у своих родственников» – необходимо было прибавлять: «а в С.-Петербурге и в Москве только в таком случае, ежели будет иметь возможность к содержанию себя какими либо постоянными занятиями и вообще положительными способами»<sup>230</sup>. Вполне очевидно, что власти стремились

<sup>219</sup> Там же. С. 19.

<sup>220</sup> Там же. С. 27.

<sup>221</sup> ПСЗ. 1863. № 40109.

<sup>222</sup> Там же. № 40336.

<sup>223</sup> Там же. 1864. № 40836.

<sup>224</sup> Бунге Н.Х. Об изменении сословного состава населения России в промежутках времени между 7, 8 и 9 ревизиями // Экономический указатель. 1867. № 44. С. 1021 – 1026.

<sup>225</sup> Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 472.

<sup>226</sup> Кабузан В.М. Крепостное население России. СПб., 2002. С. 158 – 169.

<sup>227</sup> Гакстаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. 37.

<sup>228</sup> Рашин А.Г. Динамика численности и процессы формирования городского населения России в XIX – начале XX вв. // Исторические записки. М., 1950. Т. 34. С. 64.

<sup>229</sup> Герман К. Статистические исследования, относительно Российской империи. Ч. 1. О народонаселении. СПб., 1819. С. 282.

<sup>230</sup> ПСЗ. 1851. Т. XXVI. № 25844.

оградить столицы от не имеющих средств к жизни отставных солдат, что позволяло уменьшить число обращений в чиновничьи инстанции и сократить число неимущих ветеранов в крупнейших центрах страны.

Впрочем власти не препятствовали освоению отставными солдатами окраинных территорий. И когда к Николаю I обратились с прошением 145 отставных нижних чина Черноморского флота с просьбой поселить их на казённых землях вблизи Николаева, то император поддержал это желание отставников. По его указанию туда же были переведены ещё 74 отставных моряка и поселение назвали Константиновским.<sup>231</sup>

Забота о пополнении армии и нежелание нести дополнительные расходы вынудили правительство предоставить помещикам льготы по рекрутской повинности, если они селили в своём поместье семьи отставных и бессрочноотпускных солдат. Таким образом, государство переключало со своих плеч необходимость призрения отставных и отпускных военных с их семьями, а помещики приобретали право на получение зачётной рекрутской квитанции за каждого из сыновей таких солдат, достигших 20-летнего возраста и годных к службе в армии.<sup>232</sup>

С другой стороны, помещики были недовольны тем, что им надо было «опекать» отставных солдат и их семьи, водворяя их на своих землях. Крепостники заявляли, что им очень «стеснительно» выделять наделы для таких семей в своих поместьях. Кроме того, они высказывали опасение, что многие отставные нижние чины представляли людей независимых и своевольных и могли пагубно влиять на окружающее их крестьянское население. Дворяне просили правительство селить отставников с семьями на казённых землях и не нарушать их права собственников-помещиков.<sup>233</sup> По оценкам В.А. Александрова, отставные солдаты в XVIII – начале XIX вв., возвращаясь на родину, попадали там в сугубо зависимое положение. Отправляясь в армию, они полностью теряли имущественные права в своей семье и становились изгоями по отношению к своему прежнему крестьянскому состоянию. Так, в 1786 г., когда отставной солдат А.Ф. Филиппов вернулся на родину в с. Сельцы Никольской вотчины Орловых и предъявил какие-то материальные претензии к брату, то мирским приговором община тут же положила конец имущественному спору. Филиппову А. было определено получить с брата 10 р. с условием ничего более не просить.<sup>234</sup> Таким образом, если солдат возвращался в дом отца или братьев, то он попадал в положение приживальщика; если же его собственная семья сохраняла свой двор, то его возвращение и дальнейшая жизнь зависели от воли помещика и общины. Будучи человеком свободным, отставной солдат был не нужен ни общине, ни помещику, которому к тому же ввиду полученного жизненного опыта он был опасен, поэтому доживать свой век в своём доме он мог только с их согласия.

Многие помещики вообще запрещали отставным солдатам жить «особыми» домами, если они не хотели вновь надеть на себя барщинное ярмо. Помещики нередко приказывали изгонять из своих деревень отставных солдат вместе с их семьями.<sup>235</sup> Не случайно источники свидетельствуют о редком возвращении отставного солдата в семью отца или братьев. Если же это и случалось, то такие солдатские семьи предпочитали жить отдельным двором.

Довольно часто солдаты, которые женились во время службы, после отставки уезжали жить на родину своих жён. Трудно точно определить, сколько же отставных солдат возвращались в свои семьи. Согласно данным по Смоленской губернии за 1854 – 1856 гг. 34 % из вернувшихся солдат находились на попечении родственников или общины, 50 % сами обеспечивали себя, находясь на службе, 15 % занимались сельским хозяйством и 1 % торговлей.<sup>236</sup> В аграрной Тамбовской губернии в 1849 г., судя по отчёту в МВД тамбовского губернатора, отставных нижних чинов было до 10 000, из которых более 7 000 занимались хлебопашеством, 2250 – промыслами и частной службой, 67 торговлей, а остальные, по дряхлости, находились на иждивении родственников.<sup>237</sup> Спустя 6 лет, в 1855 г., из отставных солдат 54 % занимались хлебопашеством, 22 % жили у родственников, остальные имели другие занятия или находились в богадельнях.<sup>238</sup>

По мнению Э.К. Виртшафтер, вернувшиеся с военной службы солдаты попадали в категорию разночинцев, хотя местные чиновники и пытались отнести их к «военному сословию». Освобождённые от подушной подати и подчинения провинциальной администрации, отставные солдаты занимали неопределённое положение в социальной структуре, предназначенной для полного учёта всего населения страны. Власти рассчитывали, что вернувшиеся солдаты будут селиться в городе или деревне на постоянное жительство, хотя от них этого не требовалось. По законодательству они могли свободно перемещаться, но при условии, что не будут заниматься преступной деятельностью или бродяжничеством.<sup>239</sup> При Николае I от отставных солдат неукоснительно стали требовать «соблюдать в одежде форму, бороду брить, по миру не ходить»<sup>240</sup>. Отставные солдаты и члены их семей не подлежали подушному обложению, но практически были лишены государственной и общественной поддержки.

Специального рассмотрения заслуживают изменения в правовом статусе отставных солдат в Российской империи в 50 – 60-е гг. XIX в., которые можно отследить на основе Полного собрания законов. В этот период регламентация правового статуса и социального поведения отставных солдат были особенно интенсивными. Особое значение, по мнению правительства, имело расселение отставных солдат на землях казачьих войск. 12 декабря 1850 г. к Оренбургскому военному губернатору обратились отставные солдаты Прокофий Пашутин и Матвей Баландин с просьбой зачислить их в казачье сословие Оренбургского войска с семьями и потомством навсегда, так как они имели в станице Степной собственные дома, занимались хлебопашеством и скотоводством. Император 9 марта 1851 г. собственноручно написал: «Согласен и

<sup>231</sup> Там же. № 24667.

<sup>232</sup> Свод законов о солдатских детях. СПб., 1848 С. 47.

<sup>233</sup> ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 6532. Л. 1 – 6.

<sup>234</sup> Александров В.А. Указ. соч. С. 290–291.

<sup>235</sup> Там же. С. 291–292.

<sup>236</sup> Wirtschafter E.K. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // The Journal of Military History. 1995. April. № 59. P. 225.

<sup>237</sup> РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 13. Л. 19.

<sup>238</sup> РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 65. Л. 53.

<sup>239</sup> Wirtschafter E.K. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // The Journal of Military History. 1995. April. № 59. P. 217.

<sup>240</sup> Правила об увольнении нижних воинских чинов в отпуск и в отставку. СПб., 1864. С. 88.

разрешаю и впредь без представления мне, но в годовых отчётах показывать, сколько таких зачислено»<sup>241</sup>. 9 мая 1853 г. был издан указ о водворении отставных нижних чинов на землях Оренбургского казачьего войска и о запрещении водворения их на землях Уральского войска.<sup>242</sup> С другой стороны, 4 июня того же года по предложению Министра государственных имуществ на сибирские губернии было распространено положение об устройстве отставных нижних чинов, водворяющихся в казённых селениях.<sup>243</sup> Спустя ещё 20 дней Николай I утвердил предложение военного совета о зачислении в Забайкальское казачье войско проживающих в нём отставных нижних чинов вместе с семьями, если они изъявят на то согласие. Те же, кто не пожелает поступить в войско, обязаны были переселиться с войсковых земель в течение двух и не более трёх лет со дня объявления этого решения, предоставив продать в течение этого времени дома и обзаведения лицам казачьего сословия.<sup>244</sup> 5 октября 1853 г. было высочайше утверждено положение Военного Совета об оставлении отставных нижних чинов преклонного возраста в настоящих местах их жительства до смерти их, но вместе с тем, чтобы они отбывали наравне с жителями казачьего сословия те повинности, которые по уставу возложены на отставных нижних чинов, водворённых в казачьих селениях, и чтобы по смерти их дома и прочие принадлежащие им строения были наследниками их или вывезены, или проданы лицам казачьего сословия.<sup>245</sup> 1 июня 1857 г. разрешено тем нижним чинам, которые поступили на службу из казённых селений, зачисленных в состав Иркутского и Енисейского конных казачьих полков, но получили отставку или выслужили установленный срок, предоставить право зачисляться в те полки, по собственному желанию их, в разряд казаков отставных, с внутренней службой. Те же, кто не пожелают зачисляться в упомянутые полки, обязывались переселяться из казачьих селений на другие места.<sup>246</sup> Вполне очевидно, что власти не желали урезать права казачества, с одной стороны, но с другой – не позволяли отставным солдатам слишком успешно адаптироваться в казачьем сословии. К тому же и само казачество не желало расширения своего состава за счёт отставных солдат и членов их семей и нередко настаивало на их выселении с казачьих земель.

В XIX в. правительство дважды обращалось к услугам отставных солдат, призывая их вновь вернуться на службу. В 1806 г. Александр I посчитал необходимым увеличить численность армии не только за счёт рекрутов, но и путём привлечения в армию уже отслуживших свой положенный срок солдат. Такие военные ветераны награждались медалями: серебряной на красной Александровской ленте за 6 лет вторичной службы и золотой на голубой Андреевской ленте за 10 лет вторичной службы в войсках.

В условиях Крымской войны 1853 – 1856 гг., когда Россия вновь нуждалась в подготовленных воинах, находящихся в отставке, Николай I пошёл на дарование беспрецедентных льгот тем отставным нижним чинам, которые пожелали бы поступить на вторичную службу. 15 марта 1854 г. было объявлено через губернаторов, что те из отставных воинских чинов, которые чувствуют себя ещё здоровыми, бодрыми, усердными и способными, приглашаются в военное время на службу. Этим отставным нижним чинам были дарованы значительные льготы и поощрения.

5 апреля 1855 г. вышел указ о даровании прав и преимуществ отставным нижним чинам, поступившим в государственное ополчение, таких же, как и при поступлении на вторичную военную службу.<sup>247</sup> Заметим, что никогда ещё отставные солдаты не получали таких льгот, и власти полностью выполнили взятые на себя обязательства. Окончание Крымской войны и снижение потребности в военных кадрах привело к отмене приёма на вторичную военную службу, которая последовала 10 апреля 1856 г.<sup>248</sup>

Власти вновь вспомнили об отставных солдатах 26 августа 1856 г., когда был опубликован Манифест по случаю коронации Александра II. Прежде всего необходимо отметить ликвидацию института военных кантонистов. Отставные солдаты наконец-то смогли вернуть себе своих детей. Для многих отставных солдат это означало возможность призрения в старости в составе собственных семей. Так, в Манифесте указывалось: «...всем вообще отставным солдатам, водворенным постоянной оседлостью в городах, посадах, местечках, в имениях казенных, удельных, однодворческих, горнозаводских, дворцовых и прочих, населенных людьми свободных состояний, возвращать, буде пожелают, всех сыновей их, состоящих и числящихся на службе в военно-сухопутном и морском ведомстве, исключая поступивших уже на действительную службу в полки и команды, морские экипажи и иные части армии и флота... Приписать этих детей к податным сословиям при проведении новой народной переписи. До тех пор они остаются свободными от всех личных податей и повинностей»<sup>249</sup>. В том же году власти решили помогать добираться до избранного места жительства семьям отставных солдат. Для этого им выделялось по одной одноконной подводе для одного или двух семейств.<sup>250</sup> Кроме того, отставным нижним чинам и отправляющимся с ними на родину жёнам и детям их, солдатским вдовам выплачивались прогоны и кормовые деньги, о чём делалась запись в паспорте.<sup>251</sup> Таким образом, уже первые месяцы царствования Александра II выявили стремление властей облегчать адаптацию отставных солдат в гражданском сообществе. Вне всякого сомнения, эти мероприятия властей шли в русле общей политики самодержавия по либерализации отдельных сторон жизни различных слоёв российского общества и являлись составной частью военных реформ 50 – 70-х гг. XIX в. Заметим, что по указу от 8 сентября 1859 г. был сокращён

<sup>241</sup> Правила об увольнении нижних воинских чинов в отпуск и в отставку. СПб., 1864. С. 88. № 25015.

<sup>242</sup> ПСЗ. 1853. Т. XXVIII. № 27225.

<sup>243</sup> Там же. № 27321.

<sup>244</sup> ПСЗ. 1853. Т. XXVIII. № 27376.

<sup>245</sup> Там же. № 27580.

<sup>246</sup> ПСЗ. 1857. Т. XXXII. № 31908.

<sup>247</sup> ПСЗ. 1855. Т. XXX. № 29192.

<sup>248</sup> ПСЗ. 1856. Т. XXXI. № 30379.

<sup>249</sup> ПСЗ. 1856. Т. XXXI. № 30877.

<sup>250</sup> ПСЗ. 1856. Т. XXXI. № 32295.

<sup>251</sup> Там же. № 32296.

20-летний срок службы для выхода в отставку. Был установлен 15-летний срок службы для поступающих на службу после 8 сентября 1859 г. и 20-летний – для солдат, уже состоявших на службе.<sup>252</sup>

19 декабря 1858 г. Александр II распорядился отставных нижних воинских чинов водворять в бывших округах пахотных солдат и выплачивать «...пенсии из пенсионного капитала удельного ведомства: по шесть рублей унтер-офицерам, по четыре рубля – рядовым, а уволенным со службы за ранами: унтер-офицерам по девять рублей, а нижним чинам по шесть рублей. А очень дряхлым и увечным при водворении выплачивать ещё единовременное пособие от 20 до 30 рублей»<sup>253</sup>.

Интересно, что власти занимали двойственную позицию в отношении отставных солдат, служивших в отдалённых районах России. С одной стороны, они оказывали определённую финансовую поддержку возвращающимся в Европейскую Россию отставникам, а с другой – стремились закрепить опытных военных ветеранов на малообжитых рубежах Отечества. Так, 28 апреля 1862 г. было утверждено положение о порядке направления во внутренние губернии возвращающихся на родину нижних чинов, находящихся в Приамурском крае. Летом их отправляли из портов восточного океана по реке Амур через Нерчинск с выдачей кормовых денег, а малолетним детям в половинном размере. От Нерчинска выдавались кормовые и прогонные до Иркутска, и встал вопрос, давать ли прогонные деньги тем, кто неспособен следовать пешком на родину. Было решено всем выдавать деньги прогонные до Тобольска на одну лошадь на человека. От Тобольска отправлять неспособных и не могущих идти пешком по этапам на подводах и с получением путевого довольствия от казны, а уволенным за выслугу лет и могущим следовать пешком давать только кормовые деньги, без подвод, подобно тому как не пользуются по закону подводами отставные, увольняемые за выслугу лет из Сибирских войск.<sup>254</sup> Таким образом, солдаты должны были идти пешком домой из Сибири и, вероятно, потратить несколько лет на дорогу домой.

Стремясь закрепить отставных солдат на Дальнем Востоке, власти распорядились 26 сентября 1862 г. выдавать пособие из сумм государственного казначейства по 130 р. серебром на домообзаведение тех, кто желал поселиться в Приморской области, г. Николаевске на Амуре<sup>255</sup>. Заметим, что создавать поселения из отставных солдат на окраинных землях правительство начало ещё в XVIII в. Тогда же появился и термин «пахотные солдаты», употреблявшийся в отношении таких военных

ветеранов. Переселявшиеся на окраины России отставные солдаты получали по 20 – 30 четвертей земли на семью, ссуду хлебом и деньгами на проезд и обзаведение хозяйством, необходимое вооружение. Пахотные солдаты и их дети навсегда освобождались от государственных податей. К началу XIX в. поселения отставных солдат существовали в семи губерниях, а число жителей в них составляло 25 697 душ мужского пола (в Симбирской губернии – 3691, Казанской – 6058, Оренбургской – 13 334, Екатеринославской – 793, Таврической – 378, Иркутской – 857, Томской – 586).<sup>256</sup> В 20 – 30-е гг. XIX в. пахотные солдаты Иркутской и Оренбургской губерний были причислены к казачьему войску, а остальные слились с общей массой государственных крестьян, хотя некоторые из них вплоть до второй половины XIX в. сохраняли своё прежнее название «пахотные солдаты», правда, с добавлением «бывшие».

Особое внимание правительство уделяло и увеличению своего влияния на Кавказе. 12 июля 1864 г. последовал указ Сенату: «В ознаменование достославных подвигов, совершенных войсками Кавказской армии в последние годы долговременной Кавказской войны, окончившейся покорением всего Кавказа, а также в воздаяние храбрости и неутомимых трудов, понесенных войсками в течение этой борьбы, повелеваем: установить» 15-летний вместо 20-летнего срока службы для

выхода в отставку.<sup>257</sup> Кроме того, 1 сентября 1867 г. было утверждено положение о дозволении отставным нижним чинам Кавказской линии, а также другим лицам свободного состояния водворяться среди казачьего населения на южной и северной поверхности Кавказского хребта.<sup>258</sup> Данный указ способствовал значительному увеличению численности русского населения и влияния властей на Кавказе.

Впрочем не стоит представлять политику правительства по отношению к отставным солдатам как постоянную череду льгот и послаблений. Так, по ст. 43 Положения о пошлинах за право торговли и промыслов (от 9 февраля 1865 г.) отставным и бессрочноотпускным нижним чинам, солдатским жёнам, вдовам и незамужним дочерям разрешалось иметь, без получения свидетельств на мелочную торговлю, по одному заведению (за исключением бань, трактирных и питейных заведений). Льгота эта была предоставлена на основании исключительного положения этих лиц, которые составляли особое сословие, не пользовались одинаковыми правами с другими сословиями империи. Но после утверждённого 25 июня 1867 г. Положения об устройстве отставных и бессрочноотпускных нижних чинов, поступивших на службу после 10 ревизии, они были уравнены в правах с остальным населением империи. Министр финансов в своей записке от 14 июня 1868 г. отмечал, что эта льгота имеет невыгодные стороны в торговом и промышленном отношении. Отставные и отпускные сравнивались по правам производить торг и промысел с мещанами. Имея льготу, они поставлены в исключительное положение перед мещанами и другими сословиями, платящими пошлины за право мелочной торговли. Военный министр также не возражал против этой отмены льготы, но считал, что её надо сохранить для бессрочноотпускных солдат, принятых на службу до 10 ревизии, и отставных уволенных со службы до утверждения положения об устройстве быта нижних чинов. Дело в том, что бессрочноотпускные, хотя и обязаны приписаться к городским и сельским обществам, но не имеют права на пользование

<sup>252</sup> Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855 – 1880 гг.). СПб., 1879. Т. 2. С. 470.

<sup>253</sup> ПСЗ. 1858. Т. XXXII. № 33920.

<sup>254</sup> ПСЗ. 1862. Т. XXXVII. № 38226.

<sup>255</sup> Там же. № 38738.

<sup>256</sup> Тургаев А.С. Военные поселения и крестьянство Северо-Запада России в 1816 – 1857 гг. С. 47 – 49.

<sup>257</sup> Там же. № 41050.

<sup>258</sup> ПСЗ. 1867. Т. XLII. № 44943.

отведённой в надел обществу землёй и не получают денежного пособия, а отставные даже не обязаны приписываться к обществу. В итоге решили лишить отставных и отпусковых солдат этой льготы.<sup>259</sup>

25 июня 1867 г. были высочайше утверждены Правила об устройстве отставных и бессрочноотпускных нижних чинов, по которым уволенные из войск солдаты уже не составляли особого сословия, не исключались из ревизских сказок, а возвращались к прежним занятиям, в состав своих прежних обществ. Это дата является рубежной и отражает изменения, которые происходили в сословно-правовом положении отставных солдат. Впрочем необходимо заметить, что теперь уже бывшие представители военного сословия сохраняли за собой прежние их права по поступлению на служительские должности, в торговле, ремесленном производстве, лечению в госпиталях.

Анализируя экономическое положение отставных солдат, поступивших на службу после 1861 г., можно констатировать, что большинство из них уже не утрачивали своих прав на землю, не отвыкали из-за кратковременности своей службы от полевых работ, не разрывали своей связи с землёй. Они в своей сущности оставались теми же крестьянами, но людьми бывалыми и дисциплинированными. По оценкам современников, такие отставные солдаты почти всегда возвращались после завершения службы к земледелию.<sup>260</sup> Если они уже выделились, что надел в их отсутствие обрабатывался с помощью найма домохозяйкой-солдаткой либо сдавался односельчанину с условием возвращения прежнему хозяину после завершения службы в армии. Надо заметить, что большинство отставных солдат предпочитали выделиться из родительской семьи и образовать собственный двор. Интересно, что община, выступая в принципе против разделов, как правило, всё же не возражала против выделения семьи солдата в отдельное домохозяйство. Общинники справедливо полагали, что коли решение жить отдельно столь явно выражается, то и нечего пытаться привязать членов семьи друг к другу.

7 августа 1863 г. было утверждено положение «Об устройстве отставных нижних чинов на помещичьих землях в Войске Донском»<sup>261</sup>. Отставным нижним чинам из крестьян донских помещиков, прежние поселения которых вошли в станичные юрты и которые должны были переселяться на новые места, предоставлялось по их желанию или зачисляться с семьями в казачье сословие войска Донского, или перейти вместе с временнообязанными крестьянами имений этих помещиков на новые места, для этих крестьян отводимые, и водворяться там с согласия владельцев и общества, или же приписываться к сельским и городским обществам других губерний.

При зачислении в казачье сословие отставные нижние чины приписывались к станицам или по своему выбору, или по усмотрению войскового начальства. В первом случае они были обязаны предоставить приговоры станичных обществ о желании принять их в свою станицу; во втором случае войсковое начальство имело право назначить им поселение в станицах малонаселённых. Зачисленным в казачье сословие выдавалось из войсковых сумм на первоначальное обзаведение денежное пособие от 25 до 50 р. на семейство. Всем зачисленным предоставлялась двухгодичная льгота от службы и от общественных станичных повинностей.<sup>262</sup>

Однако первые годы реализации новых законов выявили многочисленные злоупотребления властей, и 25 июня 1867 г. вышел императорский указ Правительствующему Сенату «Об устройстве отставных и бессрочноотпускных нижних чинов»<sup>263</sup>. В нём отмечалось, что «с устройством ныне всего сельского населения на равноправных началах и с постепенным сокращением сроков действительной в рядах войска службы, устранились преграды к возвращению увольняемых нижних чинов в первобытное гражданское состояние, и признавая, что вступление их вновь в сельские и городские общества, с правами членов оных, послужат вернейшим способом к обеспечению их быта, мы повелели: для устройства увольняемых нижних воинских чинов принять за основание, что солдат с вступлением на службу не должен утрачивать прежние свои гражданские права в обществе, а по увольнении из войск, возвращаясь в первобытное свое положение, вступает вновь в пользование означенными правами, с теми сверх того преимуществами, на которые он приобрел право выслугой установленного срока»<sup>264</sup>. Именно с этого времени увольняемым солдатам стали выдавать единовременное денежное пособие из казны и призывать их в случае болезни и невозможности находить пропитание собственным трудом. Этим указом в России фактически было введено в действие Положение об устройстве бессрочноотпускных и отставных нижних чинов.

Деньги для реализации указа были найдены достаточно легко. По два рубля на каждого поступающего на службу рекрута стали сдавать не только государственные крестьяне, как это было прежде, но и все сословия, которые несли рекрутскую повинность. Кроме того, был повышен до 25 р. и сбор за наёмных рекрутов. Но с другой стороны, сборы при переходе крестьян в мещанство и купечество, а также сборы с государственных и удельных крестьян на пособия отставным солдатам были отменены.<sup>265</sup>

28 июня 1869 г. право на получение трёхрублёвого пожизненного денежного содержания в месяц было предоставлено и тем нижним чинам, которые были неспособны к личному труду.<sup>266</sup> Этот указ впервые в российской истории ввёл пенсионное обеспечение для отставных нижних чинов. Впрочем реализация пенсионного законодательства, как это нередко бывало в отечественной истории, натолкнулась на бюрократические «рогатки» и злоупотребления. Не случайно в том же 1869 г. было принято специальное распоряжение министру финансов: «По поводу неправильной выдачи из казны пособия нижним чинам», в котором указывалось, что волостные правления и думы при приписке отставных солдат в состав прежних обществ всем делали надпись о праве нижних чинов на получение казённого пособия. Нередко такие пособия выдавались всем без

<sup>259</sup> ПСЗ. 1868. Т. XLIII. № 46115.

<sup>260</sup> Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Изд. Императорских Вольного экономического и Русского географического обществ / Под ред. Ф.Л. Барыков, А.В. Половцева, П.А. Соколовского. СПб., 1880. Т. 1. С. 62, 137.

<sup>261</sup> Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян за 1857 – 1875 гг. В 22-х частях. СПб., 1885. С. 535–536.

<sup>262</sup> ПСЗ. 1863. Т. XXXVIII. № 39934.

<sup>263</sup> Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян за 1857 – 1875 гг. В 22-х частях. С. 895–896.

<sup>264</sup> Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян за 1857 – 1875 гг. В 22-х частях. С. 895.

<sup>265</sup> Там же. С. 896.

<sup>266</sup> Там же. С. 1149.

исключения находящимся в бессрочном отпуске с 1860 по 1864 гг., а не только действительно вышедшим в отставку или бессрочный отпуск в 1868 г., как это и должно быть по Положению 25 июня 1867 г. Решено было неправильно розданные деньги взыскать и вернуть в казённые палаты.<sup>267</sup> Департамент полиции уточнил, что деньги стоит взыскивать не с солдат, а с виновных, т.е. с волостных правлений и казначеев, допустивших такую выдачу, а также с мировых посредников, если они подписывали свидетельства на право получения пособия.

Власти стремились контролировать социальную мобильность и местожительство отставных солдат. 24 мая 1871 г. Главный Комитет об устройстве сельского состояния принял разъяснение «О мерах к устранению затруднений, встреченных в устройстве и призрении нижних чинов на основании Положения 25 июня 1867 г.». В нём указывалось, что отставные нижние чины, которые сами не припишутся к какому-либо городскому или сельскому обществу, приписываются к ним по распоряжению местного начальства. Такие нижние чины, как не выполнившие сами правил о приписке к обществам, не могли получать денежных пособий на водворение и обзаведение хозяйством.<sup>268</sup> Кроме того, было уточнено, что все неспособные к личному труду нижние чины, получающие от казны трёхрублёвое пособие в месяц, могли пользоваться в госпиталях и больницах за счёт казны.

К концу XIX в. отставные солдаты, как представители прежде довольно значительного военного сословия, перестали фиксироваться в военно-статистических и государственных переписях, потеряли имевшиеся у них права и слились с имевшимися в России сословными группами. Необходимо всё же заметить, что без учёта сословно-правового статуса, социального поведения и настроений этих военных ветеранов невозможно в полном объёме реконструировать социальную историю Российской империи и выявить отличительные черты российской государственности и общественного развития. Современные историко-антропологические исследования подтверждают потребность изучения данной категории российского социума в исторической ретроспективе.

---

<sup>267</sup> Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян за 1857 – 1875 гг. В 22-х частях. С. 1174 – 1176.

<sup>268</sup> Там же. С. 1352–1353.

## LOCAL RIOTS AND RUSSIAN REVOLUTION VORONEZH BETWEEN INDEPENDENCE AND RELIANCE ON THE CAPITAL, 1917 – 1919

The news about the February Revolution in Petrograd reached provincial Voronezh, capital of the Black Earth Region, with a delay of some days. On March 5, the governor asked the provisional government to let him know if he is still considered the Voronezh's governor or not. A day later he retreated and was displaced by a commissar of the new government. At the end of October 1917 the situation was a similar one. The Voronezh Bolsheviks prepared – although rather roughly – a military uprising, but even some days after October 26 they did not know anything about their Petrograd comrades, if their uprising had started and if so, whether it had been successful or not. The Voronezh leaders would not have seized power in a provincial town without a successful attempt in the capital. They were convinced: «Voronezh is not decisive!»<sup>269</sup>. So they had to wait for the first Petrograd newspapers accidentally brought to town by train passengers before sending orders to the radical soldiers. Not before October 30, four days after the October uprising in Petrograd, Voronezh soldiers sympathizing with the Bolsheviks, killed some of their officers, arrested most of them, seized the building of the soviet and disbanded the old soviet, which had still been dominated by the Socialist-Revolutionaries ('SR' in abbreviation).

The description of Voronezh's dependence or independence on the capital faces two contradicting phenomena: the complete dependence – or even reliance on – Petrograd was undermined by the rather weak connections between Russia's capital and the Black Earth Region. This loose connection got worse due to the following economic breakdown, civil war destruction and old Russia's disintegration. The question to answer is if within this tension a regional identity or, at least, a regional autonomy did emerge.

Answering this question I want to focus on the region's most important town – Voronezh – and on groups, which were directly engaged in the important conflicts of the time – the revolutionary élites and the masses of soldiers and workers.

One could suggest that the regional background of these groups inspired a profound regional identity. But this is, as I will show, rather the exception than the rule. To start with the revolutionaries, engaged in Voronezh 1917: almost all of them were not born in the region but had been exiled to it in pre-revolutionary times. This holds for the Bolsheviks as well as for the Social-Revolutionaries (SRs). So, some of the most important SR-leaders and members of the party's central committee worked in the provincial town (Kogan-Bernstein, Burevoi). And when, following the riots in Petrograd in mid July, the Voronezh Soviet, although SR-dominated, decided not to pursue persecute local Bolsheviks, some active party figures fled from Petrograd to Voronezh to hide. Some of them played a major part in the future events in the provincial town. For instance, Moiseev was the most influential Bolshevik in the uprising to come. Nevskii, the only prominent Bolshevik really stemming from Voronezh, was not active in Voronezh in 1917. He had already worked in the Bolshevik party in the capital for a long time. Although he kept in touch the Voronezh comrades already before the July crisis, introducing here the official party line, he did not actively take part in the Voronezh events to come. He left for Petrograd as soon as it was possible.

The prominent Socialist-Revolutionaries left the town soon after their defeat was obvious in November 1917. They continued to work against the Bolsheviks in Petrograd and, later, in Samara. They neither trusted in the town's possibilities nor were they deeply rooted here.

As far as the soldiers are concerned, it is important to bear in mind that the only function of Voronezh, a typical hinterland garrison, was to collect recruits, to train them very quickly and to send them to the front. So composition and number of soldiers and military units, located in the town, changed permanently. It is difficult to say what part of the soldiers of the Voronezh garrison came from the region – as far as I can see not a small one. But the important fact is here that the only unit the Bolsheviks could rely on the eve of their uprising was a Siberian regiment of 2,000 soldiers, which came to the garrison only in August 1917. Soon after the Bolshevik victory most of these soldiers went home (except a small but conscious part of them, fighting the first battles of the civil war). This was their only demand on a Bolshevik seizure of power they fought for: that Russia will end the war and they will be allowed to return home. And so they did. Almost the whole regiment left Voronezh for Siberia already in November and December.<sup>270</sup>

The composition of the Voronezh workers is a more complex one than this of the soldiers. The Voronezh pre-war «industry» (including almost all craftsmen, hiring workers) employed about 7,000 workers. This industry consisted mainly of small enterprises with about 100 or less employees. The situation in Voronezh changed completely as soon as the war had started in 1914. Now, the Russia's imperial army had a great demand of military technique and financed a huge military industry. In Voronezh now new large factories appeared, others changed their production and turned to be larger enterprises. Still others were transferred from the western front line to the east. So the number of workers in the town increased to 12,000 until 1917.<sup>271</sup>

The most radicalized and 'Bolshevized' Voronezh workers did not have any roots in the Black Earth Region, they were not even Russians, but rather Latvians, evacuated from Riga soon after the beginning of the war. Here, the Bolsheviks organized meetings and passed their resolutions, which was difficult for them in all the other factories, especially during the first months.

But, apart from the Latvians, many of the newly employed workers came from the Voronezh suburbs. And because of the fact that a worker of a military enterprise was not drafted to the army, the new working places might have been interesting even for the lower middle class.

In addition to the Siberian soldiers the second important military force, playing a major role in the Voronezh uprising October 30, was a workers' militia, mainly consisting of railroad workers. In contrast to the soldiers, these workers remained in the town after the victory of the Bolsheviks, thereby becoming the only armed force left in town. From October on they quickly turned into a criminal gang, on the one hand fighting the other criminals in the name of law and order – legalized by the new Bolshevik soviet. On the other hand they were robbing and murdering. This *boevaia družina* was a independent local militia, influenced only superficially by the left-wing SRs. They were free to do whatever they wanted – and they did. The new radical soviet, consisting of Bolsheviks as well as left-wing SRs, deprived of all military power, could do nothing but approve of the militia's actions. And they did not hesitate very long to do so.

The unchallenged rule of the workers' militia in the first half of 1918 shows the results of a decentralization unplanned by the leading Bolsheviks. How far the chaotic breakdown of any centralized order went became clear when anarchists, mainly groups which had separated themselves from the first Red Army units, occupied town and soviet twice in April 1918. The first time they withdrew

<sup>269</sup> CDNIVO. F. 5. Op. 1. D. 498. L. 89.

<sup>270</sup> Bor'ba za vlast. Vospominania uchastnikov revoliutsionich sobitii v Voronezhe. Voronezh, 1957. P. 57.

<sup>271</sup> Turchaninov V. Ocherki istorii profsoiuznogo dvizhenia v Voronezhe 1917 – 1919. Voronezh, 1922. T. 1. P. 24.



without fighting, the second time it was only the eminent anarchist lack of interest in a stable power that gave the workers' militia the possibility to end the anarchist rule with a bloodshed after some days.<sup>272</sup>

Not earlier than July 1918 the Voronezh Bolsheviks, with the military help from the centre, could dissolve this *boevaia družina*. The militia's commanders were sent to the capital and offered a career in the newly established state organs (mostly in the tcheka), the militia itself was dissolved, although not without fighting, and its members were integrated in the Red Army. By this time the Voronezh Bolsheviks could gain a more stable form of power – but only with the help of Petrograd soldiers. And for the leadership in the capital it was the very first step of centralizing the Bolshevik rule in the capital of the Black Earth Region.<sup>273</sup>

A first conclusion can be drawn: the exiling of suspicious revolutionaries by the old regime, World War I, especially the movements of troops from the hinterland to the front and the evacuation of industry, brought to Voronezh a huge amount of workers, soldiers, and even underground activists, only loosely, if at all, rooted in the Black Earth Region. These groups hardly had a profound regional identity. It seems impossible to describe the revolutionary events in Voronezh strictly in local terms, since many of the main roles were played by strangers. Afterwards, during the first months of Bolshevik rule and civil war, this tendency was only strengthened. I want to point out three major elements of this process.

The first one was the increasing famine. The Black Earth Region had, of course, one great advantage in comparison with, e.g., Moscow or Petrograd: Russia's most fertile region had gained a grain surplus. At the same time, when the north starved increasingly and not the first day, this attracted units for collecting grain (the *prodotriadi*) from everywhere to the region. These units were, by the way, by far not all sent by the new soviet state, also several districts, towns, factories or local soviets sent their own *otriadi*, desperately hoping to get some grain in a permanent worsening situation. The situation got out of any control. Criminals began to control the railway, sometimes they were beaten by red guards, sometimes red guards themselves became uncontrolled gangsters, fighting each other.

The Bolshevik leaders, drawing conclusions from the unsuccessful Parisian Commune, considered the famine as the greatest danger for their power. Therefore, they sent a large number of workers and soldiers to the Black Earth Region. Many workers, starving in the emptying cities, hurried to the south, either as members of an *otriad* or as private person. In the Voronezh gubernia alone some tensousands of strangers arrived. Many of them stayed in the countryside often working as soviet activists.

The Bolshevik leadership strove to control and, in the end, to centralize the collections of grain. As far as I can see, they had a certain success in the region, although they did not, of course, solve the problem, that less and less grain was left to be collected. Also, their efforts were partially overshadowed by the whites which occupied substantial (but changing) parts of the gubernia during 1918 and 1919.

What matters here is the fact that the military power was overtaken by the *prodotriady* – not by fighting, but simply by staying in the region. In May 1918, the commander of the Moscow *prodotriadi* was shocked by the lack of power of the Voronezh *gubernias* party committee. He reported to Moscow that the committee did not command any considerable military unit but rather a small number of soldiers nobody had to fear.<sup>274</sup>

This position of the *prodotriady* was impaired when the Red Army got a more or less effective and centralized shape in the second half of 1918. This is the second element in the process. Soon after the civil war had started in the south, the headquarter of the southern Red Army was located in Voronezh. Almost all officers and commissars came from other territories than the black Earth Region. They were, of course, in contact with the local soviet and party committee, but these organizations lost their non-military function by the same degree as the civil war lasted longer and came nearer to the capital of the Black Earth Region. All measures of the soviet were undertaken to support the army. At last, the town of Voronezh was declared a fortified territory (*ukrepyon*) under complete military command. The story of the civil war in the Voronezh gubernia is one of uncounted seizures and retreats (the town of Voronezh was only two times seized by the Whites, but some villages in the south more than twenty times). Although exact data do not exist, obviously most of the soldiers and almost all officers were not rooted in the Black Earth Region, but were brought from outside to the battlefield.

This does not hold for the peasants uprisings during and after the civil war, against Reds and as well as against Whites. In these cases local people with a certain local identity fought against strangers. But I am in doubt that this identity was shaped by the Black Earth Region as a whole.

The changes in the city's social structure are the third factor widening the local dimensions of the developments in Voronezh. The more the famine grew in the north of Russia, the more people fled to the South. The town of Voronezh was soon completely overcrowded, the situation was dramatic. The soviet decided to forbid any access to the town and installed guards not only on the roads to Voronezh and in the stations in the town, but also in the stations from which people could somehow reach the town. In these horrific times people divided Russia in two parts: the one part suffering from a lack and the other one having a surplus of grain. But the hunger reached Voronezh too and many people who had lived in Voronezh for long, fled in the villages or, if it was possible, to the South.

Another part of the old citizens left the town when the Whites finally withdrew in November 1919. The white general Shkuro describes an endless trek of citizens leaving the town with his army. A further step towards the destruction of the old city's social structure was the decision of the Bolsheviks, in November 1918, to exile all «bourgeois elements» from the town : clerks or teachers not working in soviet institutions, as well as workers without a document of their working place and merchants who had not already worked in town before March had to leave the city.<sup>275</sup>

All these developments could not supply a fertile soil for a local identity: the masses of strange workers, refugees, soldiers, commissars, and revolutionaries did edge out, although only partially, local people. Many of the traditional citizens were forced in very different manners to leave the town. But even more important here is that the strangers almost completely overtook the new «state» hierarchy. They simply could not identify themselves with a region they had been living in for only a very short time. And, not to forget, the Voronezh and Petrograd Bolsheviks, as can be read in their newspapers, cared in 1918 and 1919 more about the revolutionary events in Germany or Bulgaria than about any «Black-Earth-identity» which never was mentioned. The peasant uprising against strangers, the (as I suggest) hostile emotions against strangers flooding the towns and the consciousness of living in a fertile region with grain surplus (as time went on a more and more hypothetical one) supplied only a rather modest base for a complex regional identity.

Although it turned out to be difficult to find a deep regional identity connected with the Black Earth Region within the groups involved in the main events of 1917-1919, the absence of such an identity does not mean that any kind of a more superficial identification with the region lacked completely.

<sup>272</sup> Chernyshev M. Kak vo nashei, v družine...Voronezhskaia gorodskaia boevaia družina, ee rol' v Oktjabr'skom perevorote 1917 goda i posleduiushchee uchastie v zashchite zavoevannii sotsialisticheski revoliutsii. In: bereg (8, 22, 1997). P. 12.

<sup>273</sup> CDNIVO. F. 1.Op. 1. D. 75. L. 43.

<sup>274</sup> RGASPI. F.17. Op. 4. D. 209. L. 168.

<sup>275</sup> Izvestia voronezhskogo soveta 184 (10.09.1918).

Such a limited identity can also be found within the new local élite, representing the Voronezh gubernia in the new state (or party) hierarchy. As it was shown, the Voronezh Bolsheviks were not strong enough to control their own territory and had to rely on the support from the capital, but at least half of a year the central power was not strong enough either. When the capital gained power in the second half of 1918, their Voronezh comrades were not always pleased with the decisions from the centre.

To start with 1917, the Voronezh Bolsheviks were in contact with Petrograd only at the end of April. They were surprised by the Leninist April theses, but were convinced. During the following months contact was merely loose. In the October days, as already mentioned, the Voronezh revolutionaries waited in vain for a signal from Petrograd. The first conflicts after the Bolshevik seizure of power arose around the party workers, sent from the capital to strengthen the new administration. As one of them was sent by the Voronezh gubkom not in an soviet office but in factory hall to work among workers, the latent conflict exploded. Sharp letters were sent from both sides.

The Voronezh party committee was accused of not being able to deal with the problems (*ne na vysote zadach*), whereupon the committee answered, that the party workers sent by the centre were often completely ineffective (*nikuda ne godiatsia*).<sup>276</sup>

Although only fragments of the correspondence between Voronezh and Petrograd party organisations survived, there was obviously a certain distrust. Stalin wrote at the end of August 1918 to Lenin, that, «due to reliable information, the situation in Voronezh is dangerous if not hopeless in military and political (sic!) terms» and asked for the allowance to send four or five reliable Bolsheviks to Voronezh in order to take over the main administrative posts and «purge the town of counter-revolutionary elements»<sup>277</sup>. Although Stalin got the necessary document from Sverdlov (Lenin was not able to work just in these days, because of the assassination attempt), the measure was delayed for unknown reasons for more than a year.

But the conflicts continued. In February 1919 a Cheka revision accused the Voronezh organs of working too superficially and being to mild against hostages.<sup>278</sup> In May 1919 Kardashev, the chairman of the Voronezh party committee, demanded the death sentence for a person in an important position (as he supposed, not knowing who exactly gave the orders), who transferred furniture from Voronezh to Moscow in a moment, when soldiers and *prodotriadi* desperately waited for trains.<sup>279</sup>

In the end, in the mid October 1919, at a moment, when Voronezh was occupied by the Whites, the whole *gubernia* party committee was dismissed and replaced by a group headed by Kaganovich. Up to this moment none of the new administrators had had any substantial contact to the region, they mainly came from Nizhni Novgorod. The dismissed Voronezh committee, representing the whole local Bolshevik élite and consisting of men who had organized the October uprising in the town, was ordered to minor posts at different places. Some died in the civil war, some made a career in Moscow. Most of them were «purged» in 1937.

The new authorities, without roots in and considerable contact with the region, were closely connected with the central power. A tendency to be continued in the following years.

---

<sup>276</sup> RGASPI. F.17. Op. 65. D. 31. L. 206.

<sup>277</sup> Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska 1912 – 1927. Moscow, 1996. P. 46.

<sup>278</sup> CDNIVO. F. 1. Op. 1. D. 41. L. 59.

<sup>279</sup> RGASPI. F.17. Op. 65. D. 31. L. 89.

## НОМЕНКЛАТУРА В СССР: ИСКУШЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Постановка проблемы.

На наш взгляд, почти два десятка постсоветских лет вполне достаточное время, чтобы спокойно и вдумчиво оценить сущностные, формирующие облик страны параметры недавнего прошлого. Один из частных, но важных параметров – требования к управленцу со стороны государства и личные качества самого чиновника, морально-нравственные в том числе. Иными словами, небезынтересно посмотреть, что советское государство разрешало номенклатуре, как наказывало за непослушание (1) и сколь моральны были эти люди (2)?

Зарубежные исследователи писали о коррупции в СССР.<sup>280</sup> Писала об этом эмигрантская литература.<sup>281</sup> Проблема представлена и в работах современных российских авторов.<sup>282</sup> Исследователи отмечают, что «в условиях государственного социализма, прошедшего пик в своем историческом развитии, система личных отношений начала обволакивать все общество, компенсируя неэффективность и нерациональность властных институтов»<sup>283</sup>. Некоторые учёные говорят о групповых, клановых связях в советской номенклатуре, номенклатурном «обычном праве».<sup>284</sup>

Нам приходилось брать интервью у номенклатуры разного уровня – от заведующего отделом райкома до первого секретаря обкома КПСС. Многие рассказывали, насколько боялись наказания. Некоторые свидетельствовали, как на заседаниях секретариата или бюро обкома ломались человеческие судьбы и какими униженными, сгорбленными, опустошёнными казались наказанные. Задача представляемой статьи заключается в том, чтобы на вполне конкретных примерах и обобщениях показать, за что и в каком объёме наказывала партия-государство кадры номенклатуры.

Мы просмотрели личные дела руководящей номенклатуры обкома КПСС (всего – 384 человека), отложившиеся в фондах Центра документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО).<sup>285</sup> В каждом личном деле нас интересовала графа «Партвзыскания». Сделанные в результате рассмотрения «тамбовского случая» выводы вряд ли могут считаться универсальными, но всё же...

Общий контекст.

В 1978 г. был снят с работы многолетний (с 1966 г.) первый секретарь Тамбовского обкома КПСС В.И. Чёрный. До этого было знаменитое и определённо угрожающее в его отношении постановление ЦК КПСС «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации» от 12 февраля 1975 г. – предвестник кадровых перемен. Поэтому не будем лукавить: снятие прежде успешного руководителя области (по два ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской революции) совсем не связано с личным разложением. Официальный повод – упущения в сельском хозяйстве, где основной упор был сделан на создание крупных животноводческих комплексов, неофициальный – «нестыковки» с ЦК.<sup>286</sup>

Затем всё было относительно спокойно до 1985 г. Приход к руководству партии М.С. Горбачёва положил начало массовым кадровым перемещениям. На очевидное повышение был отправлен первый секретарь обкома КПСС А.А. Хомяков.<sup>287</sup> Его преемник – председатель облисполкома Е.М. Подольский. Требования замены кадров со стороны Горбачёва очевидным образом совпали с желанием нового первого секретаря обкома привести к руководству партийными органами на разных уровнях верных себе людей. На сравнительно коротком отрезке первых секретарей ГК и РК КПСС, например, меняли 43 раза.<sup>288</sup>

Массовые ротации расшатали прежде стабильную номенклатурную практику. Начались элитистские столкновения небывалого накала. Ситуация вылилась в череду скандалов, происходивших вокруг заметных партийных работников.

Параллельно демократическое движение, возникшее в Тамбове и аккумулировавшееся в пединституте, повело атаку на руководство обкома. В адрес генерального секретаря ЦК КПСС в конце мая 1988 г. было направлено письмо группы коммунистов пединститута с требованием оценки кадровых просчётов первого секретаря обкома. ЦК предложил незамедлительно провести пленум обкома. 1 июня 1988 г. пленум обсудил обращение, одобрил его (!) и объяснил упущения серьёзными недоработками бюро и секретариата обкома КПСС. Была создана комиссия для глубокой и гласной проверки всех обстоятельств, связанных с выдвижением впоследствии скомпрометировавших себя работников. На пленуме присутствовали

<sup>280</sup> Clark W.A. *Crime and Punishment in Soviet Officialdom: Combating Corruption in the Political Elite, 1965 – 1990*. Armonk, New York, London: M.E. Sharpe, 1993; Hammer D. *The USSR. The Politics of Oligarchy*. London, 1986; Vaksberg A. *La Mafia Russe*. Paris: Albin Michel, 1992; Kramer J. *Political Corruption in the USSR // Western Political Quarterly*. 1977. Vol. 30. P. 213 – 224; Lane D. *Soviet Elite, Monolithic or Polyarchic // Russia in Flux*. London, 1992. P. 2 – 59; Katsenelinboigre A. *Corruption in the USSR: Some Methodological Notes // Corruption: Causes, Consequences, and Control / Ed. by M. Clarke*. New York: St. Martin's Press, 1983. P. 220 – 239.

<sup>281</sup> Восленский М.Н. *Номенклатура: господствующий класс Советского Союза*. М.: Советская Россия, МП «Октябрь», 1991; Земцов И.Г. *Частная жизнь советской элиты = The private life of the Soviet elite*. London: Overseas publ. Interchange Ltd, 1986.

<sup>282</sup> Афанасьев М.Н. *Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властных групп в современной России*. М.: МОНФ, 2000; Гаман-Голутвина О.В. *Политические элиты России. Вехи исторической эволюции*. М.: Интеллект, 1998.

<sup>283</sup> Лапина Н.Ю. *Формирование современной российской элиты (проблемы переходного периода)*. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 14.

<sup>284</sup> Афанасьев М.Н. *Указ. соч.* С. 148 – 160; Левада Ю.А. *Возвращаясь к проблеме социальной элиты // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень*. М., 1998. № 1. С. 7 – 11.

<sup>285</sup> Нас интересовали люди, в разное время бывшие секретарями ГК или РК КПСС, председателями гор- и райисполкомов. Многие из них к 1991 г. достигли самого высокого в региональной иерархии уровня (вплоть до секретарей обкома). Некоторые из них возглавляли область до сих пор (губернатор, председатель, первый заместитель председателя областной Думы и т.д.).

<sup>286</sup> Летом 1978 г. умер член Политбюро ЦК КПСС (с 1971 г.), секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству (с 1965 г.) Ф.Д. Кулаков – покровитель В.И. Чёрного. На ближайший после его смерти пленум Тамбовского обкома приехал один из заместителей заведующего отделом ЦК по сельскому хозяйству и вёл себя в отношении первого секретаря обкома нарочито вызывающе. Всем стало ясно, что уход Чёрного предрешён.

<sup>287</sup> В 1985 – 1989 гг. – первый секретарь Саратовского обкома КПСС, в 1989 – 1991 гг. – заместитель председателя Совета Министров РСФСР – председатель Госплана РСФСР.

<sup>288</sup> Сельцер Д.Г. *Полигон назначений и выборов: политическая трансформация и субрегиональная элита Тамбовской области в позднесоветское и постсоветское время (1985 – 2001 гг.) // ACTA SLAVICA IAPONICA: Journal of Slavic Research Center, Hokkaido University*. 2003. Vol. 20. P. 193 – 229.

работники ЦК КПСС, взявшие сторону коммунистов-неформалов. Затем началось обсуждение в субрегионах.<sup>289</sup> Тема наказания виновных трансформировалась, таким образом, в публичную сферу.

Наказания в цифрах: общая картина.

### 1. Наказания: «тамбовский случай» (обобщение)

Членов когорты	Из них имеют наказания						Всего наказаний	Всего наказаний			
	1 <sup>290</sup>	2	3	4	5	6		Предупр., указано и на вид <sup>291</sup>	Выговор <sup>292</sup>	Исключ. из партии <sup>293</sup>	Снятие с работы <sup>294</sup>
Всего	384	56	12	4		1	98	11	71	4	12
%	100	73					100	11,2	72,5	4,1	12,2

Итак, представленные данные демонстрируют и общие объёмы наказаний, и их виды, и в известной степени распределение. Оказалось, что по партийной линии были наказаны 19 % членов когорты, 73 человека из 384, т.е. почти каждый пятый. В совокупности они получили 98 наказаний; в среднем по 1,3 на человека. Доминировали разного рода выговоры. Вместе с тем для нас было удивительно, что довольно высок удельный вес самых жёстких наказаний (исключение из партии, 4,1 %, и снятие с работы, 12,2 %). Таким образом, 16,3 % наказаний партработников – увольнение по решениям партийных органов! Ещё раз подчеркнём, что речь идёт о номенклатуре высокого регионального уровня, достигшей определённого статуса. Так кто же был наказан?

### 2. Распределение наказаний по кадрам номенклатуры КПСС

№	Должность	Всего наказаний	%
1	2 секретарь обкома КПСС	1	1,0
2	Руководители областного звена	3	3,1
3	1 секретарь ГК или РК КПСС	17	17,3
4	2 секретарь ГК или РК КПСС	10	10,2
5	Секретарь ГК или РК КПСС	8	8,2
6	Председатель гор- или райисполкома	31	31,6
7	Заместитель председателя гор- или райисполкома	9	9,2
8	Зав. отделами ГК и РК	1	1,0
9	Руководители районного звена	3	3,1
10	Директорат	15	15,3
Сумма		98	100

Приступая к работе, мы были уверены, что самыми «гонимыми» будут хозяйственные руководители (директорат). Действительность опровергла наши предположения. С большим отрывом «победили» председатели гор- и райисполкомов, следом идут, как это ни странно, первые секретари ГК и РК КПСС и только затем хозяйственники. Объяснения просты. КПСС исполняла функции руководящей и контролирующей инстанции над органами власти, но при этом методами жёсткого администрирования спрашивала и с советских, и с хозяйственных, и далеко не в последнюю очередь с партийных кадров.

Наказания в фактах: тенденции и конкретные случаи.

*Наследие прошлого.* До перестройки одной из распространённых причин наказаний наших героев были приписки в государственной отчётности. Любой руководитель отвечал за выполнение государственного плана. Нет плана – наказание, да и возможности карьерного роста оказывались под большим вопросом. Приписки, казалось, решали многое. Кроме того, они повышали общие статистические показатели по району и области, а потому в некоторой степени были выгодны всем. При обнаружении явных приписок следовал выговор. Директор совхоза «Бондарский»<sup>295</sup> 4 сентября 1980 г. получил строгий

<sup>289</sup> Сельская новь. Знаменка, 1988. 28 мая, 2, 7, 21 июня.

<sup>290</sup> Графы 1, 2, 3, 4, 5, 6 означают число людей, имеющих указанное количество наказаний в каждой из колонок.

<sup>291</sup> «Предупреждение», «указано» и «постановка на вид».

<sup>292</sup> Объединены все виды выговоров (выговор, строгий выговор, строгий выговор с предупреждением и с занесением в учётную карточку), вынесенные партийными комитетами разных уровней.

<sup>293</sup> Исключение из партии всякий раз означало и снятие с работы. Мы же учитывали эти случаи только в одной графе – «Исключение из партии».

<sup>294</sup> Учитывались и те случаи, когда, на наш взгляд (в данном формате – экспертное мнение), снятие с работы не объявлялось как официальное наказание, но стало следствием нарушения партийной дисциплины.

<sup>295</sup> Здесь и далее, соблюдая тайну личной жизни, мы не указываем фамилий.

выговор с занесением в учётную карточку бюро Бондарского РК КПСС за приписки в госотчётности по продаже молока государству за первое полугодие 1980 г.<sup>296</sup>

Приведём чаще всего встречающиеся формулировки наказаний 1970 – начала 1980 гг.: «За серьёзные недостатки в организации уборочных работ, хлебозаготовок и доставки кормов», «За срыв плана посадки картофеля в хозяйствах района», «За нарушение правил техники безопасности», «За бесконтрольность за расходом кормов». Причём так наказывались и хозяйственные, и советские, и партийные работники.

Показательна биография многолетнего (1971 – 1990 гг. – областной рекорд) председателя Уваровского райисполкома. 29 ноября 1971 г. он получил строгий выговор бюро обкома КПСС «За терпимое отношение к недостаткам при подготовке к зимовке скота», 25 сентября 1972 г. – выговор с предупреждением бюро обкома КПСС «За неудовлетворительное руководство работой по подготовке к зимовке скота и заготовке кормов в районе», а 23 июня 1976 г. – выговор бюро обкома КПСС «За невыполнение планов посадки картофеля и овощей»<sup>297</sup>.

Для председателей райисполкомов «коллекционирование» выговоров было нормально. С ними часто поступали по принципу «мы тебя наказываем, ты не обращай на это внимания». Логика проста. Чтобы сделать, надо рисковать и, соответственно, нарушать. Все успешные руководители советской поры в той или иной степени рисковали. Риск давал им возможности отличиться и иметь перспективы. Выговоры соседствовали с поощрениями и продвижением по службе. Председатель Моршанского райисполкома 28 июня 1971 г. получил строгий выговор с занесением в учётную карточку бюро обкома КПСС «За неудовлетворительное выполнение мероприятий по водоснабжению населения и прекращению потребления воды из открытых водоёмов». При этом в графе «Правительственные награды» находим: 1971 г. (год выговора) и 1973 г. – ордена Трудового Красного Знамени.<sup>298</sup>

Выговор – это что-то вроде важной части «джентльменского набора» руководителя, часто – показатель его деловой активности. Короткое правление Ю.В. Андропова только продолжило эту линию, и, конечно, она не была поколеблена М.С. Горбачёвым. Наказания с формулировкой «за недисциплинированность...» оставались в каком-то смысле фронтёрством, поводом для бравады и обычной практикой.<sup>299</sup>

*Удар по «ветеранам».* Инновации на местном уровне находились в плоскости межэлитных отношений. Подольский Е.М. нанёс сильный удар по мешающим ему «ветеранам» от номенклатуры. Первый секретарь Первомайского РК КПСС в 1974 – 1987 гг. (1971 г. – орден «Знак Почёта», 1973 г. – орден Трудового Красного Знамени, 1970 г. – медаль «За доблестный труд. В ознаменование...», 1973 г. – медаль «За отвагу на пожаре», позже – почётный гражданин Первомайского района)

21 января 1987 г. был освобождён от должности. Формулировка – «За попустительство должностным лицам, злоупотребляющим служебным положением, попытку вмешательства отдельных работников райкома партии в ход расследования уголовного дела, необъективность в оценке кадров, непринятие мер по перестройке работы с ними в свете современных требований партии»<sup>300</sup>. Для одного человека – невероятное смешение разнообразных прегрешений.

Первый секретарь Кирсановского ГК КПСС с 1965 г., 1928 года рождения (1966 г. – орден «Знак Почёта»; 1971 г. – орден Трудового Красного Знамени; 1973 г. – орден Октябрьской революции), 29 апреля 1986 г. получил выговор бюро обкома КПСС «За недооценку необходимости коренной перестройки стиля и методов работы в соответствии с требованиями XXVII съезда КПСС» и в том же году ушёл на пенсию.<sup>301</sup>

И это далеко не все примеры.

*Антиалкогольная кампания.* Новые возможности по избавлению от «мешающих» руководителей возникли в связи с антиалкогольной кампанией. У неё чаще были случайные жертвы. Секретарь Первомайского РК КПСС в 1986 г. провела свадьбу сына с употреблением алкоголя и была немедленно уволена. До секретарства она была председателем районного суда. После увольнения стала председателем поселкового Совета, а затем поднялась лишь до уровня заместителя заведующего отделом райкома.<sup>302</sup>

Вместе с тем кампания позволила свалить и тех, «кого следовало». В нужных случаях использовались сотрудники ГАИ. Именно так «за недостойное поведение» 11 февраля 1987 г. был освобождён от должности первый секретарь Моршанского РК КПСС.<sup>303</sup>

Автомобильная тема была в эпицентре партийных разбирательств. В 1985 г. первый секретарь Моршанского ГК КПСС, находясь за рулём служебного автомобиля, попал в автомобильную катастрофу. 18 июня 1985 г. он получил выговор бюро обкома КПСС «За проявленную недисциплинированность, выразившуюся в нарушении требований о недопустимости использования секретарями ГК и РК КПСС служебных автомобилей в отсутствие водителей»<sup>304</sup>.

Таким образом, в одном городе в сопоставимые сроки произошли два относительно схожих случая. Разница в том, что в первом не было ДТП, но было употребление алкоголя. Секретаря РК, по его словам, «пасли» с санкции самого высокого областного руководителя, поэтому наказание было серьёзным и стремительным. Во втором было ДТП, но без употребления алкоголя и, самое главное, без «заказа сверху». Соответственно наказание оказалось мягким, и вскоре первый секретарь ГК станет заведующим социально-экономическим отделом обкома КПСС.

Первый секретарь Мордовского РК КПСС 22 сентября 1989 г. получил строгий выговор с занесением в учётную карточку бюро Мордовского РК КПСС «За нарушение партийной дисциплины... совершение ДТП и проявленное при этом малодушие». Его послужной (первый секретарь РК с 1973 г.) и наградной (1973 г. – орден «Знак Почёта», 1973 г. – орден Трудового Красного Знамени, 1976 г. – орден Трудового Красного Знамени) списки впечатляли. Вместе с тем он был незамедлительно снят с работы. В районе муссировалось событие, когда на сельской дороге при отсутствии автомобильного движения первый секретарь сбил велосипедистов, пытался уехать, но был ими задержан и побит.<sup>305</sup>

<sup>296</sup> ЦДНИТО. Ф. 577. Оп. 38. Д. 15.

<sup>297</sup> ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 50. Д. 1010.

<sup>298</sup> Там же. Оп. 41. Д. 10.

<sup>299</sup> Там же. Оп. 51. Д. 334.

<sup>300</sup> ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 45. Д. 24.

<sup>301</sup> Там же. Оп. 43. Д. 41.

<sup>302</sup> Там же. Ф. 226. Оп. 31. Д. 129.

<sup>303</sup> Там же. Ф. 1045. Оп. 45. Д. 56.

<sup>304</sup> Там же. Оп. 50. Д. 1068.

<sup>305</sup> По слухам и по существу // Новая жизнь. Мордово, 1989. 26 сентября; ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 50. Д. 112. Л. 38, 39.

На фоне употребления алкоголя произошли и самые громкие скандалы. 44-летний второй секретарь обкома КПСС, депутат ВС РСФСР, один из самых подготовленных (выпускник Тимирязевской сельскохозяйственной академии и Московской ВПШ) и перспективных (кандидат в первые секретари обкома КПСС) партработников, 6 декабря 1986 г. постановлением бюро обкома КПСС был исключён из партии и снят с работы. Скандал с его участием произошёл в Москве в гостинице «Россия» во время работы сессии ВС РСФСР.<sup>306</sup>

Быстро растущий в карьере 40-летний первый секретарь Знаменского РК КПСС 23 мая 1988 г. на заседании бюро РК КПСС был исключён из КПСС с формулировкой «за недостойное поведение, выразившееся в организации коллективной пьянки, проявлении хулиганских действий и в компрометации себя». Любопытно, что первым секретарём он пробывал с 1 апреля по 24 мая 1988 г. – менее двух месяцев.<sup>307</sup> Его падение – плод спланированной провокации ближайшего окружения. Дело в том, что он, прежде – председатель Инжавинского райисполкома, был назначен первым секретарём РК КПСС решением Е.М. Подольского. Местные же партработники хотели видеть на этом посту «своего». Имея в виду особые черты характера и «привязанности» нового руководителя, дискредитировать его было не столь и сложно.

Злоупотребление алкоголем, впрочем, было столь частым явлением, что дело приобретало необратимый для «употребившего» характер, если это было кому-нибудь очень нужно или когда сами события перерастали во что-то более серьёзное. Директор совхоза «Александровский» 24 июня 1989 г. получил всего лишь выговор бюро Знаменского РК КПСС за прогулы в течение пяти (!) дней<sup>308</sup>, связанные, как нам рассказывали, с традиционной русской «болезнью». Это не прервёт ни его хозяйственную карьеру в советское время, ни административно-политическую – в постсоветское.

Еще более показателен случай с заведующим Токаревским РОНО. 2 апреля 1987 г. он был уволен за управление автомобилем в нетрезвом состоянии. Но реалии позднесоветской России таковы, что в 1990 г. он уже секретарь РК КПСС, а 20 августа 1991 г., всего несколько дней, – первый секретарь.<sup>309</sup> При образовывающихся небывалых прежде вакансиях в иерархиях и стремительном элитозамещении прежние наказания и «прегрешения» не имели значения, тем более, наказания на почве в тот момент давно захлебнувшейся антиалкогольной кампании.

Советское государство в кадровой политике всегда балансировало по линии «человечность – мягкотелость versus администрирование – грубость». Наказывалось и то и другое, как нам показалось, в зависимости от конъюнктуры.

Заведующий общим отделом Мучкапского РК КПСС 17 августа 1984 г. получил выговор бюро райкома за невнимательное отношение к просьбе члена КПСС и проявленную при этом грубость.<sup>310</sup> Второй секретарь Кирсановского ГК КПСС 23 октября 1974 г. получил выговор бюро обкома КПСС «за безответственность, проявленную при рассмотрении жалобы колхозников колхоза «Страна Советов». Это не помешало ему в 1979 – 1990 гг. оказаться в кресле первого секретаря Гавриловского

РК КПСС.<sup>311</sup> Или другая «трогательная» история. Первому секретарю Жердевского РК КПСС 21 января 1986 г. был объявлен выговор бюро обкома КПСС «За поверхностное рассмотрение жалоб товарища... что привело к необоснованному освобождению его от должности зоотехника-реализатора...»<sup>312</sup>. Это не воспрепятствовало наказанному доработать до 1991 г., в 1990 г. стать председателем районного Совета и в 1991 г. – главой администрации.

Одновременно каралась и низкая требовательность. Директор завода 9 сентября 1977 г. получил выговор бюро Мичуринского ГК КПСС «За низкую требовательность к хозяйственным руководителям...», а 28 марта 1986 г., будучи уже заместителем председателя горисполкома, – выговор бюро Мичуринского ГК КПСС «За недостаточную требовательность к руководящим кадрам, слабый контроль за работой торгующих организаций и взятие на себя несвойственных функций»<sup>313</sup>. Председателю Моршанского райисполкома 10 июня 1986 г. поставлено на вид бюро обкома КПСС «За слабый контроль и низкую требовательность к сельскохозяйственным органам, руководителям хозяйств...»<sup>314</sup>.

Администрирование всё же считалось предпочтительнее мягкотелости и даже превратилось в предмет заслуги и гордости: груб – значит силен, умеет потребовать, спросить. Однако ни мягкотелость, ни грубость не наказывались последовательно и серьёзно. Это были совсем не главные прегрешения и в каком-то смысле уравнивали друг друга. Наказания за это были, пожалуй, скорее формальны.

*Наказание ценного работника, его реанимация, чаще – в постсоветское время.* Первый секретарь Уваровского РК КПСС, 1924 года рождения, фронтовик, 25 июня 1973 г. был снят с работы. Он распорядился оставить удобрения, производимые в Уварове, в хозяйствах района за счёт лимита других областей. Очевидцы событий вспоминают его поступок как в какой-то степени жертвенный, сделанный для общего блага. На год он был переведён председателем профсоюзного комитета завода. В 1974 г. он был частично реабилитирован – назначен председателем Уваровского райисполкома, где проработал 13 лет.<sup>315</sup>

Директор градообразующего Уваровского химического завода 18 июля 1985 г. был снят с работы и почти на три года уехал за пределы города и области, чтобы вернуться и вновь надолго возглавить тот же завод. В 2000 г. его избирают мэром города.<sup>316</sup> Это пример смешанной, советско-постсоветской, реабилитации.

Значительно чаще реабилитация происходила в постсоветское время. Новой власти были нужны люди, имеющие опыт конструктивной работы, но пострадавшие от советской власти, выпавшие из номенклатуры.

Председатель Пичаевского райисполкома 10 апреля 1986 г. был снят с работы.<sup>317</sup> Затем он – глава администрации Мордовского района. Председатель Ржаксинского райисполкома 26 июня 1986 г. был снят с работы.<sup>318</sup> В 1991 г. назначен

<sup>306</sup> Там же. Оп. 45. Д. 50.

<sup>307</sup> Там же. Ф. 965. Оп. 31. Д. 200; Ф. 1045. Оп. 50. Д. 46. Л. 26 об.; Ф. 1045. Оп. 46. Д. 104.

<sup>308</sup> Там же. Ф. 1013. Оп. 37. Д. 219.

<sup>309</sup> Там же. Ф. 1045. Оп. 50. Д. 972.

<sup>310</sup> ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 50. Д. 977.

<sup>311</sup> Там же. Д. 621.

<sup>312</sup> Там же. Д. 274.

<sup>313</sup> Там же. Ф. 513. Оп. 39. Д. 417.

<sup>314</sup> Там же. Ф. 1045. Оп. 51. Д. 407.

<sup>315</sup> ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 45. Д. 58.

<sup>316</sup> Там же. Ф. 319. Оп. 34. Д. 13; Ф. 1045. Оп. 50. Д. 380.

<sup>317</sup> Там же. Д. 511.

<sup>318</sup> Там же. Д. 245.

главой администрации Ржаксинского района. 25 марта 1987 г. был освобождён от должности председателя колхоза «Большевик» Сосновского района и исключён из членов КПСС «как скомпрометировавший себя»<sup>319</sup>. В 1994 – 1996 гг. он – глава администрации Сосновского района.

*Корыстные злоупотребления.* Личные злоупотребления партийной номенклатуры были одной из тихо обсуждаемых провинциальным советским обществом тем, объектом ненависти и зависти одновременно.

За нарушение порядка приобретения легковых автомобилей, нескромность и беспринципность получили выговоры второй секретарь Мордовского РК КПСС<sup>320</sup>, директор завода из Кирсанова<sup>321</sup>, председатели Рассказовского<sup>322</sup> и Петровского<sup>323</sup> райисполкомов, первый заместитель председателя Никифоровского райисполкома<sup>324</sup>.

За использование служебного положения при строительстве «пострадали» второй секретарь Токарёвского ГК КПСС<sup>325</sup>, председатель Староюрьевского райисполкома<sup>326</sup>, первый заместитель председателя Первомайского райисполкома<sup>327</sup>.

По нашим ощущениям, все эти «мелочи» вовсе не препятствовали карьерному росту. В мае 1986 г. назначенный на должность секретаря Первомайского РК КПСС 25 июня 1986 г. получил строгий выговор бюро РК «За использование служебного положения, выразившееся в незаконном отвлечении средств колхоза «Большевик» для строительства жилого дома в посёлке городского типа Первомайский для своей семьи и допущенные отступления от проекта...». Но в 1988 г. он уже председатель райисполкома.<sup>328</sup> Первый секретарь Тамбовского РК КПСС 20 января 1987 г. получил строгий выговор бюро обкома КПСС за нарушения при строительстве садового домика; и без последствий.<sup>329</sup>

И только заслуженный (два ордена Трудового Красного Знамени) первый секретарь Рассказовского ГК КПСС, получив 3 июня 1986 г. строгий выговор бюро обкома КПСС «За злоупотребление служебным положением при получении квартиры и строительстве садового домика», был вынужден уйти.<sup>330</sup>

Анекдотичная история произошла 11 июля 1982 г. с Р. Он получил строгий выговор бюро Жердевского РК КПСС с занесением в учётную карточку за продажу личного автомобиля по завышенной цене. Анекдотичность ситуации в том, что наш герой был председателем районного комитета народного контроля!<sup>331</sup>

«Мичуринское дело» – это пример того, что происходило, когда возникал скандал с подключением союзной прессы.<sup>332</sup> В 1986 г. были наказаны все партийно-советские руководители Мичуринска. Продукция Мичуринского автоагрегатного завода, производившего поршневые кольца для автомобилей, пользовалась особым спросом. На заводе вскрылись массовые хищения. 11 октября 1986 г. была снята с работы секретарь ГК КПСС по идеологии<sup>333</sup>, 27 декабря 1986 г. – первый и второй секретари<sup>334</sup>. Секретарю ГК по промышленности 7 января 1987 г. было поставлено на вид «За проявленную медлительность по выполнению мероприятий по сохранности социалистической собственности на заводе в бытность секретарем парткома»<sup>335</sup>.

За слабый контроль правоохранительных органов 27 января 1986 г. был освобождён от должности и «чемпион области» по выговорам (6 наказаний), ещё один участник «мичуринского дела», председатель горисполкома. По логике, его должны были уволить ещё в 1982 г., когда он был заместителем председателя горисполкома и получил выговор за использование служебного положения при строительстве садового домика.<sup>336</sup> Но, напротив, через год он стал председателем. Все остальные его наказания – это отражение сложных городских проблем, вылившихся в наказания одного человека.

Современные оценки.

В советское время действовала логика номенклатурного обычного права. Каждый региональный руководитель, отвечая за свой сектор, имел ограниченные возможности использования вверенного ему ресурса. Было вполне возможно обмениваться ресурсами, но в границах личного потребления, не более.

Выход за рамки приличия (границы личного потребления) означал неминуемое наказание. Оно могло быть разным: жёстким и беспощадным, чаще – снисходительным и щадящим, но всякий раз напоминало номенклатурному работнику о его зависимом положении.

Работников часто наказывали не столько за личные прегрешения, сколько за упущения отрасли, направления, им возглавляемого (советский или хозяйственный работник) или курируемого (партийный работник). Помимо всего, действовало простое правило: не накажешь подчинённого ты, тебя накажет твой начальник.

Номенклатурная система была сетевым организмом. Землячества были реально конкурентными и живыми ячейками системы. Вспомним днепропетровцев (сослуживцев Л.И. Брежнева), уральцев (знаменитые «Борис, ты не прав» Е.К. Лигачёва Б.Н. Ельцину; до поры оба – из одной сети), в «тамбовском случае» – жердевцев (выходцев из Жердевского района). Сеть могла действовать в своих интересах, изо всех сил тянуть вверх «своих», но решать при этом лишь локальные задачи. Постоянные кадровые перестановки, известная коллегиальность не позволяли номенклатуре укорениться и доминировать. Сеть, одним словом, не могла приватизировать государство и выступать от его имени.

Клановая машина, укоренившаяся в современной России, делает это с огромной выгодой для себя. Кланов значительно более серьёзные образования. Это конструкция из власти, бизнеса, правоохранительной системы; машина по обретению и

<sup>319</sup> Там же. Оп. 51. Д. 1017.

<sup>320</sup> Там же. Оп. 50. Д. 479.

<sup>321</sup> Там же. Оп. 51. Д. 1312.

<sup>322</sup> Там же. Д. 1185.

<sup>323</sup> Там же. Оп. 50. Д. 509.

<sup>324</sup> Там же. Оп. 51. Д. 358.

<sup>325</sup> Там же. Ф. 226. Оп. 11. Д. 174; Ф. 735. Оп. 41. Д. 90; Ф. 1045. Оп. 46. Д. 10.

<sup>326</sup> Там же. Ф. 361. Оп. 34. Д. 90; Ф. 189. Оп. 32. Д. 231.

<sup>327</sup> Там же. Ф. 226. Оп. 36. Д. 81.

<sup>328</sup> ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 51. Д. 1391.

<sup>329</sup> Там же. Оп. 50. Д. 894.

<sup>330</sup> Там же. Оп. 43. Д. 8.

<sup>331</sup> Там же. Оп. 50. Д. 886.

<sup>332</sup> За неправдой как за щитом // Советская Россия. 1986. 19 июля; Роковые кольца // Социалистическая индустрия. 1986. 13, 14 декабря.

<sup>333</sup> ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 43. Д. 28.

<sup>334</sup> Там же. Оп. 45. Д. 9; Ф. 513. Оп. 33. Д. 295.

<sup>335</sup> Там же. Ф. 513. Оп. 40. Д. 236.

<sup>336</sup> Там же. Д. 254; Ф. 1045. Оп. 45. Д. 51.

сохранению ресурсов. Клань совсем не номенклатурные сети. Конкуренция сетей в неконкурентной политической среде с государственной экономикой не шла ни в какое сравнение с конкуренцией кланов в условиях реально конкурентной политики и мощным частным бизнесом.

В отличие от номенклатурного работника современный чиновник либо сам бизнесмен, либо поставлен кланом на должность, либо куплен им, либо просто в силу своего положения может конвертировать власть в собственность или хотя бы в деньги или услуги. Потеря места при этом – неприятность, но не катастрофа.

Прегрешения номенклатурных работников в советское время – это совсем не детские игры. Для своего времени они были достаточно серьезны. Во-первых, потому, что были вызовом обществу. Возможно, не таким дерзким, как сейчас, но всё же. Во-вторых, автору кажется, что нежизнеспособность системы была обусловлена ещё и отсутствием мотивации чиновника, имевшего локальную власть без шансов конвертировать её во что-то материальное. Пресс наказания, угроза потери номенклатурной работы и в более широком смысле номенклатурная система были гарантией от разложения номенклатурного работника и самой системы.



## ДОБРОВОЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ТИПА ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИУМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Современные теоретики гражданского общества американский политолог Дж. Коэн и социолог Э. Арато противопоставляют гражданское общество политическому сообществу, т.е. партиям и парламенту, а также экономическому сообществу, т.е. организациям производства и сбыта. В соответствии с этой классификацией социальную ткань гражданского общества, его несущей конструкцией выступают добровольные ассоциации неполитического плана.<sup>337</sup> Именно они являются объектом настоящего исследования.

Задача данной статьи состоит в изучении опыта самоорганизации российского общества, сложившегося в последние два десятилетия существования монархии. Автором описаны основные формы и типы действующих в то время общественных институций, показана их роль в создании общественности. Исследованы политическая и правовая культура российского общества, их влияние на развитие культуры общественной самоорганизации.

В предреволюционное время в России сформировалась широкая разветвлённая сеть обществ и союзов, активно действовавших в таких областях, как наука и техника, литература и искусство, просвещение и здравоохранение, промышленность и торговля, благотворительность и самопомощь.<sup>338</sup> Если в первые шестьдесят лет XIX в. в Российской империи существовало всего около ста обществ, причём половина приходилась на Прибалтику и западные губернии, а другая половина по преимуществу на столичные города<sup>339</sup>, то к началу XX в. количество легальных обществ выросло буквально в десятки раз. Так, за период с 1906 по 1909 г. по подсчётам дореволюционного исследователя Н.П. Ануфриева было образовано 4.800 обществ.<sup>340</sup> В 1912 г. в одной только Москве насчитывалось более шестисот ассоциаций, около пятисот обществ действовало накануне Октябрьской революции 1917 г. в С.-Петербурге<sup>341</sup>.

Настоящий «бум» организованной общественной самодеятельности наблюдался в рассматриваемое время в провинциальных городах. Однако провинцию, не так оперативно откликавшуюся на насущные запросы жизни, не отличало разнообразие видов общественных объединений, которое наблюдалось в столицах. Ввиду немногочисленности социально активного слоя членский состав провинциальных обществ был в большинстве своём немногочислен. Общества с тысячей и более членов являлись здесь редкостью, солидными считались организации, насчитывавшие пару сотен человек, преобладали общества, объединявшие несколько десятков членов. В то же время в условиях провинциальной России культурно-просветительская миссия добровольных организаций по развитию образования, научных знаний, эстетической культуры приобретала особую значимость.<sup>342</sup>

Добровольные общества играли основополагающую роль в формировании общественности<sup>343</sup> и в социализации населения страны<sup>344</sup>. В свою очередь и общественность, в особенности посредством создаваемых ею институтов – салонов,

<sup>337</sup> Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 7–8.

<sup>338</sup> О системе общественных организаций предреволюционной России, экономических, культурных, правовых и иных условиях их формирования см.: Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; Розенталь И.С. «И вот общественное мнение». Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XIX вв. М., 2007; Миронов Б.Н. Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX вв. // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 110 – 126; Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // American Historical Review. 2002. October. No. 4. Vol. 107.

<sup>339</sup> Степанский А.Д. Институциональная структура русского либерализма (XVIII – начало XX в.) // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 173, 177.

<sup>340</sup> Ануфриев Н.П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права М., 1917. Кн. 1. С. 39. Для сравнения: в Мюнхене существовали в середине XIX в. 150, к началу XX в. 3000 объединений, в Австрии в 1856 г. 2234, в 1910 г. 85 000 объединений (Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860 – 1914 гг.) // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский и др. Ульяновск, 2000. С. 481).

<sup>341</sup> Bradley J. Voluntary associations, civic culture and obchestvennost' in Moscow // Clowes E. W. et al. (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, 1991. P. 136–137; Он же. Добровольные общества Ленинграда 1920-х годов // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 179.

<sup>342</sup> Об общественных организациях провинциальных городов см.: Соболева О.Ю. Региональные легальные общественные организации на рубеже XIX – XX вв. (1890 – 1914) (на материалах Костромской и Ярославской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1993; Хаченьян А.Л. Общественные организации Нижнего Поволжья на рубеже XIX – XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999; Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX – XX веков. Тамбов, 1999 и др.

<sup>343</sup> Термин «общественность» широко используется в современных обществоведческих исследованиях. Он восходит к идейному репертуару либералов рубежа XIX – XX вв. (см., например: Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Париж, 1928). В России начала XX в. понятие «общественность» обозначало «образованное общество», а зачастую и общественную сферу в целом. Оно включало в себя «чувство общественного долга и гражданского духа, особенно в городском контексте, и группы, обладающие этими ценностями»; «деятельность на благо общества в большей степени, чем деятельность для достижения личных целей» (Bradley J. Voluntary associations, civic culture and obchestvennost' in Moscow ... P. 131). Это понятие стало общеупотребительным в конце 80-х – 90-х гг. XX столетия в связи с изменением проблематики исследований, когда от изучения политики конституированного буржуазно-дворянского общества истории переклонились на новую, ранее отодвинутую на задний план тему – неполитически ориентированные формы активности российского общества. По мнению известного немецкого учёного М. Хильдермайера, «общественность» обозначает «самостоятельно развивающуюся, публичную, не требующую самоотверженности (очевидно, радикальной политической активности – А.Т.), но и не эгоистическую деятельность в самых различных объединениях, без которой невозможно гражданское общество» (Хильдермайер М. Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 218). Авторам вышедшего в 1991 г. сборника (Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L. (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, 1991), давшего импульс к употреблению этого понятия, термин «общественность» представляется идеологически нейтральной категорией, полужэквивалентом понятий среднее сословие и буржуазия, употребляется для определения готовности действовать ради всеобщего блага и прогресса, а не для осуществления задач какого-либо определённого класса. Об определении термина «общественность» см. также: Хэфнер Л. Civil Society, Burgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднимперской России // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 186–187.

кружков, клубов, добровольных организаций, преследующих образовательные, научные, медицинские, филантропические и иные полезные цели, – оказывала влияние на развитие городов, формирование их социально-культурной среды. Освещение вышеозначенных проблем и взаимовлияний составляет цель нашего доклада. Его хронологические рамки ограничены периодом рубежа XIX – XX вв., явившимся временем интенсивного развития как общественных институтов, так и российских городов, одинаково энергично участвовавших в процессах модернизации российской действительности, являвшихся важнейшим фактором и идеологом этой модернизации.

Появление и укоренение в культурной среде русского города добровольных ассоциаций символизировало зарождение нового типа организации социума, ориентированного на равенство возможностей, самофинансирование, выборность, принятие совместных решений в ходе демократического их обсуждения, ротацию должностей, подконтрольность вышестоящим и т.д. Являясь, по выражению А. де Токвиля, первоосновой роста самоуправления, демократии, достижения прогресса во всех сторонах общественной жизни<sup>345</sup>, добровольные ассоциации служили антитезой старому патриархальному укладу с характерными для него иерархическими корпоративными институтами, основанными на принципе принудительного участия. Общественные организации играли определяющую роль в том, что Ю. Хабермас назвал новой публичной сферой, в рамках которой частные лица собирались вместе, чтобы публично обмениваться мнениями. В предреволюционной России они были островами формирующейся гражданской культуры и гражданского общества.

Будучи важным институтом культуры и действуя в конкретном географическом и временном социокультурном пространстве, общественные организации испытывали на себе его воздействие. Состояние социально-культурной среды, составными частями которой являются система образования и культурно-просветительных учреждений, периодическая печать, книжное и издательское дело, средства связи (почта, телеграф, телефон, железнодорожное сообщение), городское хозяйство и благоустройство и др., являлось важной предпосылкой развития в дореволюционной России частной инициативы, во многом определяло характер и направленность этого процесса.

Специфическими чертами культурной среды России начала XX в. явились многообразие форм и заметное ускорение темпов развития общественно-культурной жизни. Явления, наблюдавшиеся ранее на протяжении жизни не одного поколения, происходили теперь практически молниеносно. По мере того как новые формы и виды культуры входили в жизнь российских городов, силами общественности создавались объединения, способствовавшие их укоренению в социально-культурном пространстве, превращению в его значимый неотъемлемый элемент. Они брали на себя задачи, до сих пор находившиеся в ведении государства и органов самоуправления, и сигнализировали своим появлением, что предпринимаемые усилия официальных структур в этих областях оказывалось недостаточно.

Одну из важных сторон городского быта составляла инфраструктура, включавшая различные сферы общественного хозяйства и связанное с этим благоустройство: мощение улиц и площадей, водоснабжение и санитарное состояние города, уличное освещение, транспорт, водопровод. С ростом размеров городов и увеличением числа их жителей<sup>346</sup> благоустройство становится для них всё более острой проблемой. В этой сфере, однако, достигались существенные улучшения. Развивалась инфраструктура городов, менялся их внешний облик, они становились всё более похожими на европейские. Строились многоэтажные доходные дома, проводились водопровод и электрическое освещение, возникали новые виды городского транспорта – конка и электрический трамвай.

Недостаточное развитие вышеотмеченных элементов городского быта, прежде всего плохое санитарное состояние городов, вызвало к жизни общества благоустройства. Активно создававшиеся в начале XX в. в различных городах России, они ставили целью объединить горожан на «известной муниципальной программе», в которой на первый план выдвигались задачи «улучшения внешнего благоустройства», «постройки гигиенических квартир», «лучшей организации народного здоровья и народного образования».<sup>347</sup> На собранные ими средства устраивались дороги и скверы, проводились дренажные работы и др. Привлекая к своей работе гласных городских дум, общества выражали готовность содействовать укреплению городского общественного управления.

Широкой известностью в последнее предреволюционное десятилетие пользовались общества благоустройства прилегающих к городам пригородных посёлков и дачных местностей. Подобные организации были наиболее распространены в столичных городах – Москве, С.-Петербурге и др. Дороговизна жилья и проживания в них, а также недостаточная обустроенность столиц в санитарном отношении (нехватка зелёных зон, мест для купания, запылённость атмосферы и т.п.) побуждала часть населения к вынужденному бегству в пригородные посёлки. Активно возникавшие в пригородах Москвы общества занимались оздоровлением огибающих город кольцом дачных посёлков: удовлетворяли потребности населения в организации в них врачебной и санитарной помощи, устройстве пожарной службы, сторожевой охраны и школьного дела.<sup>348</sup>

<sup>344</sup> Термином «социализация» пользуются для описания жизни людей в коллективе, включая такие формы проявления общественного начала, как встречи в семейной обстановке в тавернах, трактирах и кабаках или на праздниках, годовщины, участие в муниципальном управлении или кодифицированных посредством уставов добровольных организациях (Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860 – 1914 г.)... С. 475).

<sup>345</sup> Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 381.

<sup>346</sup> До конца XIX в. города России росли более или менее ровным поступательным шагом, тогда как за первые полтора десятилетия XX в. доля городского населения ко всему населению страны возросла с 13,4 % в 1897 г. до 21 % в 1916 г., т.е. в городах накануне Октября 1917 г. проживал каждый пятый житель Российской империи (Кошман Л.В. Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. С. 19). См. также последнюю монографию указанного автора: Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008. Увеличению степени концентрации населения в городах немало способствовал также рост численности крупных городов с населением свыше 100 тыс. жителей, в которых к 1914 г. проживало более 40 % всего городского населения страны. В начале XX в. появились первые русские города-мегаполисы с населением более миллиона человек – С.-Петербург и Москва.

<sup>347</sup> Выдержка из устава Общества благоустройства города Москвы // Голос Москвы. 1907. 1 мая.

<sup>348</sup> За 10 месяцев, с 10 апреля 1906 г. по 12 января 1907 г., на территории Московской губернии было образовано восемь обществ благоустройства дачных местностей и посёлков (Центральный исторический архив г. Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 64. Оп.1. Д. 557). По данным члена Государственной Думы М.В. Челнокова, к 1914 г. насчитывалось 136 подмосковных посёлков, в которых проживало 267 тыс. человек (Московские ведомости. 1911. 24 марта).

Общества благоустройства всячески декларировали свою хозяйственно-культурную направленность. Попытки этих полезных с точки зрения задач муниципального хозяйства организаций вмешиваться в политику властями не прощались и жестоко пресекались. Примером тому может служить история действовавших в 1907 – 1910 гг. обществ обывателей и избирателей, которые наряду с традиционными задачами благоустройства городов дерзнули покуситься на «святая святых» городского самоуправления – выборы гласных в городские думы. Первое общество обывателей и избирателей, ориентированное на одну лишь Нарвскую полицейско-административную часть Петербурга, было основано в конце 1906 г. К декабрю 1908 г. подобные организации горожан возникли во всех частях Петербурга, затем такие общества появились в Смоленске, Туле, Омске, Иркутске, Красноярске, Саратове, Одессе, Рязани. К концу 1909 г. общества почти целиком переключились на подготовку выборов в городские думы, пытаясь воздействовать на исход выборов в интересах кадетской партии, и безуспешно, учитывая победу, одержанную кадетами на выборах в Петербургскую городскую думу в декабре 1908 – январе 1909 г. Предвыборная агитация обществ обывателей, а также их выход за пределы столиц и попытки объединения в общероссийском масштабе привлекли внимание правительства. 25 июля 1910 г. П.А. Столыпиным был издан циркуляр, призывавший губернаторов внести на рассмотрение губернских по делам об обществах присутствий вопрос о прекращении действий обществ, «нацеленных на предметы, входящие в круг ведения городских и земских учреждений, и не допускать их возникновения впредь»<sup>349</sup>, в результате чего все общества обывателей и избирателей были закрыты.

В XIX в. в России стали создаваться пожарные общества. Их образование явилось следствием недостаточной организации в городах органами самоуправления противопожарной службы. Достижения пожарных обществ в организации попечительств о погорельцах и распространении среди населения необходимых для предотвращения пожаров знаний были признаны правительством, привлёкшем крупнейшее из них – Императорское российское пожарное общество – к участию в разработке пожарного законодательства.<sup>350</sup>

Задачи улучшения архитектурного облика российских городов вызвали к жизни общества архитекторов, на собраниях которых обсуждались вопросы строительных технологий, используемых при возведении в городах зданий различного функционального назначения, внешнего вида городских построек, а также совершенствования их санитарного и гигиенического состояния. Подчёркивая важную роль общественных организаций в защите памятников архитектуры, которыми так славилась Москва, просвещённый аристократ и общественный деятель граф С.Д. Шереметев сетовал: «Почему у нас не додумались до Общества охранения и реставрации художественных, исторических зданий, как во Франции, дабы существовал какой-либо контроль над произволом благотворителей с одной стороны и строительных разрушителей с другой. Не всё то, что старо, достойно сбережения, но известная охрана должна существовать от произвола невежества и злого умысла»<sup>351</sup>.

Проблемы улучшения санитарного состояния городов занимали значимое место и в работе обществ покровительства животным, действовавших как в столицах, так и в провинциальных городах – Тамбове, Воронеже и др. Указанные общества неоднократно возбуждали перед городскими властями вопрос о принятии превентивных мер против езды на больных лошадях. Символом признания властью заслуг этих организаций явилось удовлетворение Министерством императорского двора ходатайства С.-Петербургского отдела Российского общества покровительства животным о представлении его отличившихся членов к правительственным наградам с правом ношения на груди. Интересно заметить, что награждены были в первую очередь полицейские чины за содействие в поимке бездомных собак.<sup>352</sup>

Жители городов, и в особенности крупных, сталкивались в своём повседневном быту с многочисленными проблемами социального характера. К их числу относились детская неустроенность, бездомность, преступность. В Москве их разрешением занималась целая группа организаций. Это образованное в феврале 1911 г. под председательством супруги московского градоначальника З.Г. Рейнбот Общество призрения сирот и брошенных детей, организованное спустя три года по инициативе и под председательством супруги следующего московского градоначальника А.А. Адриановой Общество призрения детей, страдающих сифилисом, а также Общество «Борьба с улицей», Общество воспитания детей улицы, Общество борьбы с детской смертностью, Общество патроната над несовершеннолетними, Общество покровительства беспризорным и освобождённым из мест заключения несовершеннолетним. Алгоритм действий этих организаций был схожим: на пожертвованные средства они приобретали усадьбу, в которой устраивали колонию-приют, призванный стать убежищем для брошенных или больных детей. Общественно-полезный характер инициатив одной из таких организаций – Петербургского Общества борьбы с нищенством детей – газета «Биржевые ведомости» характеризовала в следующих выражениях: подбирая на улице «из растлевающей обстановки заброшенных детей и окружая их отеческой заботой», Общество «борется с хулиганством и очищает столицы от лиц, потерявших здоровый трудовой путь»<sup>353</sup>.

Признаками переломного характера переживаемого Россией времени рубежа XIX – XX столетий явился выход на первый план в общественной жизни, литературе и искусстве проблем пола, семьи, сравнительной ценности жизни и смерти, оккультизма. На культурном пространстве столичных и ряда крупных провинциальных городов появились общества спиритуалистов, психологов, теософов и др.

Растущее число самоубийств в молодёжной среде обусловило создание в Петербурге в 1913 г. Общества защиты жизни, призванного стать объединяющим центром для организаций, озабоченных нравственным состоянием

<sup>349</sup> Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 – 1911 гг. Л., 1978. С. 175 – 179; Об истории функционирования и запрещения обществ обывателей и избирателей см. также: Сухорукова А.С. Общества обывателей и избирателей Петербурга (1906 – 1910) // Россия в XIX – XX вв. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 270 – 276.

<sup>350</sup> Биржевые ведомости. 1913. 22 февраля. Утр. вып.

<sup>351</sup> Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 342.

<sup>352</sup> Русское государство. 1906. 13 мая.

<sup>353</sup> Биржевые ведомости. 1913. 17 февраля.

подрастающего поколения и парализацией губительного влияния на него порнографической литературы как одной из главных причин охватившей общество эпидемии самоубийств<sup>354</sup>.

Общества защиты жизни выглядели своеобразной «экзотикой» на социокультурном ландшафте российских городов. Их образование свидетельствовало о психологической и социальной незащищённости горожан. Так, Московский кружок деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом констатировал печальную картину развития алкоголизма в России, который, как утверждали общественные деятели, «рос значительно интенсивнее, чем народное просвещение», причём за счёт казённых средств.<sup>355</sup>

Усиливавшаяся обеспокоенность здоровьем нации порождала активизацию деятельности медицинских обществ. Наиболее известным из них являлось Общество русских врачей памяти Н.И. Пирогова, в составе которого работала Комиссия по распространению гигиенических знаний<sup>356</sup>. Высокая смертность от рака вызвала к жизни Общество борьбы с раком при Московском университете. Объединив в своём составе светил российской медицины, оно поставило целью научное исследование злокачественных новообразований и организацию их лечения рентгеновскими лучами радия.<sup>357</sup>

Существенный вклад в улучшение санитарно-эпидемиологического состояния городов внесли специализированные медицинские организации борьбы с туберкулёзом – филиальные отделения Всероссийской лиги для борьбы с туберкулёзом. Инициированные Пироговским обществом, эти общества развили активную работу по сбору средств для борьбы с тяжёлым недугом путём систематического устройства в городах дней цветка «белой ромашки», организовали сеть лечебниц и санаториев для лёгочных больных и т.п. Медицинские общества внесли также заметный вклад в повышение уровня профессионализации представителей различных медицинских специальностей – врачей, фельдшеров, акушеров, дантистов и др.<sup>358</sup>

Всё более прочные позиции в социально-культурном пространстве городов начала XX в. приобретали общества пропаганды здорового образа жизни. Увлечение спортом, особенно в молодёжной среде, являлось приметной чертой времени. Как писала российская пресса: «Игры и физические упражнения увлекают школьников, гимназистов и студентов, футбольные команды и всякого рода спортивные кружки поделили между собою добрую половину детей и юношей школьного возраста»<sup>359</sup>. Правительство покровительствовало этому благонамеренному направлению общественной жизни, небезосновательно усматривая в нём способ переключения общественной активности с революционной работы, вытеснения оппозиционного движения из стен российской школы, примирения власти и общества.<sup>360</sup>

К объединениям, культивирующим «здоровое тело», принадлежали общества велосипедистов, роликбежцев, футболистов, теннисистов, яхтсменов, гимнастические соколиные общества, многофункциональные общества и клубы любителей спорта и правильного физического воспитания.<sup>361</sup> К ним примыкали общества и клубы верховой езды, которые наряду с охотничьими обществами имели за собой продолжительную историю (во многих городах они возникли ещё в XIX в.<sup>362</sup>), известных «благородным» происхождением активистов (общества являлись цитаделью дворянства и предпринимательской элиты), связи и влияние в местном обществе (их членами являлись губернаторы, предводители дворянства, деятели городского самоуправления и др.).

В Москве в начале XX в. были представлены практически все виды организаций этой группы: существовали Спортивный клуб, Замоскворецкий клуб спорта, Измайловский клуб спорта, Общество наездников, Клуб мотористов, Клуб автомоциклистов-туристов, Клуб циклистов, Клуб роликбежцев, Кружок футболистов «Сокольники», Московский речной яхт-клуб, Кружок любителей правильной охоты и др.<sup>363</sup> Широкой известностью пользовались Шахматный кружок, Лига лыжебежцев, Собрание любителей гимнастики, Клуб автомобилистов, Яхт-клуб, Футбольная лига (последняя накануне Первой мировой войны объединяла 25 спортивных обществ). Многие спортивные общества располагали стационарными площадками для тренировок и занятий (катки на Патриарших прудах и на Петровке, горнолыжная станция на Воробьёвых горах, купальни близ Бородинского моста, гавань у Дорогомилковского моста). В Казани действовали Общество любителей конного спорта, Казанский речной яхт-клуб, Общество велосипедистов-любителей, гимнастические общества – «Сокол» и «Беркут», Общество охотников рысистого конского бега.<sup>364</sup>

<sup>354</sup> Биржевые ведомости. 1913. 31 января. Веч. вып.

<sup>355</sup> Русское слово. 1912. 29 января.

<sup>356</sup> О деятельности Пироговского общества русских врачей и Пироговских съездах см.: Булгакова Л.А. Медицина и политика: съезды врачей в контексте русской политической жизни // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: материалы Междунар. науч. colloquium. СПб., 2003. С. 213 – 235.

<sup>357</sup> Московские ведомости. 1913. 5 ноября.

<sup>358</sup> Под термином «профессионализация» в современной литературе понимается складывание функциональной группы квалифицированных специалистов, «широкой и стратегически важной образованной элиты, предрасположенной распространять новые ценности и, так сказать, реализовывать «общественность» (Хильдермайер М. Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах... С. 219).

<sup>359</sup> Ларский И. Школьный футбол // Современный мир. 1909. № 9.

<sup>360</sup> Пропаганде физического образования взрослых и юношества государство уделяло в рассматриваемый период большое внимание. Этой цели было подчинено введение Министерством народного просвещения целевых кредитов на устройство детских площадок для физических упражнений, издание правительством многочисленных циркуляров о создании в провинции кружков физического воспитания среди учащихся и т.п. (Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова... С. 66).

<sup>361</sup> В России спортивные объединения возникли позже, чем в Европе. Например, в Германии они начали образовываться ещё в 20-х гг. XIX в., в ходе общенациональной кампании по пропаганде здорового образа жизни (Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860 – 1914 гг.)... С. 481).

<sup>362</sup> В Тамбове Общество охотников конского бега было образовано в 1837 г., в Казани – в 1867 г.

<sup>363</sup> Перечень обществ составлен на основании: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1905 г. Д. 61 (е); ЦИАМ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 557.

<sup>364</sup> Зорин А.Н., Ключина Е.В. Общественные организации городов // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья... С. 462 – 464.

Деятельность спортивных обществ, протекавшая публично на городских улицах, площадях, в парках и скверах, являлась своеобразной моделью коллективных символических действий, способствовала «формированию правил цивилизованного поведения и приличий», культурных форм жизни и общения.<sup>365</sup> В то время как члены клубов велосипедистов проезжали по городским улицам, а активисты обществ физического воспитания устраивали игры в теннис на специально оборудованных кортах, организовывали лыжные прогулки и арендовали парки и сады для проведения детских игр и развлечений, они участвовали в «актах социальной магии», «выражающих жизнь и формирующих её одновременно», представляли из себя некое «воображаемое сообщество». К этому следует прибавить ношение многими спортсменами-любителями эмблем и значков на отвороте одежды, заметно повышавших чувство их причастности к сообществу. Заметим, что попытки общественных организаций, за исключением отдельных привилегированных императорских обществ, использовать официальную символику (герб страны, губернии и др.), как правило, правительством не поощрялись.<sup>366</sup>

Ритуальные и символические формы действий занимали важное место в работе активно функционировавших в городах обществ организации культурного досуга. Так, определённый социальный смысл имели для жителей губернского Тамбова детские праздники, проводившиеся местным отделом С.-Петербургского общества детских развлечений. По сведениям местных газет и адрес-календарей, эти яркие и зрелищные мероприятия общим числом пять-шесть в сезон являлись одним из любимейших развлечений населения. У горожан надолго сохранилась в памяти панорама Варваринской площади, утопающей в зелени и цветах, расцвеченной флагами, наполненной играющими детьми и зрителями-взрослыми.<sup>367</sup> Досуговые общества способствовали также улучшению внешнего облика скверов и садов, являвшихся важным элементом культурного пространства российских городов.

Наряду с организациями, культивировавшими здоровый образ жизни, существовали общества, занимавшиеся пропагандой правильного питания. Этой задаче была подчинена деятельность Вегетарианского общества в С.-Петербурге. На его заседаниях разрабатывалась программа постепенного перехода к вегетарианскому питанию, обсуждались проблемы вегетарианского движения в городах Западной Европы.<sup>368</sup>

Людям, жившим в начале XX столетия, приходилось постоянно встречаться с всё возрастающим количеством различных технических новшеств. Ширившимся потоком они входили в российскую жизнь, меняя её традиционный уклад, ускоряя ритм, способствуя преодолению былой обособленности русских городов.

Со стремительным распространением начиная с конца 90-х гг. XIX в. граммофона в городскую, а затем и в сельскую Россию пришла культура массового досуга, потеснившая элитную музыкальную культуру XIX в. С целью пропаганды и развития в городах новой формы музыкальной культуры основываются общества любителей граммофона. Объединяя любителей музыки и энергично приумножая свой членский состав, а вместе с ним и капитал, они закупали в столичных фирмах и поставляли своим членам по льготным ценам граммофонные аппараты, организовывали прослушивание музыкальных новинок в залах городских клубов, гостиниц, кинематографов.

В начале XX в. возникли и начали входить в городской быт новые средства сообщения и связи – автомобили, аэропланы. Современники указывали на увлечение лётным делом как на один из важных фактов русской жизни, ярко отражавших и выражавших «ритм времени».

Московский губернатор В.Ф. Джунковский, описывая в своих воспоминаниях общественную жизнь дореволюционной Москвы, красочно нарисовал картину зрелищных мероприятий, устраиваемых во второй столице автомобильными и авиаторскими обществами. Среди них особенно запомнилось губернатору проведение Императорским российским автомобильным обществом автопробега по маршруту С.-Петербург – Киев – Москва – С.-Петербург, посещение гонщиками Москвы, тёплая встреча спортсменов жителями столицы и чествование их Московским автомобильным клубом в большом зале «Эрмитажа».<sup>369</sup>

Деятельность Московского общества воздухоплавания, в котором Джунковский состоял председателем, он характеризовал как весьма успешную. Общество активно развивало свою материальную базу: оборудовало аэродром на Ходынском поле, где устроило 10 ангаров и школу военных лётчиков, имело 5 летательных аппаратов. Широкой известностью пользовались его мероприятия: 2-й Всероссийский воздухоплавательный съезд в 1912 г., Международная выставка воздухоплавания, на которой были представлены все последние модели аэропланов и моторов, ежегодные майские выставки воздухоплавания в городском манеже, во время которых демонстрировались новинки воздухоплавательной техники и устраивались полёты на сферических шарах, а также периодические летние недели воздухоплавания, традиционно завершавшиеся организацией воздушного перелёта из Петербурга в Москву с участием известных российских авиаторов.<sup>370</sup> Подтверждением эффективности действий Общества являлись его растущие финансовые возможности: бюджет Общества за 1910 – 1912 гг. возрос с 27 тыс. до 78 тыс. р., составляясь из членских взносов, частных пожертвований и доходов с публичных выступлений.<sup>371</sup>

В Петербурге в то время действовала организация со сходными задачами – Императорский всероссийский аэроклуб. Он был основан в январе 1908 г. с целью развития в стране частного воздухоплавания, по образцу Парижского аэроклуба. В

<sup>365</sup> Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860 – 1914 гг.)... С. 487–488.

<sup>366</sup> Министерства нередко принимали решения о запрете частным обществам применять государственную символику. К примеру, Главным управлением землеустройства и земледелия 18 марта 1910 г. было постановлено о запрете сельскохозяйственным обществам использовать государственную символику на дипломах и медалях, выдаваемых победителям выставок и аукционов, а также на производимых обществами товарах (Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 7103. Л. 272). Хотя в любом правиле есть исключения. С.-Петербургскому императорскому обществу естествоиспытателей было официально разрешено использовать на своих печатях изображение государственного герба (Русское государство. 1906. 8 марта).

<sup>367</sup> Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова... С. 67–68.

<sup>368</sup> Русское государство. 1906. 20 февраля.

<sup>369</sup> Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 488–489.

<sup>370</sup> Московские ведомости. 1911. 8 марта.

<sup>371</sup> Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 15 – 17.

числе организуемых Императорским аэроклубом публичных акций следует отметить ежегодно проводимые им весной сборы на усиление средств воздушного флота. Они имели весьма насыщенную программу: устраивалось множество полётов на дирижаблях, аэропланах и бипланах всех известных в России систем. На улицах и скверах столицы осуществлялась продажа особых значков с изображением известных летательных аппаратов. Специально присланные из Парижа, эти значки были изящно отделаны в форме небольших булавок, приспособленных для ношения в петлице.<sup>372</sup>

Сборы средств на развитие воздушного флота проводились накануне Первой мировой войны в большинстве российских городов. Их организацией занимался Императорский отдел воздушного флота.

Перспективы правильной постановки воздухоплавательного дела обсуждались на воздухоплавательных съездах. Первый такой съезд был созван Императорским русским техническим обществом в Петербурге в апреле 1911 г. Параллельно со съездом проводила свою работу I Всероссийская воздухоплавательная выставка.<sup>373</sup>

Автомобильные и авиационные общества способствовали прежде всего разрушению территориально-географической обособленности российских городов. Ликвидации же их культурной изоляции, интеллектуального и духовного подчинения провинциальных городов столичным содействовали общества, работавшие в социально-культурной сфере: образовательные, научные, литературные, музыкальные, театральные и др.

Пути самосознания рядового горожанина, жившего в начале XX в., были связаны, прежде всего, с самообразованием. Модернизация общественного и государственного строя России, а также наметившиеся в последние десятилетия XIX в. успехи экономического роста предъявляли повышенные требования к образовательному уровню населения, вызывали настоятельную необходимость в распространении в обществе элементарной грамотности и специальных профессиональных знаний. Однако расходы государства на народное образование даже в начале XX в. оставались символическими<sup>374</sup>, а значительная часть городского населения не обладала элементарным образованием<sup>375</sup>, ввиду чего потребность горожан в самообразовании удовлетворяли добровольные просветительские организации. Наиболее крупными всероссийскими объединениями этой группы являлись Лига образования, Общество народных университетов, Русское техническое общество, Вольное экономическое общество.

Образовательные организации Москвы были представлены Обществом грамотности, Комитетом грамотности при Московском обществе сельского хозяйства, Обществом распространения технических знаний, Кружком совместного воспитания и образования детей, Обществом народных университетов, Обществом независимых библиотек, Обществом по проведению публичных лекций, организации библиотек и читален и др.<sup>376</sup> В провинциальных городах действовали общества народных университетов, распространения в народе грамотности, содействия народному образованию, распространения среднего образования, распространения коммерческого образования, общества библиотеки, общества по устройству народных чтений.<sup>377</sup>

Последние десятилетия существования монархии были ознаменованы «революцией в чтении»<sup>378</sup>. Записки современников и материалы периодической печати, отражавшие картину нравов того времени, подчёркивали повсеместное распространение чтения, которое охватило все слои общества, проникло во все стороны повседневной жизни горожан. Население заболело настоящей «манией чтения», превратившейся в «читательскую лихорадку» и в «читательское иступление».<sup>379</sup>

Непрерывной чертой российского городского культурного пейзажа становятся начиная с 90-х гг. XIX в. общества распространения народных чтений. В Европе читательские общества возникли ещё в XVIII в. Они сыграли огромную роль в культурной революции эпохи Просвещения, а также утверждению новыми промышленными центрами своего городского статуса по примеру более старых городов. Активисты читательских обществ на Западе ощущали себя членами единого

<sup>372</sup> Биржевые ведомости. 1913. 23 января. Утр. вып., 7 марта. Утр. вып.

<sup>373</sup> О деятельности автомобильных и авиаторских обществ и их взаимоотношениях с государством см.: Туманова А.С. Власть и технический прогресс: воздухоплавательные и автомобильные общества дореволюционной России под наблюдением Департамента полиции // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2002. № 4. С. 787 – 794.

<sup>374</sup> По данным информированной газеты «Новое время», в России на народное образование на душу населения государство расходовало 36 к. Для сравнения: в Англии на душу населения тратилось 3 р. 55 к. (Новое время. 1908. 13 января).

<sup>375</sup> В Москве и Петербурге в конце XIX в. грамотными были 56,3 и 62,7 % населения, в среднем в городах Европейской России грамотных было 48,9 % (в городах Владимирской губернии – 48 %, Воронежской – 44,4 %, Калужской – 52 %, Костромской – 51,8 %, Ярославской – 54,2 %) (Общий свод данных первой всеобщей переписи населения. СПб., 1897. Т. 1. Табл. 19 – 40).

<sup>376</sup> Михайлова М.В. Общественные педагогические и просветительные организации дореволюционной России (середина XIX – начало XX в.). М., 1993. С. 152–153; Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 80.

<sup>377</sup> Данные получены на основе анализа перечня просветительских обществ за 1906 г. (Ежегодник внешкольного образования. Вып. 1. М., 1907. С. 298 – 301), указателя общественных педагогических и просветительных организаций дореволюционной России (Михайлова М.В. Общественные педагогические и просветительные организации дореволюционной России (середина XIX – начало XX в.). С. 147 – 161), а также перечней просветительских обществ городов Казани (Зорин А.Н., Ключина Е.В. Общественные организации городов... С. 447 – 449) и Тамбова (Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова... С. 38 – 52).

<sup>378</sup> Успехи русского книгоиздания американский исследователь Дж. Брукс связывает прежде всего с отсутствием влияния других, в особенности электронных, источников информации: «Радио в России не получило широкого распространения до 1920-х годов», поэтому, «если люди хотели узнать о своей стране и мире, они должны были обратиться к печатному слову» (Брукс Д. Грамотность и печать в России, 1861 – 1928 // Чтение в дореволюционной России. М., 1992. С. 86).

<sup>379</sup> Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1911. № 6; 1913. № 3. В начале XX в. Россия заняла первое место в мире по объёму печатной продукции на душу населения (Рубакин Н. Книжный прилив и книжный отлив // Современный мир. 1909. № 12. С. 20), а количество лиц, умеющих читать, возросло по сравнению с 1880-ми гг. более чем в 3 раза (Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 – 1907 годах. СПб., 1997. С. 19).

космополитического сообщества, верили в то, что, участвуя в чтении и открытом философском обсуждении прочитанного, они способствуют прогрессу и просвещению всего человечества.<sup>380</sup>

В России читательские общества появились заметно позже, и их роль была менее значительной, чем у их западных собратьев. Наиболее многофункциональные из них – общества народных чтений – способствовали объединению усилий городской элиты по устройству библиотек, острая нехватка которых наблюдалась повсеместно, организации публичных чтений для народа и обсуждения прочитанного.<sup>381</sup> Благодаря усилиям обществ народных чтений и обществ народных университетов в российских городах возникла широкая сеть внешкольных образовательных учреждений – библиотек и книжных складов, снабжавших население популярными изданиями для народа, воскресных школ и общеобразовательных курсов для рабочих, широко проводились общедоступные лекции, чтения и беседы. Внося важные коррективы в существующую систему народного образования, общественность делала её более творческой, мобильной, способной полнее отвечать требованиям современной жизни.

Своей кропотливой работой общества в значительной мере подготовили улучшение читательских вкусов народа, являвшихся одним из важных критериев состояния умственной жизни населения.<sup>382</sup> Действуя на широкой демократической основе, предоставляя своим членам возможности непосредственно влиять на заказы книг, периодических изданий и организуя их совместное обсуждение, общества формировали новое публичное пространство.

Созданию единого образовательного пространства, преодолению изоляции провинциальных городов способствовали ассоциации земляков. Их создателями становились молодые предприимчивые студенты, литераторы, музыканты, учёные, устремлявшиеся в начале XX столетия в Петербург, Москву и другие крупные города для получения образования и творческой самореализации. Это были очаги общения, где люди, являвшиеся выходцами из одних и тех же населённых пунктов, однако занимавшие зачастую различное положение в обществе, могли собираться, обмениваться идеями, оказывать друг другу необходимую поддержку, совместно продвигаясь к общей цели – обретению своего места в чуждой поначалу для провинциалов среде больших городов.<sup>383</sup>

Такие очаги культуры, как образовательные общества и землячества, внесли заметный вклад в разрушение культурной обособленности российских городов. Они способствовали созданию единого социокультурного пространства, в которое была включена и провинция, преодолению исторически сложившегося подчинённого её положения в имперской системе координат.

Начиная с последней трети XIX в. культура провинции, развивавшаяся ранее большей частью сама в себе, становится предметом внимания в столицах. Поворот столичной власти к провинции был идеологически обоснован официальным курсом императора Александра III, сменившим «теорию официальной народности» на близкое ей по духу «народное самодержавие» и реанимировавшим принципы знаменитой триады «православие, самодержавие, народность».

Статьи корреспондентов из провинции, описывавшие живую старину своих губерний, появлялись в изданиях Русского географического общества, чтениях в Обществе истории и древностей российских. Благодаря знакомству с ними в обществе возникало убеждение, что именно там, на периферии, в скрытой от глаза столичного наблюдателя российской глубинке, сохранились живые пласты русской жизни и подлинно народной культуры.<sup>384</sup>

Развитию знаний о провинции, её истории и культуре, способствовали научные общества. Одним из главных культурных результатов 80-х гг. XIX в. стало создание губернских учёных архивных комиссий, образованных первоначально в Твери, Тамбове, Рязани и Орле. Насажение имперского «русского стиля» в России сопровождалось небывалым расцветом «археологизма», выразившимся в образовании обществ (военно-исторических, церковно-археологических и др.), ориентированных на археологические разыскания, реставрацию памятников светской и церковной архитектуры, создание церковно-археологических музеев и комиссий.

Научные общества провинциальных городов поддерживали тесные контакты со столичными организациями, создавали филиалы столичных обществ, изучающих провинциальную культуру. Так, археологические изыскания научно-краеведческих обществ Центрального Черноземья велись под руководством Московского археологического общества. Их

---

<sup>380</sup> Как отмечает Р. Шартье, «читательские общества и клубы были активными участниками трёх важнейших процессов века Просвещения: они способствовали развитию демократических форм общения, ибо их решения принимались на основе голосования и без учёта сословного статуса членов клуба; они являлись важным инструментом цивилизации, поскольку их уставы строго регламентировали нормы поведения; наконец, читательские клубы (наряду с литературными обществами и масонскими ложами) способствовали созданию нового интеллектуального и социального публичного пространства, где частные лица могли в стороне от властей совместно обсуждать государственные дела и деяния монархов. Позволив большему числу читателей читать больше книг, расширив рынок сбыта для периодических и многотомных изданий (словарей, энциклопедий, книжных серий), читательские клубы глубоко преобразили практику чтения и повлияли на формирование нового типа читателя. Все эти процессы создавали мощную основу для проникновения книги во все сферы жизни, для появления новых литературных и издательских жанров, новых способов чтения» (Шартье Р. Книги, читатели, чтение // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 300–301).

<sup>381</sup> Тамбовским обществом по устройству народных чтений за период 1895 – 1903 гг. было открыто в Тамбовской губернии 725 народных библиотек, в то время как до 1895 г. их численность не превышала и десятка. В 1893–1894 гг. Обществом было проведено в Тамбове 71 чтение, число слушателей которых составило 46 тыс. человек, в 1896–1897 гг. 91 чтение с 52 тыс. слушателей, в 1913 г. 119 чтений с 31 тыс. слушателей (Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова... С. 48–49).

<sup>382</sup> О развитии литературных вкусов читающей публики говорило, к примеру, обследование читательского спроса в библиотеках обществ народных чтений ряда провинциальных городов – Казани, Екатеринбургa, Тамбова и др., проведённое в начале XX в. Собранные материалы показали, что наиболее высокий спрос предъявлялся провинциальным читателем на произведения классиков русской литературы Л.Н. Толстого, М. Горького, А.П. Чехова, И.А. Гончарова. Известностью пользовались также солидные журнальные издания либерального направления – «Вестник Европы», «Вестник воспитания», «Русское богатство», «Современник» (Что читает провинция. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1911. № 6. С. 369–370; Тамбовские отклики. 1914. 3 мая; ГАТО. Ф. 25. Оп.1. Д. 27. Л. 27, 80 об., 129, 165, 284, 286).

<sup>383</sup> О землячествах, создававшихся в среде воспитанников высшей школы см.: Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 290 – 293; Он же. Землячества // Российское студенчество на рубеже веков: материалы Всеросс. студенч. форума. М., 2001. С. 41 – 57.

<sup>384</sup> Козляков В.Н., Севастьянова А.А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX в. М., 1998. Т. 1. С. 160.

результатом стали подробные археологические карты Воронежской, Курской и Тамбовской губернии с нанесением на них всех расположенных здесь памятников.<sup>385</sup>

Образованные преимущественно из краеведов-любителей, такие общества, помимо интереса к изучению прошлого, преследовали и иные мотивы. Своими исследованиями местные учёные стремились опровергнуть распространённый взгляд на провинциальную историю и культуру как на нечто неяркое и нежизнеспособное и показать неповторимую самобытную роль провинции в жизни страны. Опыт самостоятельного общественного и культурного действия возвращал провинции достоинство, тем более что созидательная роль «делателей», которых было не так много и имена которых были, что называется, на слуху<sup>386</sup>, там была всегда заметнее, чем в столицах.

Рост интереса к путешествиям по провинциям России как лучшего средства познания страны нашёл отражение в работе обществ, занимавшихся экскурсионной деятельностью, – Комиссии по организации экскурсий при Московском отделении Российского общества туристов, Учебного отдела Общества распространения технических знаний, Всероссийского общества народных университетов.

Способом интеграции в общероссийскую культурную среду стало для российских городов также участие в праздновании крупных исторических годовщин, на которые было необычайно богато николаевское царствование. Время начала XX в. было отмечено такими юбилейными торжествами, как двухсотлетие со дня основания Петербурга, отмечавшееся в 1903 г., двухсотлетие Полтавской битвы (1909 г.), столетие Отечественной войны 1812 г. (1912 г.) Особенно помпезными явились торжества по случаю трёхсотлетия Дома Романовых в 1913 г. Отмечались также церковные торжества в связи с канонизацией новых святых и открытием мощей.

Серьёзную заинтересованность проявила российская власть в образовании в преддверии проведения крупных юбилейных торжеств – 300-летия царствования Дома Романовых, 100-летия Отечественной войны 1812 г. и др. – общественных организаций, призванных содействовать патриотическому воспитанию населения. В число организаций, желавших разделить усилия государства в данном направлении, вошли основанные по инициативе Императорского русского военно-исторического общества Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г., Общество потомков участников Отечественной войны в Москве, Общество ознакомления с историческими событиями России, Бородинское общество охраны памятников и др.<sup>387</sup> Московский губернатор В.Ф. Джунковский, являвшийся главным организатором Бородинских торжеств и вложивший немало сил в благоустройство Бородинского поля, соорудил на нём памятники воинской славы, поддержал создание осенью 1912 г. Бородинского общества охраны памятников. Общество создавалось по инициативе лиц, занимавшихся обустройством Бородинского поля, с целью охраны памятников воинской славы и монументов героям войны, организации исторических изысканий по выяснению неисследованных сторон Бородинского боя.<sup>388</sup>

Единение власти и общества должен был продемонстрировать основанный в Москве в 1914 г. в честь 300-летия царствования дома Романовых Романовский комитет, собравший несколько десятков высокого ранга чиновников – членов Государственного Совета, директоров различных правительственных ведомств.<sup>389</sup>

Начало XX столетия, ознаменовавшееся поражением России в войне с Японией и Первой русской революцией, было отмечено ростом всеобщего интереса к политике. В городскую жизнь начали входить ассоциации с политически мотивированными целями – различного рода национальные общества и клубы, право-консервативные и либерально настроенные организации.

Созданием лояльной правительству атмосферы в высшей и средней школе и изгнанием из её стен революционных беспорядков занимались общества академистов, порядка в средней школе, Филаретовское общество народного образования и др. Последнее декларировало своей целью «постановку образования в России на исконных началах преданности церкви православной, самодержавию Царскому и народности русской», а его лидеры не скрывали, что Общество будет «ушами и глазами» учебного начальства. Энтузиастами этих организаций явились известные право-консервативные общественные деятели В.М. Пуришкевич, кн. А.К. Мещерский, Г.Г. Замысловский, профессор П.И. Ковалевский.<sup>390</sup>

Своё единение с властью продемонстрировали накануне вступления России в Первую мировую войну и либералы. Свидетельством охватившей российское общество патриотической тревоги стало основанное известными общественными деятелями (кн. Павел Д. Долгоруков, Ф.Ф. Кокоскин, С.А. Котляревский, С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский и др.) российское отделение международного общества «Мир», призванное сформировать мировое общественное мнение в духе высказанного русским монархом на Гаагской конференции 1907 г. призыва к всеобщему миру. Известные профессора права – деятели московского и петербургского отделов этой пацифистской организации – занимались разработкой и популяризацией основ международного права, налаживали связи с пацифистскими организациями Европы, предостерегали европейскую общественность от участия в общеевропейской войне, отстаивали

<sup>385</sup> Чепелева И.Д. Участие научно-краеведческих обществ в общественно-политической жизни России в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1993. С. 196.

<sup>386</sup> Определяя круг деятелей местного общества на материалах городов Казани и Саратова и основывая свои подсчёты на числе членов различных ассоциаций (в том числе городских дум), действующих в этих городах, Л. Хэфнер приходит к выводу, что «местное общество оказывалось маргинальной формацией и являлось, как правило, мужской сферой. Его доля не превышала 1,5–2 % в массе городского населения», насчитывая в Казани и Саратове максимально 2–3 тыс. человек мужского пола. Даже если принять во внимание членов их семей, то процент активистов местного общества всё равно не превысил бы 2–3 %. Для сравнения: число немецких буржуа оценивается цифрой от 5 до 15 % населения (Хэфнер Л. Civil Society, BURGERTUM и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в поздней имперской России... С. 199).

<sup>387</sup> Московские ведомости. 1911. 2 февраля; Русское слово. 1912. 17 января.

<sup>388</sup> Джунковский В.Д. Воспоминания. Т. 2. С. 68; Об основании Бородинского общества охраны памятников см. также: ЦИАМ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 368.

<sup>389</sup> Русское слово. 1914. 20 мая.

<sup>390</sup> Русское государство. 1906. 4 марта; Русское слово. 1912. 13 марта; Русское слово. 1914. 24 мая.



выдвинутое российским правительством предложение о введении третейского суда для разрешения международных конфликтов, разрушая тем самым границы между Россией и остальным миром.<sup>391</sup>

Расширению политического кругозора населения страны и приобретению им навыков практической деятельности способствовало участие в избирательных кампаниях и текущей работе органов самоуправления. Частные общества тесно контактировали в своей работе с органами общественного самоуправления, городские служащие нередко выходили из числа активистов обществ. Так, по данным Л. Хэфнера, из 426 избранных в Городскую думу Казани гласных в период 1870 – 1913 гг. 219, т.е. 51,4 %, являлись участниками общественных организаций.<sup>392</sup> Публичные собрания обществ являлись местом, где общественные деятели соприкасались с демократическими элементами и процедурами, приобретали опыт участия в выборах и баллотировке, утверждении бюджета, публичных выступлениях.

Участие в общественных организациях и муниципальных органах пробуждало общественный темперамент тех, кто ещё за несколько лет до того и помыслить не мог о высказывании самостоятельного суждения. В российских городах во многом под их воздействием проснулся вкус к публичной деятельности, пробудились общественные чувства.

Представленный в рамках настоящей статьи перечень организаций, действующих в городах и преобразующих их социокультурную среду, далеко не является исчерпывающим. Действия целого ряда обществ – литературных, театральных, музыкальных, взаимно-вспомогательных и др. – остались нами не рассмотренными. Однако приведённый обзор даёт возможность заключить, что, очевидно, не было ни одной мало-мальски значительной проблемы, встававшей перед горожанами, которая не возбуждала бы к жизни соответствующую инициативу общественности, готовой разрешить её своими силами. Общественные структуры заполняли практически все образующие лакуны в городском социокультурном пространстве, давали выход всем возрастающим потребностям горожан.

Общества внесли весомый вклад в повышение материального благосостояния населения российских городов, предвосхитили многие достижения в научно-технической и культурной областях и, что особенно важно, готовили глубинные изменения в самосознании горожан, способствуя их превращению из обывателей в свободных граждан. Как писал журналист провинциальной газеты, а в будущем нарком почт и телеграфов в советском правительстве социал-демократ В.Н. Подбельский: «Обыватель сделал большой шаг вперед в сторону роста общественного самосознания, роста интереса к тому, что... выходит за пределы нашего личного существования. Обывательщина сменяется общественностью...»<sup>393</sup>. Продолжая мысль наблюдательного современника, заметим, что общественные организации создавали основу для становления новой городской элиты, положение которой в обществе определялось уже не её сословным статусом, а имевшимися у неё навыками общественной работы, степенью развитости у неё таких качеств, как гражданский долг и ответственность.

Общественная самодеятельность вела к ещё одному значимому результату – она способствовала формированию у населения новой идеологии, пробуждению у него вкуса к публичной деятельности, гласному обсуждению событий общественной и политической жизни, развитию чувства гражданского долга и ответственности. В предреволюционной России добровольные организации были островками формирующегося гражданского общества и либеральной идеологии, базировавшейся на представлении о необходимости мирной трансформации самодержавной формы правления в направлении конституционного строя.

---

<sup>391</sup> Русское слово. 1912. 20 января; Биржевые ведомости. 1913. 13 марта. Утр. вып.; О деятельности российского отделения международного общества «Мир» см. также: Богатырева Л.В. Кадеты и общественные организации в 1905 – феврале 1917 г. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 88 – 90.

<sup>392</sup> Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860 – 1914 гг.)... С. 521.

<sup>393</sup> Тамбовская жизнь. 1913. 26 мая.

## ДОБРОВОЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ТИПА ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИУМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Современные теоретики гражданского общества американский политолог Дж. Коэн и социолог Э. Арато противопоставляют гражданское общество политическому сообществу, т.е. партиям и парламенту, а также экономическому сообществу, т.е. организациям производства и сбыта. В соответствии с этой классификацией социальную ткань гражданского общества, его несущей конструкцией выступают добровольные ассоциации неполитического плана.<sup>394</sup> Именно они являются объектом настоящего исследования.

Задача данной статьи состоит в изучении опыта самоорганизации российского общества, сложившегося в последние два десятилетия существования монархии. Автором описаны основные формы и типы действующих в то время общественных институций, показана их роль в создании общественности. Исследованы политическая и правовая культура российского общества, их влияние на развитие культуры общественной самоорганизации.

В предреволюционное время в России сформировалась широкая разветвлённая сеть обществ и союзов, активно действовавших в таких областях, как наука и техника, литература и искусство, просвещение и здравоохранение, промышленность и торговля, благотворительность и самопомощь.<sup>395</sup> Если в первые шестьдесят лет XIX в. в Российской империи существовало всего около ста обществ, причём половина приходилась на Прибалтику и западные губернии, а другая половина по преимуществу на столичные города<sup>396</sup>, то к началу XX в. количество легальных обществ выросло буквально в десятки раз. Так, за период с 1906 по 1909 гг. по подсчётам дореволюционного исследователя Н.П. Ануфриева было образовано 4.800 обществ.<sup>397</sup> В 1912 г. в одной только Москве насчитывалось более шестисот ассоциаций, около пятисот обществ действовало накануне Октябрьской революции 1917 г. в С.-Петербурге<sup>398</sup>.

Настоящий «бум» организованной общественной самодеятельности наблюдался в рассматриваемое время в провинциальных городах. Однако провинцию, не так оперативно откликавшуюся на насущные запросы жизни, не отличало разнообразие видов общественных объединений, которое наблюдалось в столицах. Ввиду немногочисленности социально активного слоя членский состав провинциальных обществ был в большинстве своём немногочислен. Общества с тысячей и более членов являлись здесь редкостью, солидными считались организации, насчитывавшие пару сотен человек, преобладали общества, объединявшие несколько десятков членов. В то же время в условиях провинциальной России культурно-просветительская миссия добровольных организаций по развитию образования, научных знаний, эстетической культуры приобрела особую значимость.<sup>399</sup>

<sup>394</sup> Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 7–8.

<sup>395</sup> О системе общественных организаций предреволюционной России, экономических, культурных, правовых и иных условиях их формирования см.: Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; Розенталь И.С. «И вот общественное мнение». Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XIX вв. М., 2007; Миронов Б.Н. Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX вв. // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 110 – 126; Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // American Historical Review. 2002. October. No. 4. Vol. 107.

<sup>396</sup> Степанский А.Д. Институциональная структура русского либерализма (XVIII – начало XX в.) // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 173, 177.

<sup>397</sup> Ануфриев Н.П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права М., 1917. Кн. 1. С. 39. Для сравнения: в Мюнхене существовали в середине XIX в. 150, к началу XX в. 3000 объединений, в Австрии в 1856 г. 2234, в 1910 г. 85 000 объединений (Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860 – 1914 гг.) // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский и др. Ульяновск, 2000. С. 481).

<sup>398</sup> Bradley J. 'Voluntary associations, civic culture and obchestvennost' in Moscow // Clowes E. W. et al. (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, 1991. P. 136–137; Он же. Добровольные общества Ленинграда 1920-х годов // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 179.

<sup>399</sup> Об общественных организациях провинциальных городов см.: Соболева О.Ю. Региональные легальные общественные организации на рубеже XIX – XX вв. (1890 – 1914) (на материалах Костромской и Ярославской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1993; Хаченьян А.Л. Общественные организации Нижнего Поволжья на рубеже XIX – XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999; Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX – XX веков. Тамбов, 1999 и др.

Добровольные общества играли основополагающую роль в формировании общественности<sup>400</sup> и в социализации населения страны<sup>401</sup>. В свою очередь и общественность, в особенности посредством создаваемых ею институтов – салонов, кружков, клубов, добровольных организаций, преследующих образовательные, научные, медицинские, филантропические и иные полезные цели, – оказывала влияние на развитие городов, формирование их социально-культурной среды. Освещение вышеозначенных проблем и взаимовлияний составляет цель нашего доклада. Его хронологические рамки ограничены периодом рубежа XIX – XX вв., явившимся временем интенсивного развития как общественных институтов, так и российских городов, одинаково энергично участвовавших в процессах модернизации российской действительности, являвшихся важнейшим фактором и идеологом этой модернизации.

Появление и укоренение в культурной среде русского города добровольных ассоциаций символизировало зарождение нового типа организации социума, ориентированного на равенство возможностей, самофинансирование, выборность, принятие совместных решений в ходе демократического их обсуждения, ротацию должностей, подконтрольность вышестоящим и т.д. Являясь, по выражению А. де Токвиля, первоосновой роста самоуправления, демократии, достижения прогресса во всех сторонах общественной жизни<sup>402</sup>, добровольные ассоциации служили антитезой старому патриархальному укладу с характерными для него иерархическими корпоративными институтами, основанными на принципе принудительного участия. Общественные организации играли определяющую роль в том, что Ю. Хабермас назвал новой публичной сферой, в рамках которой частные лица собирались вместе, чтобы публично обмениваться мнениями. В предреволюционной России они были островками формирующейся гражданской культуры и гражданского общества.

Будучи важным институтом культуры и действуя в конкретном географическом и временном социокультурном пространстве, общественные организации испытывали на себе его воздействие. Состояние социально-культурной среды, составными частями которой являются система образования и культурно-просветительных учреждений, периодическая печать, книжное и издательское дело, средства связи (почта, телеграф, телефон, железнодорожное сообщение), городское хозяйство и благоустройство и др., являлось важной предпосылкой развития в дореволюционной России частной инициативы, во многом определяло характер и направленность этого процесса.

Специфическими чертами культурной среды России начала XX в. явились многообразие форм и заметное ускорение темпов развития общественно-культурной жизни. Явления, наблюдавшиеся ранее на протяжении жизни не одного поколения, происходили теперь практически молниеносно. По мере того как новые формы и виды культуры входили в жизнь российских городов, силами общественности создавались объединения, способствовавшие их укоренению в социально-культурном пространстве, превращению в его значимый неотъемлемый элемент. Они брали на себя задачи, до сих пор находившиеся в ведении государства и органов самоуправления, и сигнализировали своим появлением, что предпринимаемые усилия официальных структур в этих областях оказывались недостаточно.

Одну из важных сторон городского быта составляла инфраструктура, включавшая различные сферы общественного хозяйства и связанное с этим благоустройство: мощение улиц и площадей, водоснабжение и санитарное состояние города, уличное освещение, транспорт, водопровод. С ростом размеров городов и увеличением числа их жителей<sup>403</sup> благоустройство становится для них всё более острой проблемой. В этой сфере, однако, достигались существенные улучшения. Развивалась инфраструктура городов, менялся их внешний облик, они становились всё более похожими на европейские. Строились многоэтажные доходные дома, проводились водопровод и электрическое освещение, возникали новые виды городского транспорта – конка и электрический трамвай.

Недостаточное развитие вышеотмеченных элементов городского быта, прежде всего плохое санитарное состояние городов, вызвало к жизни общества благоустройства. Активно создававшиеся в начале XX в. в различных городах России, они ставили целью объединить горожан на «известной муниципальной программе», в которой на первый план выдвигались

<sup>400</sup> Термин «общественность» широко используется в современных обществоведческих исследованиях. Он восходит к идейному репертуару либералов рубежа XIX – XX вв. (см., например: Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Париж, 1928). В России начала XX в. понятие «общественность» обозначало «образованное общество», а зачастую и общественную сферу в целом. Оно включало в себя «чувство общественного долга и гражданского духа, особенно в городском контексте, и группы, обладающие этими ценностями»; «деятельность на благо общества в большей степени, чем деятельность для достижения личных целей» (Bradley J. Voluntary associations, civic culture and obchestvennost' in Moscow ... P. 131). Это понятие стало общеупотребительным в конце 80-х – 90-х гг. XX столетия в связи с изменением проблематики исследований, когда от изучения политически конституированного буржуазно-дворянского общества истории переключились на новую, ранее отодвинутую на задний план тему – неполитически ориентированные формы активности российского общества. По мнению известного немецкого учёного М. Хильдермайера, «общественность» обозначает «самостоятельно развивающуюся, публичную, не требующую самоотверженности (очевидно, радикальной политической активности – А.Т.), но и не эгоистическую деятельность в самых различных объединениях, без которой невозможно гражданское общество» (Хильдермайер М. Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 218). Авторам вышедшего в 1991 г. сборника (Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L. (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, 1991), давшего импульс к употреблению этого понятия, термин «общественность» представляется идеологически нейтральной категорией, полуживым понятием понятий среднего сословия и буржуазия, употребляется для определения готовности действовать ради всеобщего блага и прогресса, а не для осуществления задач какого-либо определённого класса. Об определении термина «общественность» см. также: Хэфнер Л. Civil Society, Burgertertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в поздней имперской России // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 186–187.

<sup>401</sup> Термином «социализация» пользуются для описания жизни людей в коллективе, включая такие формы проявления общественного начала, как встречи в семейной обстановке в тавернах, трактирах и кабаках или на праздниках, годовщины, участие в муниципальном управлении или кодифицированных посредством уставов добровольных организациях (Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860 – 1914 г.)... С. 475).

<sup>402</sup> Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 381.

<sup>403</sup> До конца XIX в. города России росли более или менее ровным поступательным шагом, тогда как за первые полтора десятилетия XX в. доля городского населения ко всему населению страны возросла с 13,4 % в 1897 г. до 21 % в 1916 г., т.е. в городах накануне Октября 1917 г. проживал каждый пятый житель Российской империи (Кошман Л.В. Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. С. 19). См. также последнюю монографию указанного автора: Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008. Увеличению степени концентрации населения в городах немало способствовал также рост численности крупных городов с населением свыше 100 тыс. жителей, в которых к 1914 г. проживало более 40 % всего городского населения страны. В начале XX в. появились первые русские города-мегаполисы с населением более миллиона человек – С.-Петербург и Москва.

задачи «улучшения внешнего благоустройства», «постройки гигиенических квартир», «лучшей организации народного здоровья и народного образования».<sup>404</sup> На собранные ими средства устраивались дороги и скверы, проводились дренажные работы и др. Привлекая к своей работе гласных городских дум, общества выражали готовность содействовать укреплению городского общественного управления.

Широкой известностью в последнее предреволюционное десятилетие пользовались общества благоустройства прилегающих к городам пригородных посёлков и дачных местностей. Подобные организации были наиболее распространены в столичных городах – Москве, С.-Петербурге и др. Дороговизна жилья и проживания в них, а также недостаточная обустроенность столиц в санитарном отношении (нехватка зелёных зон, мест для купания, запылённость атмосферы и т.п.) побуждала часть населения к вынужденному бегству в пригородные посёлки. Активно возникавшие в пригородах Москвы общества занимались оздоровлением огибающих город кольцом дачных посёлков: удовлетворяли потребности населения в организации в них врачебной и санитарной помощи, устройстве пожарной службы, сторожевой охраны и школьного дела.<sup>405</sup>

Общества благоустройства всячески декларировали свою хозяйственно-культурную направленность. Попытки этих полезных с точки зрения задач муниципального хозяйства организаций вмешиваться в политику властями не прощались и жёстко пресекались. Примером тому может служить история действовавших в 1907 – 1910 гг. обществ обывателей и избирателей, которые наряду с традиционными задачами благоустройства городов дерзнули покуситься на «святыя святых» городского самоуправления – выборы гласных в городские думы. Первое общество обывателей и избирателей, ориентированное на одну лишь Нарвскую полицейско-административную часть Петербурга, было основано в конце 1906 г. К декабрю 1908 г. подобные организации горожан возникли во всех частях Петербурга, затем такие общества появились в Смоленске, Туле, Омске, Иркутске, Красноярске, Саратове, Одессе, Рязани. К концу 1909 г. общества почти целиком переключились на подготовку выборов в городские думы, пытались воздействовать на исход выборов в интересах кадетской партии, и небезуспешно, учитывая победу, одержанную кадетами на выборах в Петербургскую городскую думу в декабре 1908 – январе 1909 г. Предвыборная агитация обществ обывателей, а также их выход за пределы столиц и попытки объединения в общероссийском масштабе привлекли внимание правительства. 25 июля 1910 г. П.А. Столыпиным был издан циркуляр, призывавший губернаторов внести на рассмотрение губернских по делам об обществах присутствий вопрос о прекращении действий обществ, «нацеленных на предметы, входящие в круг ведения городских и земских учреждений, и не допускать их возникновения впредь»<sup>406</sup>, в результате чего все общества обывателей и избирателей были закрыты.

В XIX в. в России стали создаваться пожарные общества. Их образование явилось следствием недостаточной организации в городах органами самоуправления противопожарной службы. Достижения пожарных обществ в организации попечительств о погорельцах и распространении среди населения необходимых для предотвращения пожаров знаний были признаны правительством, привлёкшем крупнейшее из них – Императорское российское пожарное общество – к участию в разработке пожарного законодательства.<sup>407</sup>

Задачи улучшения архитектурного облика российских городов вызвали к жизни общества архитекторов, на собраниях которых обсуждались вопросы строительных технологий, используемых при возведении в городах зданий различного функционального назначения, внешнего вида городских построек, а также совершенствования их санитарного и гигиенического состояния. Подчёркивая важную роль общественных организаций в защите памятников архитектуры, которыми так славилась Москва, просвещённый аристократ и общественный деятель граф С.Д. Шереметев сетовал: «Почему у нас не додумались до Общества охранения и реставрации художественных, исторических зданий, как во Франции, дабы существовал какой-либо контроль над произволом благотворителей с одной стороны и строительных разрушителей с другой. Не всё то, что старо, достойно сбережения, но известная охрана должна существовать от произвола невежества и злого умысла»<sup>408</sup>.

Проблемы улучшения санитарного состояния городов занимали значимое место и в работе обществ покровительства животным, действовавших как в столицах, так и в провинциальных городах – Тамбове, Воронеже и др. Указанные общества неоднократно возбуждали перед городскими властями вопрос о принятии превентивных мер против езды на больных лошадях. Символом признания властью заслуг этих организаций явилось удовлетворение Министерством императорского двора ходатайства С.-Петербургского отдела Российского общества покровительства животным о представлении его отличившихся членов к правительственным наградам с правом ношения на груди. Интересно заметить, что награждены были в первую очередь полицейские чины за содействие в поимке бездомных собак.<sup>409</sup>

Жители городов, и в особенности крупных, сталкивались в своём повседневном быту с многочисленными проблемами социального характера. К их числу относились детская неурюченность, бездомность, преступность. В Москве их разрешением занималась целая группа организаций. Это образованное в феврале 1911 г. под председательством супруги московского градоначальника З.Г. Рейнбот Общество призрения сирот и брошенных детей, организованное спустя три года по инициативе и под председательством супруги следующего московского градоначальника А.А. Адриановой Общество

<sup>404</sup> Выдержка из устава Общества благоустройства города Москвы // Голос Москвы. 1907. 1 мая.

<sup>405</sup> За 10 месяцев, с 10 апреля 1906 г. по 12 января 1907 г., на территории Московской губернии было образовано восемь обществ благоустройства дачных местностей и посёлков (Центральный исторический архив г. Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 64. Оп.1. Д. 557). По данным члена Государственной Думы М.В. Челнокова, к 1914 г. насчитывалось 136 подмосковных посёлков, в которых проживало 267 тыс. человек (Московские ведомости. 1911. 24 марта).

<sup>406</sup> Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 – 1911 гг. Л., 1978. С. 175 – 179; Об истории функционирования и запрещения обществ обывателей и избирателей см. также: Сухорукова А.С. Общества обывателей и избирателей Петербурга (1906 – 1910) // Россия в XIX – XX вв. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 270 – 276.

<sup>407</sup> Биржевые ведомости. 1913. 22 февраля. Утр. вып.

<sup>408</sup> Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 342.

<sup>409</sup> Русское государство. 1906. 13 мая.

призрения детей, страдающих сифилисом, а также Общество «Борьба с улицей», Общество воспитания детей улицы, Общество борьбы с детской смертностью, Общество патроната над несовершеннолетними, Общество покровительства беспризорным и освобождённым из мест заключения несовершеннолетним. Алгоритм действий этих организаций был схожим: на пожертвованные средства они приобретали усадьбу, в которой устраивали колонию-приют, призванный стать убежищем для брошенных или больных детей. Общественно-полезный характер инициатив одной из таких организаций – Петербургского Общества борьбы с нищенством детей – газета «Биржевые ведомости» характеризовала в следующих выражениях: подбирая на улице «из растлевающей обстановки заброшенных детей и окружая их отеческой заботой», Общество «борется с хулиганством и очищает столицы от лиц, потерявших здоровый трудовой путь»<sup>410</sup>.

Признаками переломного характера переживаемого Россией времени рубежа XIX – XX столетий явился выход на первый план в общественной жизни, литературе и искусстве проблем пола, семьи, сравнительной ценности жизни и смерти, оккультизма. На культурном пространстве столичных и ряда крупных провинциальных городов появились общества спиритуалистов, психологов, теософов и др.

Растущее число самоубийств в молодёжной среде обусловило создание в Петербурге в 1913 г. Общества защиты жизни, призванного стать объединяющим центром для организаций, озабоченных нравственным состоянием подрастающего поколения и парализацией губительного влияния на него порнографической литературы как одной из главных причин охватившей общество эпидемии самоубийств<sup>411</sup>.

Общества защиты жизни выглядели своеобразной «экзотикой» на социокультурном ландшафте российских городов. Их образование свидетельствовало о психологической и социальной незащищённости горожан. Так, Московский кружок деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом констатировал печальную картину развития алкоголизма в России, который, как утверждали общественные деятели, «рос значительно интенсивнее, чем народное просвещение», причём за счёт казённых средств.<sup>412</sup>

Усиливавшаяся обеспокоенность здоровьем нации порождала активизацию деятельности медицинских обществ. Наиболее известным из них являлось Общество русских врачей памяти Н.И. Пирогова, в составе которого работала Комиссия по распространению гигиенических знаний<sup>413</sup>. Высокая смертность от рака вызвала к жизни Общество борьбы с раком при Московском университете. Объединив в своём составе светил российской медицины, оно поставило целью научное исследование злокачественных новообразований и организацию их лечения рентгеновскими лучами радия.<sup>414</sup>

Существенный вклад в улучшение санитарно-эпидемиологического состояния городов внесли специализированные медицинские организации борьбы с туберкулёзом – филиальные отделения Всероссийской лиги для борьбы с туберкулёзом. Инициированные Пироговским обществом, эти общества развили активную работу по сбору средств для борьбы с тяжёлым недугом путём систематического устройства в городах дней цветка «белой ромашки», организовали сеть лечебниц и санаториев для лёгочных больных и т.п. Медицинские общества внесли также заметный вклад в повышение уровня профессионализации представителей различных медицинских специальностей – врачей, фельдшеров, акушеров, дантистов и др.<sup>415</sup>

Всё более прочные позиции в социально-культурном пространстве городов начала XX в. приобретали общества пропаганды здорового образа жизни. Увлечение спортом, особенно в молодёжной среде, являлось приметной чертой времени. Как писала российская пресса: «Игры и физические упражнения увлекают школьников, гимназистов и студентов, футбольные команды и всякого рода спортивные кружки поделили между собою добрую половину детей и юношей школьного возраста»<sup>416</sup>. Правительство покровительствовало этому благонамеренному направлению общественной жизни, небезосновательно усматривая в нём способ переключения общественной активности с революционной работы, вытеснения оппозиционного движения из стен российской школы, примирения власти и общества.<sup>417</sup>

К объединениям, культивирующим «здоровое тело», принадлежали общества велосипедистов, роликбежцев, футболистов, теннисистов, яхтсменов, гимнастические соколиные общества, многофункциональные общества и клубы любителей спорта и правильного физического воспитания.<sup>418</sup> К ним примыкали общества и клубы верховой езды, которые наряду с охотничьими обществами имели за собой продолжительную историю (во многих городах они возникли ещё в XIX в.<sup>419</sup>), известных «благородным» происхождением активистов (общества являлись цитаделью дворянства и

<sup>410</sup> Биржевые ведомости. 1913. 17 февраля.

<sup>411</sup> Биржевые ведомости. 1913. 31 января. Веч. вып.

<sup>412</sup> Русское слово. 1912. 29 января.

<sup>413</sup> О деятельности Пироговского общества русских врачей и Пироговских съездах см.: Булгакова Л.А. Медицина и политика: съезды врачей в контексте русской политической жизни // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: материалы Междунар. науч. colloquium. СПб., 2003. С. 213 – 235.

<sup>414</sup> Московские ведомости. 1913. 5 ноября.

<sup>415</sup> Под термином «профессионализация» в современной литературе понимается складывание функциональной группы квалифицированных специалистов, «широкой и стратегически важной образованной элиты, предрасположенной распространять новые ценности и, так сказать, реализовывать «общественность» (Хильдермайер М. Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах... С. 219).

<sup>416</sup> Ларский И. Школьный футбол // Современный мир. 1909. № 9.

<sup>417</sup> Пропаганде физического образования взрослых и юношества государство уделяло в рассматриваемый период большое внимание. Этой цели было подчинено введение Министерством народного просвещения целевых кредитов на устройство детских площадок для физических упражнений, издание правительством многочисленных циркуляров о создании в провинции кружков физического воспитания среди учащихся и т.п. (Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова... С. 66).

<sup>418</sup> В России спортивные объединения возникли позже, чем в Европе. Например, в Германии они начали образовываться ещё в 20-х гг. XIX в., в ходе общенациональной кампании по пропаганде здорового образа жизни (Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860 – 1914 гг.)... С. 481).

<sup>419</sup> В Тамбове Общество охотников конского бега было образовано в 1837 г., в Казани – в 1867 г.

предпринимательской элиты), связи и влияние в местном обществе (их членами являлись губернаторы, предводители дворянства, деятели городского самоуправления и др.).

В Москве в начале XX в. были представлены практически все виды организаций этой группы: существовали Спортивный клуб, Замоскворецкий клуб спорта, Измайловский клуб спорта, Общество наездников, Клуб мотористов, Клуб автомоциклистов-туристов, Клуб циклистов, Клуб роликобежцев, Кружок футболистов «Сокольники», Московский речной яхт-клуб, Кружок любителей правильной охоты и др.<sup>420</sup> Широкой известностью пользовались Шахматный кружок, Лига лыжебежцев, Собрание любителей гимнастики, Клуб автомобилистов, Яхт-клуб, Футбольная лига (последняя накануне Первой мировой войны объединяла 25 спортивных обществ). Многие спортивные общества располагали стационарными площадками для тренировок и занятий (катки на Патриарших прудах и на Петровке, горнолыжная станция на Воробьёвых горах, купальни близ Бородинского моста, гавань у Дорогомиловского моста). В Казани действовали Общество любителей конного спорта, Казанский речной яхт-клуб, Общество велосипедистов-любителей, гимнастические общества – «Сокол» и «Беркут», Общество охотников рысистого конского бега.<sup>421</sup>

Деятельность спортивных обществ, протекавшая публично на городских улицах, площадях, в парках и скверах, являлась своеобразной моделью коллективных символических действий, способствовала «формированию правил цивилизованного поведения и приличий», культурных форм жизни и общения.<sup>422</sup> В то время как члены клубов велосипедистов проезжали по городским улицам, а активисты обществ физического воспитания устраивали игры в теннис на специально оборудованных кортах, организовывали лыжные прогулки и арендовали парки и сады для проведения детских игр и развлечений, они участвовали в «актах социальной магии», «выражающих жизнь и формирующих её одновременно», представляли из себя некое «воображаемое сообщество». К этому следует прибавить ношение многими спортсменами-любителями эмблем и значков на отвороте одежды, заметно повышавших чувство их причастности к сообществу. Заметим, что попытки общественных организаций, за исключением отдельных привилегированных императорских обществ, использовать официальную символику (герб страны, губернии и др.), как правило, правительством не поощрялись.<sup>423</sup>

Ритуальные и символические формы действий занимали важное место в работе активно функционировавших в городах обществ организации культурного досуга. Так, определённый социальный смысл имели для жителей губернского Тамбова детские праздники, проводившиеся местным отделом С.-Петербургского общества детских развлечений. По сведениям местных газет и адрес-календарей, эти яркие и зрелищные мероприятия общим числом пять-шесть в сезон являлись одним из любимейших развлечений населения. У горожан надолго сохранилась в памяти панорама Варваринской площади, утопающей в зелени и цветах, расцвеченной флагами, наполненной играющими детьми и зрителями-взрослыми.<sup>424</sup> Досуговые общества способствовали также улучшению внешнего облика скверов и садов, являвшихся важным элементом культурного пространства российских городов.

Наряду с организациями, культивировавшими здоровый образ жизни, существовали общества, занимавшиеся пропагандой правильного питания. Этой задаче была подчинена деятельность Вегетарианского общества в С.-Петербурге. На его заседаниях разрабатывалась программа постепенного перехода к вегетарианскому питанию, обсуждались проблемы вегетарианского движения в городах Западной Европы.<sup>425</sup>

Людам, жившим в начале XX столетия, приходилось постоянно встречаться с всё возрастающим количеством различных технических новшеств. Ширившимся потоком они входили в российскую жизнь, меняя её традиционный уклад, ускоряя ритм, способствуя преодолению былой обособленности русских городов.

Со стремительным распространением начиная с конца 90-х гг. XIX в. граммофона в городскую, а затем и в сельскую Россию пришла культура массового досуга, потеснившая элитную музыкальную культуру XIX в. С целью пропаганды и развития в городах новой формы музыкальной культуры основываются общества любителей граммофона. Объединяя любителей музыки и энергично приумножая свой членский состав, а вместе с ним и капитал, они закупали в столичных фирмах и поставляли своим членам по льготным ценам граммофонные аппараты, организовывали прослушивание музыкальных новинок в залах городских клубов, гостиниц, кинематографов.

В начале XX в. возникли и начали входить в городской быт новые средства сообщения и связи – автомобили, аэропланы. Современники указывали на увлечение лётным делом как на один из важных фактов русской жизни, ярко отражавших и выражавших «ритм времени».

Московский губернатор В.Ф. Джунковский, описывая в своих воспоминаниях общественную жизнь дореволюционной Москвы, красочно нарисовал картину зрелищных мероприятий, устраиваемых во второй столице автомобильными и авиаторскими обществами. Среди них особенно запомнилось губернатору проведение Императорским российским автомобильным обществом автопробега по маршруту С.-Петербург – Киев – Москва – С.-Петербург, посещение гонщиками

<sup>420</sup> Перечень обществ составлен на основании: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1905 г. Д. 61 (е); ЦИАМ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 557.

<sup>421</sup> Зорин А.Н., Ключина Е.В. Общественные организации городов // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья... С. 462 – 464.

<sup>422</sup> Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860 – 1914 гг.)... С. 487–488.

<sup>423</sup> Министерства нередко принимали решения о запрете частным обществам применять государственную символику. К примеру, Главным управлением землеустройства и земледелия 18 марта 1910 г. было постановлено о запрете сельскохозяйственным обществам использовать государственную символику на дипломах и медалях, выдаваемых победителям выставок и аукционов, а также на производимых обществами товарах (Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 7103. Л. 272). Хотя в любом правиле есть исключения. С.-Петербургскому императорскому обществу естествоиспытателей было официально разрешено использовать на своих печатях изображение государственного герба (Русское государство. 1906. 8 марта).

<sup>424</sup> Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова... С. 67–68.

<sup>425</sup> Русское государство. 1906. 20 февраля.

Москвы, тёплая встреча спортсменов жителями столицы и чествование их Московским автомобильным клубом в большом зале «Эрмитажа».<sup>426</sup>

Деятельность Московского общества воздухоплавания, в котором Джунковский состоял председателем, он характеризовал как весьма успешную. Общество активно развивало свою материальную базу: оборудовало аэродром на Ходынском поле, где устроило 10 ангаров и школу военных лётчиков, имело 5 летательных аппаратов. Широкой известностью пользовались его мероприятия: 2-й Всероссийский воздухоплавательный съезд в 1912 г., Международная выставка воздухоплавания, на которой были представлены все последние модели аэропланов и моторов, ежегодные майские выставки воздухоплавания в городском манеже, во время которых демонстрировались новинки воздухоплавательной техники и устраивались полёты на сферических шарах, а также периодические летние недели воздухоплавания, традиционно завершавшиеся организацией воздушного перелёта из Петербурга в Москву с участием известных российских авиаторов.<sup>427</sup> Подтверждением эффективности действий Общества являлись его растущие финансовые возможности: бюджет Общества за 1910 – 1912 гг. возрос с 27 тыс. до 78 тыс. р., составляясь из членских взносов, частных пожертвований и доходов с публичных выступлений.<sup>428</sup>

В Петербурге в то время действовала организация со сходными задачами – Императорский всероссийский аэроклуб. Он был основан в январе 1908 г. с целью развития в стране частного воздухоплавания, по образцу Парижского аэроклуба. В числе организуемых Императорским аэроклубом публичных акций следует отметить ежегодно проводимые им весной сборы на усиление средств воздушного флота. Они имели весьма насыщенную программу: устраивалось множество полётов на дирижаблях, аэропланах и бипланах всех известных в России систем. На улицах и скверах столицы осуществлялась продажа особых значков с изображением известных летательных аппаратов. Специально присланные из Парижа, эти значки были изящно отделаны в форме небольших булавок, приспособленных для ношения в петлице.<sup>429</sup>

Сборы средств на развитие воздушного флота проводились накануне Первой мировой войны в большинстве российских городов. Их организацией занимался Императорский отдел воздушного флота.

Перспективы правильной постановки воздухоплавательного дела обсуждались на воздухоплавательных съездах. Первый такой съезд был созван Императорским русским техническим обществом в Петербурге в апреле 1911 г. Параллельно со съездом проводила свою работу I Всероссийская воздухоплавательная выставка.<sup>430</sup>

Автомобильные и авиационные общества способствовали прежде всего разрушению территориально-географической обособленности российских городов. Ликвидации же их культурной изоляции, интеллектуального и духовного подчинения провинциальных городов столичным содействовали общества, работавшие в социально-культурной сфере: образовательные, научные, литературные, музыкальные, театральные и др.

Пути самосознания рядового горожанина, жившего в начале XX в., были связаны, прежде всего, с самообразованием. Модернизация общественного и государственного строя России, а также наметившиеся в последние десятилетия XIX в. успехи экономического роста предъявляли повышенные требования к образовательному уровню населения, вызвали настоятельную необходимость в распространении в обществе элементарной грамотности и специальных профессиональных знаний. Однако расходы государства на народное образование даже в начале XX в. оставались символическими<sup>431</sup>, а значительная часть городского населения не обладала элементарным образованием<sup>432</sup>, ввиду чего потребность горожан в самообразовании удовлетворяли добровольные просветительские организации. Наиболее крупными всероссийскими объединениями этой группы являлись Лига образования, Общество народных университетов, Русское техническое общество, Вольное экономическое общество.

Образовательные организации Москвы были представлены Обществом грамотности, Комитетом грамотности при Московском обществе сельского хозяйства, Обществом распространения технических знаний, Кружком совместного воспитания и образования детей, Обществом народных университетов, Обществом независимых библиотек, Обществом по проведению публичных лекций, организации библиотек и читален и др.<sup>433</sup> В провинциальных городах действовали общества народных университетов, распространения в народе грамотности, содействия народному образованию, распространения среднего образования, распространения коммерческого образования, общества библиотеки, общества по устройству народных чтений.<sup>434</sup>

<sup>426</sup> Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 488–489.

<sup>427</sup> Московские ведомости. 1911. 8 марта.

<sup>428</sup> Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 15 – 17.

<sup>429</sup> Биржевые ведомости. 1913. 23 января. Утр. вып., 7 марта. Утр. вып.

<sup>430</sup> О деятельности автомобильных и авиаторских обществ и их взаимоотношениях с государством см.: Туманова А.С. Власть и технический прогресс: воздухоплавательные и автомобильные общества дореволюционной России под наблюдением Департамента полиции // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2002. № 4. С. 787 – 794.

<sup>431</sup> По данным информированной газеты «Новое время», в России на народное образование на душу населения государство расходовало 36 к. Для сравнения: в Англии на душу населения тратилось 3 р. 55 к. (Новое время. 1908. 13 января).

<sup>432</sup> В Москве и Петербурге в конце XIX в. грамотными были 56,3 и 62,7 % населения, в среднем в городах Европейской России грамотных было 48,9 % (в городах Владимирской губернии – 48 %, Воронежской – 44,4 %, Калужской – 52 %, Костромской – 51,8 %, Ярославской – 54,2 %) (Общий свод данных первой всеобщей переписи населения. СПб., 1897. Т. 1. Табл. 19 – 40).

<sup>433</sup> Михайлова М.В. Общественные педагогические и просветительские организации дореволюционной России (середина XIX – начало XX в.). М., 1993 С. 152–153; Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 80.

<sup>434</sup> Данные получены на основе анализа перечня просветительских обществ за 1906 г. (Ежегодник внешкольного образования. Вып.1. М., 1907. С. 298 – 301), указателя общественных педагогических и просветительских организаций дореволюционной России (Михайлова М.В. Общественные педагогические и просветительские организации дореволюционной России (середина XIX – начало XX в.). С. 147 – 161), а также перечней просветительских обществ городов Казани (Зорин А.Н., Ключина Е.В. Общественные организации городов... С. 447 – 449) и Тамбова (Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова... С. 38 – 52).

Последние десятилетия существования монархии были ознаменованы «революцией в чтении»<sup>435</sup>. Записки современников и материалы периодической печати, отражавшие картину нравов того времени, подчёркивали повсеместное распространение чтения, которое охватило все слои общества, проникло во все стороны повседневной жизни горожан. Население заболело настоящей «манией чтения», превратившейся в «читательскую лихорадку» и в «читательское исступление».<sup>436</sup>

Непрерывной чертой российского городского культурного пейзажа становятся начиная с 90-х гг. XIX в. общества распространения народных чтений. В Европе читательские общества возникли ещё в XVIII в. Они сыграли огромную роль в культурной революции эпохи Просвещения, а также утверждению новыми промышленными центрами своего городского статуса по примеру более старых городов. Активисты читательских обществ на Западе ощущали себя членами единого космополитического сообщества, верили в то, что, участвуя в чтении и открытом философском обсуждении прочитанного, они способствуют прогрессу и просвещению всего человечества.<sup>437</sup>

В России читательские общества появились заметно позже, и их роль была менее значительной, чем у их западных собратьев. Наиболее многофункциональные из них – общества народных чтений – способствовали объединению усилий городской элиты по устройству библиотек, острая нехватка которых наблюдалась повсеместно, организации публичных чтений для народа и обсуждения прочитанного.<sup>438</sup> Благодаря усилиям обществ народных чтений и обществ народных университетов в российских городах возникла широкая сеть внешкольных образовательных учреждений – библиотек и книжных складов, снабжавших население популярными изданиями для народа, воскресных школ и общеобразовательных курсов для рабочих, широко проводились общедоступные лекции, чтения и беседы. Внося важные коррективы в существующую систему народного образования, общественность делала её более творческой, мобильной, способной полнее отвечать требованиям современной жизни.

Своей кропотливой работой общества в значительной мере подготовили улучшение читательских вкусов народа, являвшихся одним из важных критериев состояния умственной жизни населения.<sup>439</sup> Действуя на широкой демократической основе, предоставляя своим членам возможности непосредственно влиять на заказы книг, периодических изданий и организуя их совместное обсуждение, общества формировали новое публичное пространство.

Созданию единого образовательного пространства, преодолению изоляции провинциальных городов способствовали ассоциации земляков. Их создателями становились молодые предприимчивые студенты, литераторы, музыканты, учёные, устремлявшиеся в начале XX столетия в Петербург, Москву и другие крупные города для получения образования и творческой самореализации. Это были очаги общения, где люди, являвшиеся выходцами из одних и тех же населённых пунктов, однако занимавшие зачастую различное положение в обществе, могли собираться, обмениваться идеями, оказывать друг другу необходимую поддержку, совместно продвигаясь к общей цели – обретению своего места в чуждой поначалу для провинциалов среде больших городов.<sup>440</sup>

Такие очаги культуры, как образовательные общества и землячества, внесли заметный вклад в разрушение культурной обособленности российских городов. Они способствовали созданию единого социокультурного пространства, в которое была включена и провинция, преодолению исторически сложившегося подчинённого её положения в имперской системе координат.

Начиная с последней трети XIX в. культура провинции, развивавшаяся ранее большей частью сама в себе, становится предметом внимания в столицах. Поворот столичной власти к провинции был идеологически обоснован официальным

---

<sup>435</sup> Успехи русского книгоиздания американский исследователь Дж. Брукс связывает прежде всего с отсутствием влияния других, в особенности электронных, источников информации: «Радио в России не получило широкого распространения до 1920-х годов», поэтому, «если люди хотели узнать о своей стране и мире, они должны были обратиться к печатному слову» (Брукс Д. Грамотность и печать в России, 1861 – 1928 // Чтение в дореволюционной России. М., 1992. С. 86).

<sup>436</sup> Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1911. № 6; 1913. № 3. В начале XX в. Россия заняла первое место в мире по объёму печатной продукции на душу населения (Рубакин Н. Книжный прилив и книжный отлив // Современный мир. 1909. № 12. С. 20), а количество лиц, умеющих читать, возросло по сравнению с 1880-ми гг. более чем в 3 раза (Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 – 1907 годах. СПб., 1997. С. 19).

<sup>437</sup> Как отмечает Р. Шартье, «читательские общества и клубы были активными участниками трёх важнейших процессов века Просвещения: они способствовали развитию демократических форм общения, ибо их решения принимались на основе голосования и без учёта сословного статуса членов клуба; они являлись важным инструментом цивилизации, поскольку их уставы строго регламентировали нормы поведения; наконец, читательские клубы (наряду с литературными обществами и масонскими ложами) способствовали созданию нового интеллектуального и социального публичного пространства, где частные лица могли в стороне от властей совместно обсуждать государственные дела и деяния монархов. Позволив большему числу читателей читать больше книг, расширив рынок сбыта для периодических и многотомных изданий (словарей, энциклопедий, книжных серий), читательские клубы глубоко преобразили практику чтения и повлияли на формирование нового типа читателя. Все эти процессы создавали мощную основу для проникновения книги во все сферы жизни, для появления новых литературных и издательских жанров, новых способов чтения» (Шартье Р. Книги, читатели, чтение // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 300–301).

<sup>438</sup> Тамбовским обществом по устройству народных чтений за период 1895 – 1903 гг. было открыто в Тамбовской губернии 725 народных библиотек, в то время как до 1895 г. их численность не превышала и десятка. В 1893–1894 гг. Обществом было проведено в Тамбове 71 чтение, число слушателей которых составило 46 тыс. человек, в 1896–1897 гг. 91 чтение с 52 тыс. слушателей, в 1913 г. 119 чтений с 31 тыс. слушателей (Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова... С. 48–49).

<sup>439</sup> О развитии литературных вкусов читающей публики говорило, к примеру, обследование читательского спроса в библиотеках обществ народных чтений ряда провинциальных городов – Казани, Екатеринбург, Тамбова и др., проведённое в начале XX в. Собранные материалы показали, что наиболее высокий спрос предъявлялся провинциальным читателем на произведения классиков русской литературы Л.Н. Толстого, М. Горького, А.П. Чехова, И.А. Гончарова. Известностью пользовались также солидные журнальные издания либерального направления – «Вестник Европы», «Вестник воспитания», «Русское богатство», «Современник» (Что читает провинция. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1911. № 6. С. 369–370; Тамбовские отклики. 1914. 3 мая; ГАТО. Ф. 25. Оп.1. Д. 27. Л. 27, 80 об., 129, 165, 284, 286).

<sup>440</sup> О землячествах, создававшихся в среде воспитанников высшей школы см.: Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 290 – 293; Он же. Землячества // Российское студенчество на рубеже веков: материалы Всеросс. студенч. форума. М., 2001. С. 41 – 57.



курсом императора Александра III, сменившим «теорию официальной народности» на близкое ей по духу «народное самодержавие» и реанимировавшим принципы знаменитой триады «православие, самодержавие, народность».

Статьи корреспондентов из провинции, описывавшие живую старину своих губерний, появлялись в изданиях Русского географического общества, чтениях в Обществе истории и древностей российских. Благодаря знакомству с ними в обществе возникало убеждение, что именно там, на периферии, в скрытой от глаза столичного наблюдателя российской глубинке, сохранились живые пласты русской жизни и подлинно народной культуры.<sup>441</sup>

Развитию знаний о провинции, её истории и культуре, способствовали научные общества. Одним из главных культурных результатов 80-х гг. XIX в. стало создание губернских учёных архивных комиссий, образованных первоначально в Твери, Тамбове, Рязани и Орле. Насажение имперского «русского стиля» в России сопровождалось небывалым расцветом «археологизма», выразившимся в образовании обществ (военно-исторических, церковно-археологических и др.), ориентированных на археологические разыскания, реставрацию памятников светской и церковной архитектуры, создание церковно-археологических музеев и комиссий.

Научные общества провинциальных городов поддерживали тесные контакты со столичными организациями, создавали филиалы столичных обществ, изучающих провинциальную культуру. Так, археологические изыскания научно-краеведческих обществ Центрального Черноземья велись под руководством Московского археологического общества. Их результатом стали подробные археологические карты Воронежской, Курской и Тамбовской губернии с нанесением на них всех расположенных здесь памятников.<sup>442</sup>

Образованные преимущественно из краеведов-любителей, такие общества, помимо интереса к изучению прошлого, преследовали и иные мотивы. Своими исследованиями местные учёные стремились опровергнуть распространённый взгляд на провинциальную историю и культуру как на нечто неяркое и нежизнеспособное и показать неповторимую самобытную роль провинции в жизни страны. Опыт самостоятельного общественного и культурного действия возвращал провинции достоинство, тем более что созидательная роль «делателей», которых было не так много и имена которых были, что называется, на слуху<sup>443</sup>, там была всегда заметнее, чем в столицах.

Рост интереса к путешествиям по провинциям России как лучшего средства познания страны нашёл отражение в работе обществ, занимавшихся экскурсионной деятельностью, – Комиссии по организации экскурсий при Московском отделении Российского общества туристов, Учебного отдела Общества распространения технических знаний, Всероссийского общества народных университетов.

Способом интеграции в общероссийскую культурную среду стало для российских городов также участие в праздновании крупных исторических годовщин, на которые было необычайно богато николаевское царствование. Время начала XX в. было отмечено такими юбилейными торжествами, как двухсотлетие со дня основания Петербурга, отмечавшееся в 1903 г., двухсотлетие Полтавской битвы (1909 г.), столетие Отечественной войны 1812 г. (1912 г.). Особенно помпезными явились торжества по случаю трёхсотлетия Дома Романовых в 1913 г. Отмечались также церковные торжества в связи с канонизацией новых святых и открытием мощей.

Серьёзную заинтересованность проявила российская власть в образовании в преддверии проведения крупных юбилейных торжеств – 300-летия царствования Дома Романовых, 100-летия Отечественной войны 1812 г. и др. – общественных организаций, призванных содействовать патриотическому воспитанию населения. В число организаций, желавших разделить усилия государства в данном направлении, вошли основанные по инициативе Императорского русского военно-исторического общества Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г., Общество потомков участников Отечественной войны в Москве, Общество ознакомления с историческими событиями России, Бородинское общество охраны памятников и др.<sup>444</sup> Московский губернатор В.Ф. Джунковский, являвшийся главным организатором Бородинских торжеств и вложивший немало сил в благоустройство Бородинского поля, сооружение на нём памятников воинской славы, поддержал создание осенью 1912 г. Бородинского общества охраны памятников. Общество создавалось по инициативе лиц, занимавшихся обустройством Бородинского поля, с целью охраны памятников воинской славы и монументов героям войны, организации исторических изысканий по выяснению неисследованных сторон Бородинского боя.<sup>445</sup>

Единение власти и общества должен был продемонстрировать основанный в Москве в 1914 г. в честь 300-летия царствования дома Романовых Романовский комитет, собравший несколько десятков высокого ранга чиновников – членов Государственного Совета, директоров различных правительственных ведомств.<sup>446</sup>

Начало XX столетия, ознаменованное поражением России в войне с Японией и Первой русской революцией, было отмечено ростом всеобщего интереса к политике. В городскую жизнь начали входить ассоциации с политически мотивированными целями – различного рода национальные общества и клубы, право-консервативные и либерально настроенные организации.

Созданием лояльной правительству атмосферы в высшей и средней школе и изгнанием из её стен революционных беспорядков занимались общества академистов, порядка в средней школе, Филаретовское общество народного образования и др. Последнее декларировало своей целью «постановку образования в России на исконных началах

<sup>441</sup> Козляков В.Н., Севастьянова А.А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX в. М., 1998. Т. 1. С. 160.

<sup>442</sup> Чепелева И.Д. Участие научно-краеведческих обществ в общественно-политической жизни России в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1993. С. 196.

<sup>443</sup> Определяя круг деятелей местного общества на материалах городов Казани и Саратова и основывая свои подсчёты на числе членов различных ассоциаций (в том числе городских дум), действующих в этих городах, Л. Хэфнер приходит к выводу, что «местное общество оказывалось маргинальной формацией и являлось, как правило, мужской сферой. Его доля не превышала 1,5–2 % в массе городского населения», насчитывая в Казани и Саратове максимум 2–3 тыс. человек мужского пола. Даже если принять во внимание членов их семей, то процент активистов местного общества всё равно не превысил бы 2–3 %. Для сравнения: число немецких буржуа оценивается цифрой от 5 до 15 % населения (Хэфнер Л. *Civil Society, Burgertum* и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в поздней имперской России... С. 199).

<sup>444</sup> Московские ведомости. 1911. 2 февраля; Русское слово. 1912. 17 января.

<sup>445</sup> Джунковский В.Д. Воспоминания. Т. 2. С. 68; Об основании Бородинского общества охраны памятников см. также: ЦИАМ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 368.

<sup>446</sup> Русское слово. 1914. 20 мая.

преданности церкви православной, самодержавию Царскому и народности русской», а его лидеры не скрывали, что Общество будет «ушами и глазами» учебного начальства. Энтузиастами этих организаций явились известные правоконсервативные общественные деятели В.М. Пуришкевич, кн. А.К. Мещерский, Г.Г. Замысловский, профессор П.И. Ковалевский.<sup>447</sup>

Своё единение с властью продемонстрировали накануне вступления России в Первую мировую войну и либералы. Свидетельством охватившей российское общество патриотической тревоги стало основанное известными общественными деятелями (кн. Павел Д. Долгоруков, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский, С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский и др.) российское отделение международного общества «Мир», призванное сформировать мировое общественное мнение в духе высказанного русским монархом на Гаагской конференции 1907 г. призыва к всеобщему миру. Известные профессора права – деятели московского и петербургского отделов этой пацифистской организации – занимались разработкой и популяризацией основ международного права, налаживали связи с пацифистскими организациями Европы, предостерегали европейскую общественность от участия в общеевропейской войне, отстаивали выдвинутое российским правительством предложение о введении третейского суда для разрешения международных конфликтов, разрушая тем самым границы между Россией и остальным миром.<sup>448</sup>

Расширению политического кругозора населения страны и приобретению им навыков практической деятельности способствовало участие в избирательных кампаниях и текущей работе органов самоуправления. Частные общества тесно контактировали в своей работе с органами общественного самоуправления, городские служащие нередко выходили из числа активистов обществ. Так, по данным Л. Хэфнера, из 426 избранных в Городскую думу Казани гласных в период 1870 – 1913 гг. 219, т.е. 51,4 %, являлись участниками общественных организаций.<sup>449</sup> Публичные собрания обществ являлись местом, где общественные деятели соприкасались с демократическими элементами и процедурами, приобретали опыт участия в выборах и баллотировке, утверждении бюджета, публичных выступлениях.

Участие в общественных организациях и муниципальных органах пробуждало общественный темперамент тех, кто ещё за несколько лет до того и помыслить не мог о высказывании самостоятельного суждения. В российских городах во многом под их воздействием проснулся вкус к публичной деятельности, пробудились общественные чувства.

Представленный в рамках настоящей статьи перечень организаций, действующих в городах и преобразующих их социокультурную среду, далеко не является исчерпывающим. Действия целого ряда обществ – литературных, театральных, музыкальных, взаимно-вспомогательных и др. – остались нами не рассмотренными. Однако приведённый обзор даёт возможность заключить, что, очевидно, не было ни одной мало-мальски значительной проблемы, встававшей перед горожанами, которая не возбуждала бы к жизни соответствующую инициативу общественности, готовой разрешить её своими силами. Общественные структуры заполняли практически все образующие лакуны в городском социокультурном пространстве, давали выход всем возрастающим потребностям горожан.

Общества внесли весомый вклад в повышение материального благосостояния населения российских городов, предвосхитили многие достижения в научно-технической и культурной областях и, что особенно важно, готовили глубинные изменения в самосознании горожан, способствуя их превращению из обывателей в свободных граждан. Как писал журналист провинциальной газеты, а в будущем нарком почт и телеграфов в советском правительстве социал-демократ В.Н. Подбельский: «Обыватель сделал большой шаг вперед в сторону роста общественного самосознания, роста интереса к тому, что... выходит за пределы нашего личного существования. Обывательщина сменяется общественностью...»<sup>450</sup>. Продолжая мысль наблюдательного современника, заметим, что общественные организации создавали основу для становления новой городской элиты, положение которой в обществе определялось уже не её сословным статусом, а имевшимися у неё навыками общественной работы, степенью развитости у неё таких качеств, как гражданский долг и ответственность.

Общественная самодеятельность вела к ещё одному значимому результату – она способствовала формированию у населения новой идеологии, пробуждению у него вкуса к публичной деятельности, гласному обсуждению событий общественной и политической жизни, развитию чувства гражданского долга и ответственности. В предреволюционной России добровольные организации были островками формирующегося гражданского общества и либеральной идеологии, базировавшейся на представлении о необходимости мирной трансформации самодержавной формы правления в направлении конституционного строя.

<sup>447</sup> Русское государство. 1906. 4 марта; Русское слово. 1912. 13 марта; Русское слово. 1914. 24 мая.

<sup>448</sup> Русское слово. 1912. 20 января; Биржевые ведомости. 1913. 13 марта. Утр. вып.; О деятельности российского отделения международного общества «Мир» см. также: Богатырева Л.В. Кадеты и общественные организации в 1905 – феврале 1917 г. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 88 – 90.

<sup>449</sup> Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860 – 1914 гг.)... С. 521.

<sup>450</sup> Тамбовская жизнь. 1913. 26 мая.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

*Безгин Владимир Борисович* – профессор кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета, доктор исторических наук.

*Сельцер Дмитрий Григорьевич* – директор Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, доктор политических наук, профессор.

*Туманова Анастасия Сергеевна* – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Государственного университета – Высшей школы экономики.

*Штефан Карш* – заместитель главы представительства ДААД в Москве.

*Щербинин Павел Петрович* – заведующий кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, доктор исторических наук, профессор, руководитель Тамбовского центра гендерных исследований.

*Щербинина Юлия Вячеславовна* – методист управления диссертационными советами Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, кандидат исторических наук.

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>П.П. Щербинин</i> ВОЕННЫЙ ФАКТОР В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ .....	3
<i>В.Б. Безгин</i> БАБЬЯ ДОЛЯ (ЖИЗНЕННЫЙ УДЕЛ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ) .....	7
<i>П.П. Щербинин</i> ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕСТЁР МИЛОСЕРДИЯ В ПЕРИОД ВОЙН РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ. ....	23
<i>В.Б. Безгин</i> ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ И БЛУД В ЖИЗНИ РУССКОГО СЕЛА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.) .....	35
<i>Ю.В. Щербинина</i> ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОСЛОВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ВОЕННЫХ ВЕТЕРАНОВ РУССКОЙ АРМИИ XIX В. ....	44
<i>Ю.В. Щербинина</i> СОСЛОВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ВОЕННЫХ ВЕТЕРАНОВ (ОТСТАВНЫХ СОЛДАТ) В РОССИИ В XIX В. ....	50
<i>Stefan Karsch</i> LOCAL RIOTS AND RUSSIAN REVOLUTION VORONEZH BETWEEN INDEPENDENCE AND RELIANCE ON THE CAPITAL, 1917 – 1919 .....	65
<i>Д.Г. Сельцер</i> ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ, ИЛИ ОТ ПЛАНА К КЛАНУ (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ) .....	71
<i>Д.Г. Сельцер</i> НОМЕНКЛАТУРА В СССР: ИСКУШЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ .....	76
<i>А.С. Туманова</i> ДОБРОВОЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ТИПА ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИУМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ .....	87